

ISSN 1993–4750

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

21 (732)
2015

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education
“Moscow State Linguistic Universitat”

VESTNIK
of Moscow State Linguistic Universitat

The year of foundation – 1940

Issue 21 (732)

LINGUISTICS

**INTERCULTURAL COMMUNICATION. LANGUAGE
LEARNING AND ACQUISITION**

Moscow
FSBEI HE MSLU
2015

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный лингвистический университет»

ВЕСТНИК
Московского государственного лингвистического
университета

Год основания издания – 1940

Выпуск 21 (732)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2015

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор издания
доктор педагогических наук, профессор, академик РАО
И. И. Халеева

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

Халеева И. И. (<i>председатель</i>)	
Нечаев Н. Н. (<i>заместитель председателя</i>)	
Комаров А. В. (<i>ответственный секретарь</i>)	
Гаджиев А. А. (Азербайджан)	Моисеенко Л. В
Баранова Н. П. (Белоруссия)	Мусаев А. И. (Кыргызстан)
Бурнацева З. К.	Ноздрин Л. А.
Голубина К. В.	Потапова Р. К.
Воронина Г. Б.	Прохоров Ю. Е.
Гаспарян Г. Р. (Армения)	Радченко О. А.
Гусейнова И. А.	Русецкая М. Н.
Дудик Н. А.	Семенова Т. И.
Залиханов М. Ч.	Сорокина Т. С.
Имомов М. С. (Таджикистан)	Сухарев Ю. А.
Ирисханова К. М.	Тарасова А. Н.
Ирисханова О. К.	Титкова О. И.
Касюк А. Я.	Убин И. И.
Краева И. А.	Ли-Янке Х. (Швейцария)
Красноженова Г. Ф.	Ченки А. Д. (Нидерланды)
Кунанбаева С. С. (Казахстан)	Шерер Р. (Швейцария)
Лодейро Ф. Г. (Испания)	Шулепов Н. А.
Лю Лиминь (КНР)	Форстнер М. (Швейцария)
Маркес Д. С. (Испания)	
Медведева Т. В..	

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ «ВЕСТНИК МГЛУ». Выпуск 21 (732)

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, проф. А. М. Каплуненко (*ответственный редактор*);
д-р филол. наук, проф. Т. И. Семёнова (*зам. ответственного редактора*);
д-р филол. наук, проф. Н. Н. Казьдуб (*ответственный секретарь*);
д-р филол. наук, проф. Т. Е. Литвиненко (*зам. ответственного секретаря*);
д-р филол. наук, доц. П. П. Дашинимаева
(директор Ин-та филологии и массовых коммуникаций БГУ);
д-р филол. наук, проф. Е. Ю. Кунцицына;
д-р филол. наук, проф. С. Н. Плотникова; д-р филол. наук, проф. Е. Ф. Серебрянникова;
д-р филол. наук, проф. В. А. Степаненко; канд. филол. наук, доц. О. М. Готлиб;
канд. пед. наук, доц. Т. В. Живоколенцева;
руководитель Российско-Испанского университетского центра
Университета Кадиса А. С. Аррибас

Издание входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

© ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. ЭЛ № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Л. Адилханян</i> Дискурсивные маркеры оппозиции «свой – чужой» в программно-политической модели медийного дискурса коррупции (по данным контрастивного анализа)	9
<i>Т. Л. Верхотурова</i> Особенности универсальной категории отсутствия	23
<i>Н. Н. Ефимова</i> Возможные миры ослышки	36
<i>Н. Н. Коробейникова</i> Концептуализация временного промежутка в современном английском языке	49
<i>Е. Е. Меньшикова</i> Библеизмы в рекламном туристическом нарративе	60
<i>Н. Н. Панченко</i> Сущность лингвистической креативности журналиста: управление информационным и коммуникативным пространством	70
<i>Д. А. Попова</i> Стратегия позиционирования как способ реализации субъектности во французском межперсональном интернет-дискурсе в жанре комментария	82
<i>И. А. Савватеева</i> Специфика семиотичности поведения	93
<i>О. Н. Садовникова</i> Этносемиотрия знака «Инновация»	104
<i>Т. И. Семенова</i> Оценочная категоризация мира английскими прилагательными с семантикой ложности	115
<i>Е. Ф. Серебрянникова</i> Аксиологическое измерение дискурса	128
<i>О. А. Соколова</i> Метафорическая модель движения по кругу в репрезентации ментальной сферы	138

<i>А. Г. Хлебодарова</i>	
Актуализация ценностных доминант личностно-ориентированного дискурса мечты в британской и американской культурах.....	151
<i>О. А. Хо</i>	
中俄动物象征意义的同异比较.....	160
<i>Т. Е. Шишмарева, О. М. Готлиб, Е. В. Кремнёв</i>	
К вопросу о семантических видах знаков и принципах организации лексических единиц в древнекитайском словаре «Эрья»	169

CONTENTS

<i>Adilkhanian I. L.</i> The discursive of the opposition «friends and foe» in the political model of media discourse of corruption (according to the contrastive analysis).....	9
<i>Verkhoturova T. L.</i> Peculiar features of the universal category absence.....	23
<i>Efimova N. N.</i> Mondegreen underworld.....	36
<i>Korobeinikova N. N.</i> Conceptualization of a time interval in modern english.....	49
<i>Men'shikova E. E.</i> Biblical expressions in the tourist narrative of advertising.....	60
<i>Panchenko N. N.</i> The essence of a journalist's: management of informational and communicative space	70
<i>Popova D. A.</i> Positioning strategy as a way of the subjectness realisation in the interpersonal french discourse in the Genre of comment.....	82
<i>Savvateeva I. A.</i> Specification of behavioral semiotics	93
<i>Sadovnikova O. N.</i> The ethnosemiometry of the «innovation» sign.....	104
<i>Semenova T. I.</i> Evaluative Categorization of the World by English Adjectives with the Meaning of Falsity	115
<i>Serebrennikova E. F.</i> Axiological discourse of discourse	128
<i>Sokolova O. A.</i> The Metaphoric model of motion a circle in representing the mental space	138

<i>A. G. Khlebodarova</i>	
Updating of the values of dominant student-centered discourse of dream in British and American cultures.....	151
<i>Kho O. A.</i>	
A comparison study of the animalistic symbols of the Chinese and Russian culture	160
<i>Shishmareva T. E., Gotlib O. M., Kremnyov E. V.</i>	
To the question about the semantic types of signs and principles of organization of lexical units in ancient Chinese dictionary «ER'YA».....	169

УДК 81.00

И. Л. Адилханян

преподаватель кафедры восточных языков МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: ivan_ad@mail.ru

**ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»
В ПРОГРАММНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ
МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА О КОРРУПЦИИ
(ПО ДАННЫМ КОНТРАСТИВНОГО АНАЛИЗА)**

Статья посвящена выявлению дискурсивных маркеров оппозиции «свой-чужой» в медийном дискурсе о коррупции, образующем устойчивую предметную сферу масс-медийного пространства. Устанавливается, что в программно-политическом модели данного типа дискурса оппозиция «свой – чужой» осуществляет интерпретативную, регламентирующую и прагматическую функции и структурируется градуировано в рамках высказываемой идеологической позиции.

Ключевые слова: оппозиция «свой-чужой»; коррупция; программно-политическая модель; маркер; оппозиция; медийный дискурс.

Adilkhanian I. L.

Lecturer, MSLU EALI;
e-mail: ivan_ad@mail.ru

**THE DISCURSIVE MARKERS OF THE OPPOSITION
«FRIENDS AND FOE» IN THE POLITICAL MODEL
OF MEDIA DISCOURSE OF CORRUPTION
(ACCORDING TO THE CONTRASTIVE ANALYSIS)**

The article is devoted to revealing discourse markers of the opposition “friend or foe” in the media discourse on corruption, forming stable substantive sphere of mass media space. It is established that in the political model of this type of discourse the opposition “friend or foe” exercise interpretive, regulated and pragmatic functions and graduated structured within ideological position.

Key words: opposition friend or foe; corruption; political model; marker; opposition; media discourse.

Коррупция проявляется как негативный конфликтогенный феномен, связанный с экономической, политической и социальной практикой общества, который представляет один из наиболее значимых объектов внимания в современном публичном коммуникативном и дискурсивном пространствах. Факты, тенденции, проявления корруп-

ции как деструктивного и скрытого феномена, связанного с незаконным обогащением одних людей в ущерб другим и приносящего вред обществу, создают проблемную ситуацию, которая, становясь рекурсивной темой социального дискурса, тематически и интерпретативно ограничивает данную предметную область в более широком коммуникативном пространстве. Данная предметная область выявляет свойство «центра социальной напряженности» [1], в котором происходит «оперирование смыслами» по отношению к данному феномену сферы социальной драматургии (И. Гоффман), интерпретируются и конструируются структуры знания и оценки феномена на основе различных «экспликаторов» – номинативных и пропозициональных структур дискурса/текста. В информационном потоке осуществляется медиатизация контента, который содержит фактологическую и концептуальную информацию. Подход к речи как проводнику информации (Н. Н. Жинкин) позволяет рассматривать структуры текста – дискурса, сообщения как «когнитивы». В процессах медиатизации контента данные структуры дискурса являются «когнитивами» [6] – носителями знания и компонентами дискурсивной позиции говорящего, репрезентирующими субъективное видение ситуации в коммуникации. Передаваемая информация не только формирует у публичного адресата представления о происходящем и определенные структуры знания, но и порождает оценки и мнения, что способствует структурированию целостного представления о стране, влияет на картину мира, порождает определенное аксиологическое отношение к объекту информирования.

Исходя из положения об имманентной аксиологической параметризации медийного пространства [7], обращенного к публичному массовому адресату, и, соответственно, к коллективному сознанию, аксиосфере как ценностному измерению концептосферы, различным ценностным ориентирам индивида и общества в целом [7], обоснованным следует считать гипотезу о том, что предметная сфера коррупции параметризована базовой аксиологической оппозицией «свой – чужой», отражающей опыт социального взаимодействия и нахождения «consensus omnium» в условиях коллизий и конфликтов интересов членов и групп общества. Данная фундаментальная когнитивная оппозиция имеет оценочный характер, выполняет, как следствие, интерпретативную и прагматическую функции [4]. Интерпре-

тативная функция состоит в языковой репрезентации ситуации и, тем самым, конструировании определенного видения социального взаимодействия в данной ситуации.

Регламентирующая функция оппозиции, осуществляя перевод репрезентации ситуации в мир должного, сферу нормы и отклонений от нормы, имеет предписательный характер для определения отношения адресата к ситуации.

Прагматическая функция состоит в выражении основы для принятия решения в целях изменения социальной конфликтогенной ситуации. О. С. Иссерс рассматривает когнитивную оппозицию «свой – чужой» как проявление давней социокультурной традиции деления общества на «своих» и «чужих» [3] и таким образом, что требует ее выявления в анализе дискурса данной предметной области социального дискурса, в котором продвигаются интересы общего, социального характера в противоположность к частному, личному интересу [10].

Оппозиция «свой – чужой» в политическом дискурсе приобретает характер аттрактора. Аттрактор является семиотически эффективным способом формулирования ценностных смыслов, способных обеспечить освоение публичным адресатом схем видения, оценки и, соответственно, поведения по отношению к феномену. Посредством ценностно насыщенных аттракторов социальная ситуация упорядочивается: эксплицируется и категоризируется [7; 8]. В роли аттракторов выступают знаки-носители доминантных смыслов текстов/дискурсов, привлекающие внимание также и выразительностью формы в репрезентации смысла.

В этой связи актуальным становится вопрос о том, на основе каких аттракторов упорядочивается конфликтогенная предметная область коррупции в различных моделях (жанрах) дискурса в различных этнокультурных языковых сообществах. Задачей нашего контрастивного анализа является выявление дискурсивных маркеров оппозиции «свой – чужой» в программно-политической модели дискурса о коррупции на материале русского и китайского языков.

Для осуществления анализа будем опираться на положения Т. ван Дейка о фреймовом структурировании информации в медийном дискурсе [2], метод фреймового моделирования и методику контент-анализа. Под моделированием понимается обобщенное схематизирован-

ное представление сложного и многомерного по природе объекта, отвечающее критериям объяснительности и полезности в прикладном плане.

Руководствуясь положениями о динамике реализации дискурса в форме дискурсивной траектории и используя обоснованные при таком подходе категориальные характеристики дискурса [5], определим программно-политическую модель дискурса как одну из дискурсивных формаций предметной сферы коррупции. Дискурсивная формация представляет собой высказывание, в котором проявляется определенный тип классификации действительности [9]. В ряду различного вида дискурсивных формаций, программно-политическая модель характеризуется тем, что:

1) коммуникативную позицию адресанта занимает преимущественно политический деятель, действующий в рамках политического института власти и, как следствие;

2) коммуникативные интенции адресанта и целеполагание определяются в области изложения и продвижения идеологической позиции представляемой политической силы;

3) стратегичность дискурса реализуется посредством валоризации излагаемой позиции;

4) дестинацией дискурса является представление позиции как определенной программы действий в данном центре социальной напряженности.

Эмпирическим материалом исследования является корпус текстов речей политических деятелей Китая и России. Отобрано 17 текстов речей партийных политических деятелей Коммунистической партии Китая, произнесенные в период с 01.09.2014 по 10.12.2015 и представленных в китайских интернет-версиях газеты «人民日报», агентства информации «新华», официальной газеты Коммунистической партии Китая. Российское коммуникативное пространство представлено 7 текстами российских официальных лиц, опубликованных в интернет-версиях газет «Российская газета», «Комсомольская правда», «Ведомости» интернет-версии агентства «ТАСС».

Данные контент-анализа и фреймовое моделирование текстов/дискурсов позволяют установить медиатизируемый фрейм предметной области коррупции в данной дискурсивной формации. Вершиной фрейма является репрезентация самого явления коррупции (феномен

коррупции), чем достигается означивание ее сущности; слоты (суб-фреймы) представляют образ «актера» коррупции и программы противодействия коррупции и коррупционерам.

Фрейм «Феномен коррупции» раскрывается в китайском коммуникативном пространстве посредством следующих когнитивов, приобретающих качество аттрактора в коммуникации:

1. **Коррупция – преступление:**

领导干部以权谋私的问题 – использование чиновниками служебного положения в целях получения личной выгоды, например:

国家工作人员利用职务上的便利, 侵吞、窃取、骗取或者以其他手段非法占有公共财物的, 是腐 – присвоение, воровство, получение мошенническим путем или незаконное завладение иными способами общественным имуществом государственными служащими с использованием своих служебных преимуществ расцениваются как коррупция.

2. **Коррупция – важнейшая проблема КПК и Китая:**

就是中国最重要的问题 – проблема использования руководящими чиновниками служебного положения в личных целях является важнейшей проблемой Китая.

3. **Коррупция – опасность и угроза:**

腐败是变异现象 – коррупция – это отклонение от нормы;

腐败是最根本的危险 – коррупция – главная угроза;

腐败减少中国经济效率 – коррупция снижает уровень эффективности китайской экономики;

腐败是以危险方法危害公共安全 – коррупция является угрозой для общественной безопасности;

军队腐败是最危险腐败 – коррупция в армии – это величайшая коррупционная опасность;

腐败是和平时期执政党的最大危险 – коррупция – величайшая опасность для партии в мирное время;

“小官巨贪”式腐败的危险 – большие объемы взяток мелких чиновников являются угрозой для страны.

4. **Коррупция – болезнь.** Аттрактор «Болезнь» активизирует представление о зараженности общества этим недугом, и, как след-

стве имплицитно идею о том, что необходимо проведение лечения и избавления организма (общества) от этого недуга. В свою очередь репрезентация контента в виде метафор, сравнений, структур, имеющих оценочный характер, является одним из характерных признаков данной предметной области:

这个现象是一种社会痼疾 – данный феномен (коррупция) является хронической болезнью общества;

腐败是一个社会毒瘤 – коррупция – злокачественная опухоль общества;

腐败是一个瘟疫，是一颗颗病菌 – коррупция – это чума, это болезнетворная бактерия.

Аксиологическая параметризация данной части фрейма медиатизации контента проявляется в том, что в представленных номинациях и пропозициях определяется идеологическая позиция по отношению к коррупции. Явление коррупции репрезентируется и интерпретируется в крайне негативных оценочных областях путем перевода ее как темы осмысления в концептуальные области критической проблемы, преступления, опасной болезни. В прагматическом плане совокупность данных когнитивов-аттракторов проецирует видение коррупции в контексте борьбы с ней в крайней и открытой форме противостояния и противоборства – войне.

Субфрейм «Актор коррупции», производный от фрейма «Феномен коррупции» структурируется посредством следующих когнитивов:

贪官是国家背叛者 – коррупционер – это предатель страны;

贪官是真正的敌人 – коррупционер – это настоящий враг;

贪官就是两面派，一面是高调反腐倡廉，另一面却在腐败 – коррумпированный чиновник – это двуличный человек, одна сторона его лица громогласно заявляет о борьбе с коррупцией и поощрении бескорыстия, а другая сторона лица уже подверглась разложению» (иероглиф腐败 используется как для обозначения процесса «разложения и гниения, так и для обозначения феномена коррупции»);

贪官就是毒瘤 – коррумпированный чиновник – это злокачественная опухоль;

腐败分子就是“癌细胞” – коррупционные элементы – это раковые клетки;

腐败分子就是全民公敌 – коррупционные элементы – это враги народа;

薄熙来是一个大老虎 – Бо Силай является «крупным тигром»;

如你当狐狸，早晚被抓， 无论你是藏身美国加州， 还是滞留加拿大温哥华 – если ты стал «лисом», то рано или поздно тебя поймут и неважно – будешь ли ты находиться в американской Калифорнии или в канадском Ванкувере.

Как видим, маркерами оппозиции *свой / чужой* в осмыслении акторов коррупции являются: не свой (двуличный человек, «лис») – чужой среди своих (предатель, источник разложения и гниения, разносчик злокачественной опухоли) – чуждый (преступник, враг народа, «крупный тигр»).

Ряд маркеров выстраивается градуировано, отражая общий идеологический вектор выведения коррупции в концептуальную область «войны» с нею.

Субфрейм «Программа действий» усиливает прагматическую функцию отмеченной базовой оппозиции.

В ситуации «войны» с коррупцией и акторами коррупции как предателями и врагами структурируется программа противодействия, которая включает элементы – аттракторы, которые эксплицируют важнейшие аспекты «войны»: во имя кого ведутся война, во имя чего ведется война, какими средствами достигается победа.

Программа действий представлена в императивной деонтической стратегической перспективе «победы» – достижения цели искоренения коррупции. Дискурс реализуется в модальностях необходимости и долженствования для партии как ведущей силы общества:

–全党必须警醒起来 – ‘Вся партия должна проявить бдительность и избавиться от иллюзий’.

Деятельность партии ориентируется на четкое разграничение тех, во имя кого следует действовать и против кого действовать. Противопоставление между «своими, нашими (народом) и чужими, врагами народа» проявляется в данном аспекте особенно интенсивно:

我们必须顺应民心 要“老虎”“苍蝇”一起打 – мы должны в соответствии с надеждами народа совместно вести бой с «тиграми и мухами»

(под тиграми в данном выражении следует понимать высокопоставленных чиновников, а под мухами чиновников низшего звена);

要坚决防止腐败“破窗效应” – необходимо решительно предотвращать коррупционный «эффект разбитых окон»;

中国共产党敢于直面问题、纠正错误，善于自我净化、自我革新，人民群众最痛恨腐败，我们必须顺应民心 – КПК должна быть смелой перед лицом проблем, исправлять ошибки, быть искусной в самоочищении и обновлении, *народ более всего ненавидит коррупцию* и мы должны соответствовать чаяниям народа;

中国共产党应尽快揪出腐败分子 – КПК должна как можно быстрее избличать *коррупционные элементы*;

任何国家和地区都不应成为腐败分子和腐败资金的“避风港” – ни одна страна и ни одно место не могут быть «спасительной гаванью» для коррупционных элементов и преступно нажитых средств.

Программа обосновывается аксиологически, посредством апелляции к признанным ценностям китайского общества. Выдвижение роли компартии как истинного борца с коррупцией и руководителя на пути к возрождению великого Китая осуществляется с опорой на понятия долга, ответственности, единства с народом. Тем самым формулируется сущность политического ангажирования партии в риторической эпидейктической стратегии объединения народа и партии в политическое и социальное единство, безусловной солидарности с народом как страдающей от коррупционеров стороной социального конфликта:

我们的责任，就是要团结带领全党全国各族人民，接过历史的接力，继续为实现中华民族伟大复兴而努力奋斗 – наш долг вести в едином строю однопартийцев и все народы страны на пути к борьбе и возрождению величия китайского народа;

中国共产党应该加强反腐败体制机制创新和制度保障 – КПК должна усилить механизмы антикоррупционной системы, инноваций и укрепления строя;

中国共产党推进反腐败活动 – КПК продвигает мероприятия, направленные на ведение антикоррупционной деятельности;

反腐败斗争是我们的神圣的义务 – борьба с коррупцией является нашим священным долгом;

反腐败战争 – война с коррупцией;

腐败是当前中国面前的最大敌人 – на сегодняшний день коррупция является злейшим врагом Китайского государства;

反腐败斗争是我们民族新的历史的伟大斗争 – *антикоррупционная борьба является величайшей борьбой в современной истории нашего народа;*

全党必须警醒起来 – вся партия должна проявить бдительность и избавиться от иллюзий;

不想腐不能腐不敢腐 – создание ситуации трех «не» - не хотели, не могли, не решались.

Характеризуя полученные данные анализа, отметим, что большую часть когнитивов составляют эмоционально окрашенные номинации или дескрипции, отражающие стремление дать незамедлительно оценку представляемому контенту. Наблюдается аксиологическая поляризация и даже «милитаризация» дискурса за счет усиления категоричности в тональности представления контента (*злейший враг, священный долг, величайшая борьба*). Высокая степень образности и оценочности – экспрессивности дискурса, особенно явная при представлении образа коррупционера, преследует цель достижения солидаризации мнения публичного адресата с высказываемой позицией и формирования общественного мнения на основе высказываемой модели восприятия коррупционера в аксиологической модели «свой – чужой». Феномен коррупции как и образ коррупционера формируется с помощью характеристик, вызывающих отрицательные эмоции: страх, отчуждение, неприятие или брезгливость, враждебность что способствует созданию образа не просто «иного», «не-своего», «чужого», но «опасного чуждого».

Предметная сфера коррупции упорядочивается посредством её трактовки в ракурсе непримиримой войны во имя народа, против опознанного и названного «врага» под руководством партии. Особой аттракцией обладают метафорические репрезентации коррупционе-

ров «лис – большой тигр». Выявление маркеров оппозиции «свой-чужой» в китайской программно-политической модели дискурса о коррупции позволяет установить общую аксиологическую параметризацию данного дискурса в следующем виде: «Мы» или «Свои»/«Они» или «Опасные чуждые». Под «Мы» понимается: 1) КПК, 2) народ, 3) страна. «Они» или «Опасные чуждые» – коррупционные элементы, предатели в партии, враги народа.

В российском коммуникативном пространстве **фрейм «Феномен коррупции»** раскрывается посредством следующих аттракторов:

1. Коррупция – преступление:

Коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения» [11].

2. Коррупция – **угроза национальной безопасности, масштабная проблема общества, тормоз развития экономики:**

«Коррупция подавляет любую экономическую активность. Коррупция – опасность и угроза» [13].

«Прямую угрозу безопасности и национальному суверенитету страны несет коррупция» [14].

«Коррупция крадет у страны ресурсы для развития; снижает эффективность госуправления, тормозит развитие экономики» [14].

«Коррупция – очень большая системная проблема нашей страны» [14].

«Объективности ради надо признать, что коррупция есть везде. Другое дело, что у нас масштаб этого явления, может быть, после перехода к рыночной экономике стал существенно больше, чем был в советские времена, поэтому эта проблема остается в повестке дня» [15].

Фрейм «Актор коррупции» репрезентирует и категоризирует коррупционера в следующих когнитивах-аттракторах:

«Коррупцированные чиновники» [12], «беловоротничковая коррупция» [12], «Коррупционер – это вор» [12]. «Любой коррупционер, вне зависимости от должности – это вор» [14]. «Коррупционер является угрозой для государства» [15]. Любой человек должен понимать, что подношение врачу или учителю – это коррупционное деяние» [14].

В субфрейме базовым когнитивом «чужого» является «коррупцированный чиновник», имплицитный по когнитивной оппозиции образ «своего» – не коррупцированный, честного чиновника, а также любой член общества, осуществляющий «подношение». Данный образ «чужого» раскрывается в когнитивах «преступник, взяточник, расточитель, мошенник, угроза для государства», регламентируя соответствующее отношение к нему. Особой аттрактивностью обладает метафорическая номинация коррупционера «вор» – слово, насыщенное коннотативно и занимающее особое место в русской картине мира, учитывая его исторические и прецедентные основания. Коррупция рассматривается как конверсивное явление, которое включает взяточника и того, кто даёт взятку. Репрезентируется также предмет коррупции: *взятка* (со стороны чиновника) или *подношение* (со стороны несознательного гражданина).

Фрейм «Программа действий», представляя прагматическую функцию дискурса, отражает сущность идеологической позиции по отношению к коррупции как преступления, масштабной проблемы, угрозы национальной безопасности и образа коррупционера как преступника и вора и имеет вершиной аттрактор «Противодействие, борьба с коррупцией».

В рамках этой когнитивной структуры определяются цели и механизмы противодействия в структурах долженствования:

«Необходимо формировать общественное неприятие коррупции, понимание того, что за любые коррупционные правонарушения неизбежно и неотвратимо последует наказание. Неотвратимость наказания – это, пожалуй, самое главное» [14].

«В общественном сознании должно укрепиться понимание того, что любой коррупционер, вне зависимости от должности – это вор» [14].

«В борьбе с коррупцией нельзя полагаться только на меры, предпринимаемые государством. Я уже отмечал, что мы надеемся на активное участие в проведении антикоррупционной политики гражданского общества» [14].

«Бороться с коррупцией надо принципиально и последовательно» [16].

«В России никогда не расстреливали за воровство, однако чиновники всех уровней должны помнить о неотвратимости наказаний за коррупцию» [17].

«Реальный уголовный срок подводит к выводу о неотвратимости наказания. А значит, есть шанс если не искоренить коррупцию, то хотя бы снизить показатели коррупционной преступности» [15].

«Коррупция на сегодняшний день остается одной из самых существенных проблем. Государство обязано бороться с этим. Любые расследования должны базироваться на объективных материалах» [17].

«Усилиями только законов и директивными методами коррупцию невозможно победить. «Это должно, как говорили классики, овладеть сознанием масс. Любой человек должен понимать, что подношение врачу или учителю – это коррупционное деяние» [14].

«Борьба с коррупцией не должна ограничиться единичными громкими задержаниями» [14].

«Борьба с коррупцией – это очищение экономики» [18].

В данном фрейме предлагается программа формирования неприятия феномена коррупции, борьба с коррупцией с точки зрения верховенства права и объединения усилий общества и государства в рамках этой борьбы. На ключевые позиции в борьбе с коррупцией выходит государство во взаимодействии с гражданским обществом (*формировать общественное неприятие коррупции; активное участие в проведении антикоррупционной политики гражданского общества*).

Аксиологическая параметризация российской программно-политической модели проявляется, таким образом, возведением программных положений к ценностям «общего интереса» для достижения «consensus omnium», прежде всего к ценности права (принцип верховенства права, неотвратимости наказания, равенства всех перед законом); ценности морали и нравственности каждого члена общества, ценности политической культуры в обществе. Дискурсивная модель параметризована ценностной оппозицией «МЫ» – объединенные общим интересом безопасности государства, прогрессом экономики и развитием политической культуры члены общества (гражданское общество, правоохранительные структуры, честные чиновники) и «ОНИ» – преступники: коррумпированные чиновники, взяточники, несознательные граждане.

Подводя итог контрастивному анализу дискурсов о коррупции, отметим, что отличительными чертами китайской программно-поли-

тической модели являются значительная категоричность и интенсивность противопоставления на основе видения программы действий как «войны»; в качестве врага представлены прежде всего члены партии – «предатели», а также остальные члены общества, уличенные в мошенничестве и воровстве. Ценностями, к которым возводится дискурс, являются долг перед народом, ведущая роль КПК, обеспечение роста благосостояния народа, а также принцип верховенства права. Отличительными особенностями российской программно-политической модели является упорядочение «центра социальной напряженности» посредством аттрактора ликвидации угрозы национальной безопасности; описание сферы ее функционирования (экономика и сферы управления экономикой чиновниками). Ценностями, к которым возводится дискурс, являются ведущая роль закона и права, справедливость, патриотизм, формирование политической культуры.

Анализ дискурсивных маркеров аксиологической параметризации моделей показывает их общее упорядочение на основе аналогичного типа аттрактора: «война/борьба с коррупцией». Данный поливалентный аттрактор предполагает видение коррупции в неразрывной связи с отношением борьбы с ней, эксплицируя концептуальные синтаксические валентности, которые в медийном дискурсе, обращенном к публичному адресату, предполагают и эксплицируют ответы на соответствующие вопросы: Борьба против кого? Во имя кого? Как, посредством чего? Для достижения каких целей? На основе каких ценностных смыслов общего интереса?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург : ЕГУ, 2002. – 379 с.
2. *Дейк Т. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. – М. : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
3. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 308 с.
4. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. – СПб. : Искусство СПб, 2000. – 704 с.
5. *Плотникова С. Н., Серебрянникова Е. Ф.* Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия, технология // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 1 (22). – С. 183–186.
6. *Рогозина И. В.* Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2003. – С. 200–201.

7. *Серебренникова Е. Ф.* К проблеме аксиологического измерения социального дискурса // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № SA. – С. 122-129.
8. *Универсальюк Е. А.* Медийный социальный диалог в предметной области иммиграции как зона обновления итальянского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2009. – 21 с.
9. *Фуко М.* Археология знания. – СПб. : Гуманитарная академия, 2004. – 416 с.
10. *Angenot M.* Théorie di discours social. Notions de topographie des discours et de coupure cognitives // Discours en contexte. – 2006. – № 1. – P. 12-25.
11. URL : <http://www.rg.ru/2014/09/17/verhovny-sud-dok.html>.
12. URL : <http://www.rg.ru/2015/11/02/ivanov-konferencia-site.html>.
13. URL : <http://ria.ru/society/20151127/1329861082.html>.
14. URL : <http://tass.ru/politika/1730364>.
15. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/01/23/medvedev-posle-perehoda-k-rynku-korrupcii-stalo-bolshe-chem>.
16. URL : <http://ria.ru/economy/20140417/1004326396.html>.
17. URL : <http://ria.ru/society/20151209/1338919221.html>.
18. URL : <http://www.vestifinance.ru/videos/24903>.

УДК 81'16

Т. Л. Верхотурова

доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии
МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: Taverkh@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ УНИВЕРСАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ ОТСУТСТВИЯ

Представим все отсутствие земли
представим вновь отсутствие всех тел
тогда войдут бездушные нули
в сей человеческий отдел.

А. И. Введенский

Статья посвящена специфике универсальных онтологических категорий. Такие категории (и соответствующие концепты) относятся к базовой когнитивной системе человечества. Их культурная специфичность ослаблена, они демонстрируют тесные связи с родственными базовыми категориями, характеризующимися такой же степенью абстрактности и универсальности. Образцом такой категории служит категория отсутствия, имеющая самую разнообразную манифестацию в картине мира русского и английского языков.

Ключевые слова: онтологическая категория; абстрактная категория; модальная категория; лингвокультурный концепт; когнитивный концепт; лексикографические данные; вербализация концепта.

Verkhoturova T. L.

Doctor of Philology, Professor, MSLU EALI;
e-mail: taverkh@mail.ru

PECULIAR FEATURES OF THE UNIVERSAL CATEGORY ABSENSE

The article is devoted to the peculiarities of universal ontological categories. Such categories (and the corresponding concepts) refer to the human basic cognitive system. Their cultural specificity is weakened, they demonstrate a close relationship with the related basic categories characterized by the similar degree of abstractedness and universality. The category of absence serves as a sample, it manifests itself in the Russian and English world view at various levels.

Key words: ontological category; abstract category; modal category; lingvo-cultural concept; cognitive concept; lexicographic data; concept verbalization.

Среди объектов лингвистических (и не только лингвистических) исследований есть целый ряд базовых категорий (концептов) мировой духовной культуры – «любовь», «счастье», «истина», «мужество», «родина», «мир» и т. д. В этот ряд вряд ли можно поместить катего-

рию «отсутствие»: она далека от характеристики духовности культуры. Но, с другой стороны, категория эта не менее универсальна, чем ранее упомянутые: она формирует один из базовых физических, онтологических концептов. И в этом качестве можно прогнозировать ее существование в картине мира любой культуры, в представлениях об устройстве мира любого человеческого существа.

В современной лингвистике в фокус интереса все чаще попадают объекты, называемые категориями. Изучение категорий считалось изначально прерогативой философских (в самом широком смысле) штудий. Однако уже давно стало ясно, что «все категории, даже те, которые по традиции относятся к универсальным, философским, логическим, должны получить языковое выражение» [6, с. 71].

Считается, что впервые о категориях писал Аристотель, выделяя десять мыслительных категорий на материале суждений. Для этого философу пришлось соотносить содержание высказывания о некотором сущем с самим этим сущим. Для языковеда такая операция означает, что никакие мыслительные (мыслимые) категории в принципе не определены без языка, в каком бы научном или обыденном контексте они ни встречались [8]. Э. Бенвенист убедительно объяснил, что аристотелевы категории являются, прежде всего, языковыми: «В той степени, в которой категории, выделенные Аристотелем, можно признать действительными для мышления, они оказываются транспозицией категорий языка. То, что можно сказать, ограничивает и организует то, что можно мыслить» [2, с. 111]. Таким образом, совершенно естественно, что категории, наряду с концептами, вошли в предметную область языкознания, ведь для лингвистов категории – это сущности, оформленные в языке [22], т. е. получившие «имя, и вне словесного означения категории как таковой не существует (курсив Е. Кубряковой. – Т. В.)» [14, с. 307].

Введение категории в лингвистический обиход, помимо проблем формирования, эволюции, организации, иерархии, структурирования, вызвало необходимость определения типов категорий (классификации категорий) по определенным параметрам (см. по существу этого вопроса [3]). В языкознании **категория** как метапонятие используется давно и успешно. К лингвистическим метапонятиям относятся: лексическая категория, грамматическая категория, текст как лингвистическая категория, различные категории текста и т. д. Будем

называть такие категории **лингвистическими категориями**, являющимися инструментами лингвистического анализа языка объекта, естественного языка, в котором выражены естественные **языковые категории** – строительные кирпичи языковой картины мира. Нас интересует «отсутствие» в сфере естественных языковых категорий – онтологических в качестве метапонятия при толковании и интерпретации лексической и грамматической семантики. Кроме того, эту категорию вряд ли можно отнести к модусным, таким как, например, отрицание и кажимость [4; 17]. Далее будет уточнена правомерность определения «онтологический» для описания этой категории.

«Грамматическая категоризация отражает **онтологию самого языка**, деление на естественные для языка категории, обеспечивающие его существование как определенной семиологической системы и выполнение возложенных на него функций (курсив наш. – Т. В.)» [4, с. 2]. Контекст использования понятия «онтология» не позволяет интерпретировать его – это понятие – как научную дисциплину или теорию, онтология здесь – это то, чем обладает сам язык, это его бытие и сопровождающие его сущностные характеристики. Имеет место вполне распространенный, по крайней мере для языкознания, феномен семантической деривации в области научной лексики, ср., напр.:

– 1. грамматика (учение о строении языка, раздел языкознания и т. д.) – 2. грамматика (формальный строй языка, описываемой грамматикой как наукой);

– 1. семантика (наука о значении слов и выражений) – 2. семантика (значения и смыслы языковых единиц, описываемые семантикой как наукой);

– 1. фонетика (учение о звуковом составе языка) – 2. фонетика (звуковой состав языка, описываемый фонетикой как разделом языкознания).

Такая семантическая деривация, в основе которой лежит метонимия, как видим, достаточно характерна для концептуально-семантической динамики в области терминологического аппарата. Затронула эта динамика, как это очевидно, и понятие «онтология». В своей работе Т. Гивон называет одну из глав *Language and Ontology (on constructing a universe)* [20, p. 311]. В ней автор (как это понятно из названия и содержания главы) пытается исследовать языковые данные о том, как человеческий организм интерпретирует / истолковывает (construes)

свою вселенную (свой мир), онтологию как реальность, бытие, действительность, данную в опыте:

An Ontology of Experience in a Universe of Time [20, p. 320]; *The Ontology of Experience in a Spatiotemporal Universe* [20, p. 329]; *The Ontology of Causation and Agency* [20, p. 338].

Картина мира объясняет многое в языке, в ее основе лежит онтология [20, p. 4]. Автор также называет свои заключения онтологическими (ontological conclusions), поскольку они относятся к структуре вселенной (the structure of the universe), которой со своей стороны занимается современная физика [20, p. 352]. Таким образом, понятие «онтология» в современных когнитивных исследованиях языка сближается по значению с понятиями «реальность», «действительность», «вселенная». В таком понимании она (онтология) возникает в результате когнитивной обработки «другой» вселенной. Та другая вселенная предположительно существует до восприятия, до когнитивной обработки, до интерпретации, она произвольна и хаотична [20, p. 318]. Именно о такой «объективной реальности», нерасчлененной человеческим когнитивным опытом, пишет У. Матурана, называя ее субстратом, гипотетическим конструктом, противопоставляемым реальности человеческой, оформленной в языке онтологии [21].

В российском языкознании понятие онтологии также сближается, и даже может отождествляться, с понятием языковой картины мира: «Применительно к семантике и структуре естественного языка **онтологией** мы называем не то, что обретается “за окном”. Ею для нас является то, что **конструируется** языком (а также при участии языка, его носителями и нами, лингвистами) в этом “закономном” пространстве (курсив К. Переверзева. – *Т. В.*) [16, с. 255]. Поэтому производное определение «онтологический» от термина «онтология» в описанном смысле может означать в контексте лингвистических исследований «относящийся к онтологии, т. е. реальности, действительности» в том виде, в каком она «конструируется» человеческим языком.

Категория, как известно, – объединение объектов на основе общего концепта. Категория «отсутствие» – совокупность всех возможных типов отсутствий на основе общего концепта. Имена данного концепта обладают в русском и английском языках значительной семантической эквивалентностью. Слова *отсутствие* и *absence* представлены лексикографически в языковых картинах мира: в толковые словари обы-

денной картины мира они включены в качестве полноценных, полнозначных слов. Значит, категория и концепт ОТСУТСТВИЕ / ABSENCE представлены лексически, являются лексическими. Иными словами, в ставшем для языкознания традиционным смысле этого слова категория «отсутствие» является **онтологической** прежде всего, но не исключительно: во многом эта категория очень тесно взаимодействует с модусными категориями, выделяемыми по классификации Н. Н. Болдырева, так как она несомненно связана с категорией отрицания.

Понятие «концепт» обнаруживается сегодня в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов и несет на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций. Термин КОНЦЕПТ считается также утвердившимся для современной когнитивной лингвистики, тем не менее, содержание этого понятия варьируется в концепциях разных научных школ и отдельных направлений исследования: концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая, что дает большой простор для ее толкования.

В языкознании обнаруживается целый ряд направлений концептуального анализа. Однако, думается, что можно выделить два основных подхода – изучение концептов как лингвокультурных феноменов и изучение концептов как когнитивных образований. Изучение лингвокультурных концептов в российском языкознании связано с именами В. Н. Телии, В. В. Воробьева, В. А. Масловой, Н. Д. Арутюновой, Ю. С. Степанова, В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина, С. Г. Воркачева, М. В. Пименовой и др. Прототипический лингвокультурный концепт – это константа феномена культуры, выражаемая именем с абстрактной семантикой и фиксирующая ценностные фокусы конкретной культуры, «в которых отражается внутренний мир народа, его самосознание, которые пронизывают самые разнообразные аспекты его жизни, сводя воедино ценностный опыт прошлого, настоящего и будущего его бытия» [10, с. 213].

Для российского языкознания типично (но не принято как безусловное) выделение лингвокультурного концепта по следующим характеристикам: «культурным (или культурно специфическим) может считаться концепт, который в наибольшей мере характеризует менталитет или ментальность, мировосприятие или мировоззрение того или иного народа (или сообщества) или присущ только ему. И в этом понимании он противопоставляется универсальному концепту. Иначе

говоря, культурный концепт – это один из ключевых концептов той или иной культуры (народа), количество которых ограничено» [11, с. 13–14].

В лингвистических исследованиях можно встретить разграничение (лингво)культурных и когнитивных концептов (см., напр.: [9]). Атрибут «когнитивные» в таком различении соответствует, по всей видимости, определению «универсальные», выступающему в качестве типологического, указывающего на определенный тип концептов в различных типологических иерархиях. Универсальные концепты формируются во всех (по крайней мере, индоевропейских) развитых культурах, поэтому представляют собой скорее понятия, в которых ценностную составляющую приходится искать «с пристрастием» [23]. Таким образом, именно в рамках когнитивной школы концепт определяется максимально обобщенно: оперативная ментальная/психическая единица, выражающая содержание человеческого опыта (см., напр.: [12]) и предполагающая самую разнообразную структурную специфику (см., напр.: [5]).

За именем *отсутствие/absence* высвечивается обобщенная, универсализированная мыслительная гештальт-структура как результат множества частных ситуаций или явлений отсутствия. Несомненно, гештальт в случае концепта ОТСУТСТВИЕ/ABSENCE будет максимально отвлеченным и схематичным: нечто, находящееся в фокусе внимания (сосредоточенности мысли) наблюдателя, не наблюдается в его пространственно-временном континууме. Конкретизация фигуры наблюдателя не обязательна (как это почти всегда имеет место, когда наблюдатель входит как смысловой компонент в системное значение слов): субъект высказывания, адресат (читатель), любое третье лицо, любой прогнозируемый заинтересованный случайный наблюдатель. Вместе с тем категория отсутствия выделяется и как умозрительный феномен: отсутствие причин, отсутствие чувства долга, отсутствие морали т.п.

Итак, ОТСУТСТВИЕ подобно мировым духовным, например, этическим или эстетическим концептам (ДОБРО, ЗЛО, СОВЕСТЬ, КРАСОТА, ПРЕКРАСНОЕ, БЕЗОБРАЗНОЕ и т. д.), для которых характерна акцентуация ценностного элемента. Однако, как упоминалось ранее, не все концепты имеют ценностную составляющую. Как раз к таковым относится универсальный, весьма абстрактный концепт ОТСУТСТВИЕ/ABSENCE. Универсальные концепты, такие как ОТСУТСТВИЕ, ПРИ-

СУТСТВИЕ, СУЩЕСТВОВАНИЕ, ОБЛАДАНИЕ, РАССТОЯНИЕ и т. д., представлены во всех развитых культурах, и не имеют или почти не имеют культурно зависимых ассоциативно-образных оценок, поэтому весьма близки к понятиям, т. е. скорее представляют собой понятия.

Е. С. Кубрякова, когда писала о словах *процесс, действие, свойство* и т. д., называла их «словами-идентификаторами высокого уровня абстракции» [13, с. 131]. Как идентификаторы такие слова относятся к метаязыку (лингвистике) – языку, в частности, словарных толкований лексических значений. Слово *отсутствие/absence* достаточно часто используется в лексикографии для описания значения лексических единиц, ср.: *тишина* – это **отсутствие** звуков; *пустота* – **отсутствие** людей, чего-либо важного; **отсутствие** вещей (см. толковые словари Д. В. Дмитриева, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, Т. Ф. Ефремовой) и *quietness* – **absence** of sound, etc. (см. Wiktionary, English Dictionary for students); *emptiness* – **absence** of contents (см. Collaborative International Dictionary), *vacuum* – **absence** of matter (см. Wikipedia). По-видимому, такие слова, включая и интересующие нас имена *отсутствие* и *absence*, отражают в языке «всеобщие (универсальные) свойства объективного мира, которые не зависят от точки зрения на них со стороны носителей данного языка» и представляют собой универсальные элементы концептуальных систем (см. о проблемах, связанных с методологией выделения универсальных концептов в [1]). Об универсалиях такого рода пишет и А. Вежбицкая: «Языковые и культурные системы в огромной степени отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление, культура» [7, с. 321–322].

Универсальные концепты являются структурами знания, представляющими базовые понятия человеческого опыта вообще, не подвергающиеся (или очень незначительно) этнокультурной «авторизации», обработке, влиянию. Они имеются в каждой культуре, хотя и такие концепты с точки зрения З.Д. Поповой и И.А. Стернина могут обнаруживать некоторую национальную специфику [23].

Отсутствие, если опираться на классификацию Л. О. Чернейко, не входит в ряд строго абстрактных имен в соответствии с принципом классификации «наблюдаемость/ненаблюдаемость», стоящей за именем реалии (принадлежность к миру материальному/идеальному), ср. *береза* и

честь (долг). Однако автор подчеркивает различную степень конкретности элементов материального мира и «непрерывно возникающих и исчезающих экспликаторов связей между ними — ситуаций, положений дел, которые можно считать квантами природного и социального континуума [18, с. 118]. Категория отсутствия, как это очевидно, должна быть отнесена к наименее конкретным реалиям — к ситуациям или положениям дел, судя по дефинициям имени категории в обоих языках.

Типичным при анализе концептов является выявление предметно-образного элемента. Такая процедура представляет значительную трудность (невозможность?) в случае достаточно абстрактных, универсальных концептов. Образный компонент имеет чувственную природу, но такие изрядно абстрагированные ситуации, положения дел, выделенные «кванты природного и социального континуума», как отсутствие, очень мало связаны с наблюдаемой «вещностью» мира. Образная сторона, связанная с восприятием отсутствия посредством органов чувств, подобно группе конкретно-предметных сущностей — артефактам или натурфактам — не содержит живого, наглядного, конкретного представления.

Категория отсутствия, как уже говорилось, как и всякая категория, предполагает существование своего концепта, актуализируемого в картине мира английского и русского языков, прежде всего, именем концепта. Обычно, для того чтобы выявить, какое содержание заключает в себе лексическая единица, функционирующая как имя концепта, исследуют ее дефиниционную структуру, обратившись к словарным толкованиям.

Анализ словарных толкований имен *отсутствие* и *absence* дал следующие результаты (были рассмотрены 5 толковых словарей русского и 5 толковых словарей английского языков). Поскольку концепт ОТСУТСТВИЕ/ABSENCE — это достаточно абстрактный, универсальный онтологический концепт, в дефиниции имени концепта обнаружить родовое понятие (ключевое, центральное слово толкования, таксон) весьма трудно. К примеру, у концептов эмоций или чувств — это всегда понятие «эмоция» или «чувство»: *ненависть* — **чувство** сильнейшей вражды, неприязни, ср. в английском: *hatred* — a very strong **feeling** of dislike for sb/sth. Концепты эмоций также принято относить к абстрактным концептам, тем не менее, степень и специфика абстрактности у эмоции и отсутствия (чего-либо, кого-либо) явно раз-

лична. К категории отсутствия могут относиться слишком различные ситуации и типы отношений.

В словарях русского языка слово *отсутствие* чаще всего толкуется с помощью довольно размытых выражений или синонимических определений:

- 1) положение дел, когда нет в наличии кого-либо, чего-либо;
- 2) положение дел, когда кто-либо, что-либо отсутствует;
- 3) неявка;
- 4) нахождение кого-либо в данном месте или в данное время;
- 5) несуществование, небытие, небытность;
- 6) не иметься в наличии;
- 7) не быть в данном месте.

Если и выделяются различные значения, то обычно два: положение дел, когда нет в наличии кого-либо, чего-либо и положение дел, когда кто-либо, что-либо отсутствует. Второе значение явно представляет собой словообразовательное определение, попросту относящее к глаголу *отсутствовать*. Русские лексикографы склонны определять в самом общем смысле отсутствие как «положение дел».

Английская лексикография характеризуется несколько большим разнообразием в трактовке слова *absence*:

- 1) the state of being away;
- 2) an occasion or period of being away;
- 3) the fact of not existing, lack;
- 4) a time when sb is away;
- 5) the fact that sb is not in the place where people expect them to be;
- 6) the fact that it doesn't exist;
- 7) the state of being without sth;
- 8) non-existence, lack.

Однако и в английском языке метаязык семантических определений складывается из набора абстрактных метапонятий (словарных толкований) – «the state of..., the fact of..., an occasion of», перемежаемых темпоральными «time/period». Абстрактность, отсутствие семантической описательной конкретики у центральных толкующих слов объяснимы: описываемый концепт представляет собой обобщение очень большого разнообразия ситуаций (положений дел, фактов, случаев, когда и т. д.), в которых в фокус внимания попадает, как это ни парадоксально, то, чего нет в этих ситуациях. Так или иначе, име-

на *отсутствие* и *absence* – это имена концептов-ситуаций с большой степенью абстрактности, однако располагающихся в периферийных, крайних пределах конкретности: как уже говорилось выше, отсутствие все же предполагает вхождение в зону восприятия, ср.:

(1) ‘It wasn’t until we **noticed the absence of female** customers, the dim red lights, and the photos of naked women on the walls that we realised why the ‘barmaids’ were laughing at us’ [19].

(2) Винт еще не окончился, но **их отсутствие было замечено** [15].

Отсутствие относится, тем самым, к сфере онтологических категорий, категорий, характеризующих бытие человека в физической реальности.

Все же, несмотря на скудость и чрезвычайную обобщенность дескрипций анализ словарных толкований существительных *absence* и *отсутствие* и контекстных употреблений позволяет выделить ряд существенных, доминантных признаков концептов ОТСУТСТВИЕ/ ABSENCE, которые указывают на вхождение этого концепта в группу родственных концептов. И здесь важно отметить, что эти родственные концепты также представляют собой не менее фундаментальные концепты-понятия человеческого универсального опыта: существование/несуществование, нехватка, временность, пространство, доступность, наличие, обладание.

Обращает на себя внимание также тот факт, что словари в основном используют способ толкования слов *отсутствие* и *absence* через отрицательные комментарии, ср., напр.: «положение дел, когда нет в наличии кого-либо, чего-либо», «несуществование, небытие, небытность», «the fact of not existing or not being available», «the fact that it doesn’t exist» и т. д. Такие «апофатические» толкования приближают категорию отсутствия к сфере модусной категории отрицания. Более того, Н. Н. Болдырев, рассматривая эту категорию и соответствующий концепт ОТРИЦАНИЕ, в структуре последнего выделяет *отсутствие* как одну из «основных характеристик» этого концепта [4, с. 14]. Представляется, что сама по себе категория *отсутствия* является малоизученной, хотя и имеющей самые разнообразные формы проявления в языках (лексические и грамматические – синтаксические и морфологические) в силу универсальности онтологического феномена отсутствия.

Лексика первичной экспликации отсутствия весьма разнообразна в частеречном отношении, хотя и не демонстрирует количественного соответствия по языкам: именами существительными *отсутствие, absence, absentee, absenteeism*, прилагательными *отсутствующий, absent*; глаголами *отсутствовать*. Лексическая вербализация не является главным способом эксплицитного выражения этой категории. Более того, центральные именные лексемы-вербализаторы концепта вряд ли можно отнести к распространенной лексике обиходного языка, скорее и прежде всего слова *отсутствие* и *absence* обнаруживаются в публицистическом, научно-техническом и научно-популярном дискурсах. Однако концепт ОТСУТСТВИЕ / ABSENCE весьма обильно представлен имплицитно – в семантике множества тематически и грамматически различных групп слов, ср. *мир/piece* как отсутствие вражды, войны; *покой / quiet* как отсутствие движения, беспокойства; *чистый / clean* как признак, характеризующий пространства и среды, в которых отсутствуют субстанции различной природы – *чистый лист бумаги, чистые руки, чистая вода*; *свободный/free* как признак, характеризующий время и пространство при отсутствии занятости чем-то или кем-то – *свободный вечер, свободный вагон*.

Богата и грамматика отсутствия, которая обнаруживается как на морфологическом словообразовательном уровне, так и на синтаксическом уровне.

Модели аффиксального словообразования в русском и английском языках также являются актуализаторами этого концепта, ср. *бездуховный / spiritless* как признак, характеризующий человека, совокупность текстов, в которых отсутствует духовность, *безотцовщина/fatherless*, как воспитание ребенка и сам ребенок в ситуации отсутствия отца; *безумие / madness* как отсутствие или недостаток ума; *бездарный / talentless* как признак отсутствия одаренности, таланта; *non-stop* как характеристика действия, в котором отсутствуют паузы, перерывы, остановки.

Итак, в статье предпринято начальное исследование онтологической категории особого типа – категории отсутствия, обнаруживаемой в ряду универсальных, базовых понятий. Категории такого статуса не обладают ярко выраженной культурной зависимостью, поэтому требуют особого подхода, особой методологии исследования. Как показывает разноплановая онтологизация концепта ОТСУТСТВИЕ /

ABSENCE, категория эта относится к общему когнитивному базису человечества и носит неразрывную связь с рядом других базовых категорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров О. А, Андреева О. А. Универсальные концепты в когнитивной системе человека // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 3 (7). – С. 26–29.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
3. Болдырев Н. Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1. – С. 5-13.
4. Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 60. – 2011. – № 33. – С. 11-16.
5. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с.
6. Болдырев Н. Н. Модусные категории [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://boldyrev.ralk.info/dir/material/170ModKatUb.pdf>.
7. Вержебицкая А. Язык. Культура. Познание. – М. : Рус. сл., 1996. – 412 с.
8. Верхотурова Т. Л. Лингвистический статус языка науки (к вопросу о языковом детерминизме) // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. – 352. – С. 65-86.
9. Друзина Н. В. Фундаментальные глаголы бытия и обладания. Функциональный и когнитивный аспекты: дис. ... д-ра филол наук. – Саратов, 2005. – 351 с.
10. Зыкова И. В. Константа культура ВЕСЬ МИР – ТЕАТР и ее отражение в английской фразеологии // Критика и семиотика. Вып. 17. – 2012. – С. 213-223.
11. Зыкова И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2014. – 52 с.
12. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : МГУ, 1997. – 245 с.
13. Кубрякова Е. С. Типы языковых значения. Семантика производного слова. – М. : Наука, 1981. – 200 с.
14. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 560 с.

15. *Куртин А. И.* Поединок // Собрание сочинений: в 9 т. – М. : Худ. литература, 1971. – Т. 4. – С. 7-218.
16. *Переверзев К. А.* Пространства, ситуации, события, миры: к проблеме лингвистической онтологии // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Яз. рус. культуры, 2000. – С. 255-267.
17. *Семенова Т. И.* Лингвистический феномен кажимости: монография. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2007. – 237 с.
18. *Чернейко Л. О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М. : МГУ, 1997. – 352 с.
19. *British National Corpus* [Electronic resource]. – URL : <http://corpus.byu.edu/bnc/>.
20. *Givon T.* On understanding grammar. – N.Y. : Academic Press, 1979. – 379 p.
21. *Maturana H. A.* Reality: the search for objectivity or the quest for a compelling argument // *The Irish Journal of Psychology*, 1988. – Vol. 9. – № 1. – P. 25-82.
22. *Taylor J. R.* Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – 328 p.
23. URL : <http://zinki.ru/book/kognitivnaya-lingvistika/typy-konceptov/>.

Н. Н. Ефимова

кандидат филологических наук, докторант кафедры перевода и межкультурной коммуникации МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: caprico2009@yandex.ru

ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ ОСЛЫШКИ

В статье исследуются аспекты корреляции между модальностью возможного и концептом как формой знания на основе анализа примеров ослышек. Доказывается, что концепт как дискурсивный топик, лежащий в основе ослышки, обладает свойствами архетипа. Обсуждается генезис и развитие возможного мира ослышки как области потенциально актуализируемых смыслов.

Ключевые слова: ослышка; концепт; адресат; архетип; означающее; означаемое; возможный мир; внутреннее время его.

Efimova N. N.

Candidate of Philology, Post-Doctoral Scholar, MSLU EALI;
e-mail: caprico2009@yandex.ru

MONDEGREEN UNDERWORLD

The paper examines aspects of correlation between concept as a form of knowledge and modality of possibility through mishearing case studies. Archetypic properties of concept as a topic of discourse are addressed. Genesis and development of possible world of mishearing as a domain of potential senses is discussed in terms of its genesis and development.

Key words: mishearing; concept; addressee; archetype; signifier; signified; possible world; internal time of ego.

Разве вещь хозяин слова?

Слово – Психея. Живое слово не обозначает предмета, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело.

О. Мандельштам

Полисемия знакового кода, «мерцание» значений исследуются Бартом в контексте взаимопревращений означаемого и означающего, через анализ письма как взаимообратимого движения «кодов» и чтения как акта погружения в текст-письмо. В широком смысле «письмо» подразумевает продуцирование текста, а «чтение» – его восприятие. Изучение рецепции звучащего текста осложнено изначальным отсутствием графической фиксации – воссоздание его в графической

форме само по себе является интерпретацией и неизбежно ведет к искажениям. Ослышка как продукт перцепции, актуализирующий значение сообщения, отличное от смысла, заложенного адресантом, рассматривается в контексте соотнесения этого значения с концептом как формой знания с точки зрения философии модальностей.

Бытийным модусом значения является его потенциальность – «небытие, «засеянное семенами» бытия, которые при определенных условиях могут «взойти», развернуться, перейти в полноценное актуальное бытие» [8]. Законы референции текста к Миру Действия и к Миру Ценности едины: в обеих системах значение существует как составляющее целостного смыслового поля и реализуется только в корреляции с другими составляющими.

Согласно общей когнитивной теории перевода, феноменологическое тождество, реализуемое в Мире Ценности, коррелирует с понятием переживания и основано «на синтезе его сторон во внутреннем времени его» [2, с. 18], причем интериоризация знака – приведение его в соответствие с внутренним временем его – обязательно порождает новый смысл, отличный от первичного, заложенного адресантом. Внутреннее время его характеризует возможный мир как конструкт модальности возможного, противопоставляемой модальности действительного и модальности должного.

Классическая триада алетических модальностей описывает глубинные интенциональные понятия, несводимые к экстенциональным, охватывая все уровни мыслительной деятельности. Каждая модальность соответствует глубинной модели сознания. Три модуса бытия, постулируемые Аристотелем – действительное, необходимое, возможное, – соположены кантовской триаде ассергической, аподиктической и проблематической модальностей, каждая из которых соотносится с языковыми феноменами, описывающими тип высказывания – изъявительным, повелительным и сослагательным наклонением, с глобальными идейно-художественными течениями – реализмом, классицизмом и романтизмом, а также с эпистемами как историческими априори познания – современной, классической и ренессансной.

Описывая эволюцию форм знания через их преобладание в соответствующих дискурсивных практиках, А. М. Каплуненко постулирует следующие корреляции: концепт доминирует в Дискурсе Различий

(эпоха Ренессанса), понятие – в Дискурсе Согласования (эпоха классицизма), термин – в Дискурсе Экспертного Сообщества (Новое Время) [9]. Согласно Д. П. Горскому, содержание и объем семиотической сущности находятся в обратно пропорциональной зависимости – так, содержание концепта бедно, поскольку каждый участник коммуникации акцентирует один или несколько субъективно важных признаков, сумма которых дает «огромный объем» [9].

Феноменологический характер признаков концепта, выделяемых каждым коммуникантом, – нередко заметных и значимых только для него, неизбежно приводит к тому, что дискурс, организуемый вокруг концепта, становится Дискурсом Различий, открывающим простор для генерации периферийных смыслов. При восхождении от концепта к понятию и далее к термину круг значимых для коммуникантов признаков и объем семиотической сущности сужается, а его содержание становится более «плотным», а значит, вероятность ее различного осмысления снижается.

Так, ситуация непонимания в Дискурсе Согласования и Дискурсе Экспертного Сообщества возникает редко, а если это происходит, то она быстро разрешается, поскольку понятие и термин определены легко описываемым и единым для коммуникантов набором характеристик. В противовес понятию и термину, концепт как ядро дискурса оказывается источником множества потенциальных интерпретаций, провоцируя непонимание, которое, согласно И. А. Зимней, есть «не отсутствие процесса осмысления, а только его отрицательный результат, который свидетельствует о том, что процесс осмысления не достиг исхода, адекватного ситуации общения...» [7, с. 310]. Различная степень интерпретируемости семиотических сущностей позволяет соотнести их с бытийными модусами: термин – необходимое, понятие – действительное, концепт – возможное.

Представление развития форм знания от концепта к термину в виде эволюции обосновано при обращении к эпистемологическим доминантам общечеловеческого мышления. А. М. Каплуненко указывает, на то, что «в современных условиях семиозиса вполне возможно диалектическое развитие знания по схеме “от термина к понятию”» [7]. Однако свойство дискурса организовываться вокруг концепта позволяет предположить наличие и других путей эволюции знания – по направлению к концепту. Концепт, будучи генетически первичным по

отношению к понятию и термину, обладает способностью к генерации новых смыслов и миров, а значит, является удобным инструментом их исследования.

Значимость концепта как формы индивидуального знания, лежащей в основе мыслительных процессов, не подлежит сомнению. Способность концепта порождать и расширять дискурс хорошо иллюстрируют именно случаи непонимания коммуникантами друга друга, причем зачастую факт непонимания адресатом не только не признается, но и не осознается. Более того, когда адресат наконец узнает, что понял адресанта неверно, он с неохотой принимает истинное толкование и нередко испытывает сожаление, поскольку собственное восприятие концепта подтолкнуло его к созданию дискурса, воплощающего возможный мир.

«Возможный мир строится по законам логики, он внутренне целесообразен и логичен, но его интенционалы не завершены экстенционалами, для них в определенном (оговоренном выше) смысле нет необходимости находить существующие «вещи» в актуальном мире» [11, с. 303]. В этом смысле дискурс мондегрин в частности и ослышки в целом – это дискурс без экстенционала. Интенционал такого дискурса основан на концепте, фундаментальные свойства которого включают и архетипические черты. Содержание его, будучи «бедным» именно в силу размытости границ, конкретизируется в каждом акте рецепции.

Термин «мондегрин» закрепился за неверно понятыми словами песен после выхода статьи Сильвии Райт «The Death of Lady Mondegreen» в 1954 году. Услышанная в детстве строка баллады на многие годы запомнилась ей как «They had slain the Earl of Moray / And Lady Mondegreen» [22]. Только став взрослой, она узнала, что подлинные слова были другими: «They had slain the Earl of Moray / And laid him on the green». Однако образ убитой Леди Мондегрин оказался таким ярким, что вокруг него фантазия девочки создала целый мир [5]. Впервые обратившись к ослышкам с точки зрения их способности создавать далекие от реального мира, С. Райт описала мощь их миропорождающего потенциала так:

«...if you lay yourself open to mondegreens, you must be valiant. The world, blowing near, will assail you with a thousand bright and strange images. Nothing like them has ever been seen before, and who knows what lost and

lovely things may not come streaming in with them? But there is always the possibility that they will engulf you and that you will go wandering down a horn into a mondegreen underworld from which you can never escape» [22].

Идея необязательной или неполной реализации возможного лежит в основе философии возможного как категории, противопоставленной категориям действительного и необходимого. Исследование ослышки как варианта интериоризации знака, направленной на достижение феноменологического тождества знака и означаемого, предполагает обращение к герменевтическому потенциалу рефлексии как основного способа актуализации смысла в возможном мире.

Традиционное для многих культур представление о потенциальной множественности вариантов развития событий обрело новые основания в XX веке благодаря появлению общей теории относительности и интерпретации времени как четвертого измерения. В философии и искусстве постмодерна действительный мир утрачивает статус доминирующего – линейная модель времени уступает место ветвящейся модели, которая схематизирует одновременно возможное развитие событий без указания на их отношение к действительности. Это связано с обращением к рецептору и признанием его активной роли в коммуникации.

Феноменологический подход не предполагает рассмотрения вопроса истинности и потенциала реализации возможного мира (поскольку, реализовавшись, он утратил бы статус возможного). Важно увидеть внутреннюю непротиворечивость этого мира, образованного «множеством совместимых фактов или событий, несовместимых в других мирах» [19]. Ослышка как результат восприятия – это введение воспринимаемого сообщения в индивидуальный Мир Ценности рецептора и одновременная актуализация этого мира. Знак обладает референцией как к Миру Действия, так и к Миру Ценности, и по-разному воспринимается в мирах адресата и адресанта. Ослышка – крайний случай различия в восприятии, когда означаемое адресанта и означаемое адресата могут быть полярно противоположными друг другу.

Концепт закодирован в знак, только одна часть которого – означающее (последовательность звуков в устной речи или последовательность букв на письме) – доступна непосредственному восприятию рецептора. Попадая в поле его внутреннего времени его, знак оказы-

вается под воздействием законов мира рецептора – своего рода феноменологического мифа [5]. При этом означаемое адресата утрачивает изначальное означаемое и обретает новое означаемое, коррелирующее с концептом, релевантным для рецептора и латентно присутствующим на его интенциональном горизонте. Благодаря этому концепт рецептора актуализируется, становясь основой для построения дискурса – «дискурсным топиком» (термин В. З. Демьянкова), характеризующим возможный мир. Необходимо отметить, что понятие дискурсного топика, введенное Демьянковым для описания манипулятивных стратегий автора политического дискурса [4], используется нами более широко – как семантический фокус продуцируемого и воспринимаемого высказывания безотносительно к наличию или отсутствию манипуляции со стороны говорящего. О том, что вокруг опорного концепта строится непротиворечивый и целостный мир, свидетельствуют следующие примеры, объединенные идеей уверенности в существовании отличного от реального мира и сожаления о его утрате.

(1) «Мне двенадцать лет. Мне подарили на елку Жюль Верна. Читаю его целые дни, – жадно, – напряженно. В ушах звенит. Горю. Иногда слово прочитывается не совсем верно, но тем лучше: оно приобретает особый, непонятный, еле улавливаемый, таинственный смысл. Помню картинку: стоит господин, скрестив на груди руки. Подпись: “Паганель бодрствовал”. Вместо «бодрствовал» я сгоряча прочла “*бодросовал*” – я недолго обдумывала. Ясное дело, что занятие это сложное, ответственное, жутковатое. Через несколько лет эта книга снова попала в руки, и узнала я, что Паганель просто напросто бодрствовал, – и загрустила. **Жалко стало яркого, особенного впечатления, какое дало то несуществующее слово**» [12].

(2) «...печеный картофель стал подаваться в миске. Он ставил ее посреди стола и говорил: – Ребята, *мимоскаль* за нами! Замечательное слово «мимоскаль» означало: налетай. Только много позже Антона осенило, что дед говорил: “Ребята, не Москва ль за нами!” **Клич нравиться перестал**» [16].

(3) «В детстве мне не раз приходилось слышать чтение вслух стихов Маяковского. Одно из стихотворений заканчивалось словами:

Я подниму, как большевистский партбилет,
Все сто томов моих партийных книжек.

В моем восприятии стихи читались — “*все сто домов*”. До сих пор помню захватывающий зрительный образ, который при этом возникал: гигант, поднимающий одной рукой сто домов, доверху набитых книжками... Когда, спустя некоторое время, недоразумение разъяснилось (*к большому моему разочарованию*), это произошло, опять-таки, не потому, что улучшилось восприятие фонологического контраста ‘т’ vs. ‘д’ и его реализации в речи. Причиной было то, что к тому времени в моем языковом опыте появилось и само слово “том”, и та идиоматическая, аллюзионная, жанровая среда, в которой, как в почве, это слово прорастает в своем бытии в языке» [3].

(4) «Гуляли мы по улицам недалеко, особенно зимой. Один квартал по Знаменской улице, около церкви Козьмы и Демьяна. Церковь стояла на Кирочной. Мы, дети, нас было четверо, три брата и одна сестра (я младший), говорили: Козьма и Обезьяна, *ни о чем не расспрашивая старших*. Мы даже знали, где живут обезьяны. Церковь имела маленький сквер. Снова проход, и в этом проходе за стеной сарай с трубой; из трубы часто шел дым; значит, там топили печи. Вот это и создало нам *миф*, что в амбаре живут обезьяны, они любят тепло; *проверить мы не пробовали*» [18].

В примерах 1 и 2 результатом рецепции стали квази-слова – «бодросовал» и «мимоскаль», в примерах 3 и 4 – реальные слова «дом» и «обезьяна». В каждом случае рецептор сообщения – он же «автор» ослышки – твердо убежден, в том, что услышал слово правильно, и концепт получает характеристики, подтверждающие и детализирующие его существование: «бодросовать» оказывается ответственным делом, «мимоскаль» обретает черты глагола в форме побудительного наклонения. Сто домов оказываются в руках гиганта, а обезьяны любят тепло.

Обращение к визуальному образу великана, поднимающего дома, в примере В. Б. Гаспарова (3), напоминает приведенное ранее описание погибшей Леди Мондегрин в эссе С. Райт. В обоих случаях сознание адресата строит вокруг опорного концепта целостный мир, наделяя его множеством деталей. Указание Б. М. Шкловского (пример 4) на отсутствие желания проверить истинность еще раз подтверждает мифологическую природу созданного мира. Ослышки в песнях – собственно мондегрины – представляют собой особый класс данного явления, поскольку условия и параметры восприятия песенного текста отличны от восприятия произносимого.

В воспоминаниях С. Кайсаровой описан случай непонимания детьми слова в прослушиваемой песне, которую им предстояло выучить:

(5) «В начале песни все было вроде бы знакомо, смущала лишь некая Изабэлья, к которой надо было прокладывать путь трудом:

Трудом мы к *Изабэлье*
Проложим путь себе.
Пусть гнутся наши нивы
Колосьями к земле!

Детское недоумение не могли развеять и взрослые, призванные на помощь. Старики напрягали слух, пытаясь опытным ухом уловить то, что молодым неведомо. Приглашали соседей, спрашивали у родителей. Пластинку заездили вконец – все тщетно: тайна Изабэльки оставалась нераскрытой... Все вдруг встало на свои места, когда Леонид Николаевич объяснил, что о женщине в песне нет речи, а неизвестное слово «изобилие» означает непонятное в ту пору явление – это когда у всех всего много, даже больше, чем нужно. Люди не знали слова, потому что не существовало явления, которое оно обозначает...» [13, с. 322].

Этот пример ярко демонстрирует функционирование концепта как опоры для создания дискурса – загадочное слово воспринимается как знак, кодирующий желанную труднодостижимую цель. В терминах теории архетипов такая цель может быть описана образом прекрасной незнакомки. Ее «отдаленность» воплощена необычным именем – Изабэлья. Примечательно, что фонетическая структура этого слова позволяет отнести его к классу единиц, воспринимаемых русскими как испанские слова.

Согласно данным Н. М. Азаровой, «60 процентов опрошенных называют в качестве самого характерного звука непривычное звучание *л*, некоторые обозначают его мягкостью, или говорят, что это какое-то странное *л*, некоторые указывают его в сочетании *эль, лья, лье*» [1, с. 26]. При этом *лья* входит в ряд ключевых звукосочетаний русского «испанского текста», возможно, благодаря частотному «Севилья» [1]. Так срабатывает механизм трансформации непонятного набора звуков в образ, доступный интерпретации.

Среди примеров, иллюстрирующих рождение нового смысла и его развитие, можно назвать известный рефрен романа «Крутится-

вертится *шар* голубой», исполняемого Борисом Чирковым в знаменитой кинотрилогии о Максиме. Точное время появления и автор не установлены, но известно, что она появилась в конце XIX в. в Петербурге, изначально была намного длиннее и в ней упоминался не «шар», а «шарф голубой». В различных источниках песня трактуется как поздний аналог популярного в XIX в. романса Н. А. Титова «Шар голубой», либо вольный перевод еврейской народной, либо песня фабричных рабочих, либо – полублатной фольклор. Последняя версия позволяет реконструировать сюжет песни так: бандитские группировки Васильевского острова носили синие шарфы, а Петроградской стороны – красные. Молодой человек в синем шарфе полюбил девушку с Петроградской стороны, но появиться «на чужой территории», чтобы увидеть ее, было опасно, снять же шарф означало предать свою команду. То есть изначально сюжет разворачивается именно вокруг шарфа, но очевидно, что на стыке слов в устной речи звук «ф» едва ли может сохраниться – можно стараться его произнести, но услышать почти невозможно. Кроме того, шарф – атрибут мещанства, которому нет места в идеологии советского человека, а потому новое «прочтение» стихов пришлось как нельзя кстати. Хотя до конца не ясно, какой шар имеется в виду в распространенной версии, все же именно она сохранила популярность на многие десятилетия, считаясь в первые годы советской власти гимном петроградского пролетариата.

Такое набрасывание дополнительных смыслов на опорный концепт характерно не только для ослышек. Д. Шерих описывает множество примеров опечаток, которые настолько прочно вошли в читательское восприятие, что их исправление нарушает целостную картину, и новая – правильная – версия с трудом может конкурировать с уже сложившейся. Так, впервые появляясь в романе «Двенадцать стульев», Остап Бендер «предстает перед читателем с *нагретым* яблоком в руке. Лишь через несколько строк читатель узнает о зеленом костюме, о лаковых штиблетах, о шерстяном шарфе турецко-подданного, но первая деталь – *нагретое* яблоко» [17]. В рукописи значилось «налитое яблоко», но в печатной версии оно превратилось в «нагретое». «Поклонники “Двенадцати стульев”, помнящие роман близко к тексту, теперь уже и не согласятся с налитым яблоком – им нагретое подавай!» [17].

Когда один из почитателей творчества В. Брюсова спросил поэта, что такое «*воинсомания*», тот счел это слово названием психической

болезни. Недоразумение разрешилось, когда оказалось, что в печатной версии стихотворения «Лесная дева» есть строка «Дыша в бреду огнем вопинсоманий...», причем читатели восприняли «вопинсоманий» как неизвестное им, но вполне реальное слово, хотя на самом деле это искаженное «воспоминаний».

Готовность принять и оправдать искажение подтверждается многими примерами. М. Цветаева вспоминает, что в печатной версии статьи М. Волошина о женщинах-поэтессах упомянуты «древние заплатки Аделаиды Герцык», хотя имелись в виду заплачки. А. Герцык отреагировала на переименование жанра ее поэзии так: «Милая, **в опечатках иногда глубокая мудрость**: каждые стихи в конце концов – заплатка на прорехах жизни. Особенно – мои. Слава Богу еще, что древние! Ничего нет плачевнее – новых заплат!» [15].

Эти и многие другие примеры построения интерпретаторами убедительных доказательств существования мира, отличного от действительного, подтверждают концепцию реконструкции мысленного мира, выдвинутую В. З. Демьянковым. Он определяет мысленный мир как мир, «в котором, по презумпции интерпретатора, автор конструировал дискурс и в котором описываются реальное и желаемое (пусть и не всегда достижимое), нереальное и т. п. положение дел» [4]. Это мир, в котором актуализируются «характеристики действующих лиц, объектов, времени, обстоятельств событий (в частности, поступков действующих лиц) и ... домысливаемые интерпретатором (с его неповторимым жизненным опытом) детали и оценки» [4].

Мы полагаем, что навязывание своего мнения автором адресату как цель драматургии дискурса, о которой говорит В. З. Демьянков, является частным случаем глубинного механизма смыслообразования, который может быть запущен как благодаря манипулятивному воздействию извне, так и благодаря мощным внутренним стимулам семиозиса.

Итак, возможный мир – это область потенциально актуализируемых смыслов, которые «могут различаться в каждый момент времени по степени готовности их к актуализации... Одни смыслы могут быть актуализированы сразу без каких-либо дополнительных условий,, Другим же смыслам требуются дополнительные условия для их «актуализации» – и они, таким образом, составляют некий «смысловой фон», какие-то части которого, однако, могут стать «текущим смысло-

вым состоянием» в следующий момент времени [8]. Индивидуально значимый для рецептора концепт может стать таким стимулом – его означаемое притягивает к себе новое означающее (воспринимаемое сообщение); вокруг него создается дискурс согласованных друг с другом высказываний, описывающих возможный мир, определяемый В. В. Целищевым как «мир, который описывается максимальным непротиворечивым множеством предложений, принадлежащих к системе некоторого языка» [14] и содержит максимальное множество «совозможных» явлений. Каждый из приведенных примеров иллюстрирует внутреннюю целостность возможного мира и такую совозможность.

Состояние адресата в момент восприятия, его готовность к интерпретации и пути этой интерпретации характеризуются его внутренним временем его. Оно определяет ключевые концепты, которые находятся в состоянии потенциальной актуализации. Когда в это поле потенциальных смыслов попадает знак извне, то он притягивает какой-то из этих концептов – в силу важности самого концепта и в силу некоего сходства означающего знака и означающего концепта. Прежнее означаемое (смысл в терминологии Барта) утрачивается, освобождая место для нового.

Большинство концептов, порождающих новые смыслы, несут архетипические черты. На это указывает С. Коннор, приводя примеры ослышек в песнях и объединяя наиболее типичные в три группы – еда, секс, животные [21]. Наши примеры подтверждают архетипический характер смыслопорождающих концептов и позволяют расширить этот список, включая туда и концепты, вербализуемые квазисловами, которые морфологически соответствуют нормам языка рецепции – «волна Мирона», «дарвалдая», «бодросовал», «мимоскаль».

Выделяя фундаментальные архетипы сознания, Юнг отмечал, что «Существует столь же много архетипов, сколько и типичных жизненных ситуаций... Если в жизни случается нечто, что соответствует архетипу, то последний активизируется; и наступает неодолимое поноуждение, которое, наподобие инстинктивной реакции, берет верх вопреки рассудку и воле...» [20].

Еще одной важной характеристикой архетипов, релевантной для поиска их корреляций с концептами, является их способность к реализации: «Первичные образы приобретают смысловые черты только тогда, когда проникают в сознание и наполняются материалом созна-

тельного опыта. ...Архетип сам по себе есть пустой, формальный элемент» [20].

Основные выводы исследования ослышек в свете концепции триады форм знания А. М. Каплуnenко и ряда положений теорий возможных миров можно сформулировать следующим образом:

- из трех форм знания концепт обладает наибольшим семиургическим потенциалом, т. е. наиболее продуктивен с точки зрения порождения возможного мира в силу своей открытости, размытости содержания и большого объема;
- концепт, лежащий в основе ослышки, обладает свойствами архетипа: потенциалом актуализации в определенных условиях и независимостью от сознательной интерпретации;
- миру, порождаемому ослышкой, свойственна целостность и непротиворечивость, о чем свидетельствуют соответствующие позиции.

Обращение к понятию «возможный мир» и инструментарию концепций возможных миров при изучении ослышки представляется эвристически обоснованным и может способствовать пониманию аспектов возможного мира, остающихся вне фокуса внимания при выборе другого объекта. Согласно Р. Павиленису, лучшее уяснение понятия «возможный мир» «достижимо не посредством его определения, а посредством употребления в теоретическом объяснении исследуемых с его помощью феноменов» [10, с. 59]. На наш взгляд, ослышка является одним из таких феноменов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азарова Н. М.* Формирование концепта ЧУЖОЙ ЯЗЫК как репрезентация опыта межкультурного взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 4 (045). – С. 23–29.
2. *Воскобойник Г. Д.* Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: дис. ... д-ра филол. наук. – Иркутск, 2004. – 290 с.
3. *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
4. *Демьянков В. З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – 2002. – № 3. – С. 32–43.
5. *Ефимова Н. Н.* Концепт в мифологической системе *Lapsus Auris* // Вестник МГЛУ. – 2015. – № 10 (721). – С. 20–30.

6. *Ефимова Н. Н.* Туманность леди Мондегрин // Вестник ИГЛУ. – 2013. – № 4. – С. 64-70.
7. *Зимняя И. А.* Лингвопсихология речевой деятельности. – М. : Московский психолого-социальный институт, 2001. – 432 с.
8. *Иванов Е. М.* Сознание и время [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://novainfo.ru/archive/32/soznanie-i-vremya>.
9. *Каплунович А. М.* FEDERAL/FEDERALISM: от концепта к понятию и термину // Вестник ИГЛУ. – 2012. – № 2 (18). – С. 16–21.
10. *Павленко Р. Й.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.
11. *Степанов Ю. С.* В мире семиотики // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. – М. Русский язык, 2001. – С. 5-42.
12. *Тэффи Н. А.* Собрание сочинений: в 3 т. – СПб. : РХГИ, 1999. – Т. 1: Проза. Стихи. Пьесы. Воспоминания. Статьи. – 460 с.
13. *Улицкая Л. Е.* Детство 45-53: а завтра будет счастье. – М. : Инра-М, 2013. – 544 с.
14. *Цветева М. И.* Живое о живом (Волошин) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tsvetaeva.synnegoria.com/WIN/prose/zhivoe1.html>.
15. *Целищев В. В.* Философские проблемы семантики возможных миров. – Новосибирск : Наука, 1977. – 191 с.
16. *Чудаков А. П.* Ложится мгла на старые ступени: роман-идиллия. – М. : Время, 2012. – 640 с.
17. *Шерих Д. Ю.* «А» упало, «Б» пропало... Занимательная история опечаток [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://fanread.ru/book/7803296/>.
18. *Шкловский В. Б.* Жили-были. – М. : Советский писатель, 1966. – 552 с.
19. *Эпштейн М. Н.* Философия возможного [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/epshteyn_filo/03.aspx.
20. *Юнг К. Г.* Архетип и символ. – М. : Ренессанс, 1991. – 298 с.
21. *Connor S.* Earslips: Of Mishearings and Mondegreens [Electronic resource]. – URL : <http://www.stevenconnor.com/earslips/>.
22. *Wright S.* The Death of Lady Mondegreen // Harper's Magazine. – 1954. – P. 48-51.

УДК 811.11

Н. Н. Коробейникова

аспирант кафедры английской филологии МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: nati0711@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВРЕМЕННОГО ПРОМЕЖУТКА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье приведены результаты корпусного исследования функционирования темпорального наречия *forthwith* в современном английском языке. На основе анализа эмпирического материала выявлена специфика концептуализации короткого временного промежутка, передаваемая в высказываниях с наречием *forthwith*, конкретизирована семантическая структура данного наречия.

Ключевые слова: темпоральные наречия; временной промежуток; концептуализация; контекстуальный анализ; коллокат.

Korobeinikova N. N.

Post-Graduate Student, MSLU EALI;
e-mail: nati0711@mail.ru

CONCEPTUALIZATION OF A TIME INTERVAL IN MODERN ENGLISH

The article suggests a discussion of the results of the corpus study of functioning of the temporal adverb *forthwith* in modern English. The analysis of empirical data has allowed to reveal the peculiarities of conceptualization of a time interval represented in the utterances with the adverb *forthwith*, and to specify its semantic structure.

Key words: temporal adverbs; time interval; conceptualization; contextual analysis, collocate.

Время – один из основных параметров существования мира, определяющих смысловое поле человеческого мировосприятия. Время является метакатегорией, что проявляется в разграничении аспектов описания, и, соответственно, оно выступает объектом исследования в разных областях научного знания. В лингвистике также уделяется значительное внимание этой фундаментальной категории, поскольку восприятие и осмысление человеком различных временных параметров обозначаемых событий, ситуаций и явлений находит свое непосредственное отражение в языке. Изучение способов концептуализации времени языковыми средствами различных уровней входит в сферу научных интересов многих ученых-лингвистов. В частности,

время как морфологическая категория исследовано в трудах В. В. Виноградова, Т. Н. Молошной, Н. С. Поспелова и других. Исследования Т. П. Ломтева, Н. Н. Прокопович, Т. Е. Шаповаловой посвящены проблемам синтаксической темпоральности. В большом количестве работ рассматривается выражение временных отношений на уровне лексики (см. Ц. Д. Бидагаева, М. В. Всеволодова, Е. В. Глызина, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева, Л. Г. Панова и др.). Изучение времени как категории, выходящей на уровень текста, связано с такими лингвистами, как Н. К. Гей, Н. Ф. Ржевская, Л. Л. Сандлер, Л. О. Чернейко. В концепции А. В. Бондарко время представляется в виде двухплановой функционально-семантической категории темпоральности, находящей выражение на всех уровнях языка. Кроме этого, анализу представления грамматического времени в языке в целом уделяется значительное внимание в исследованиях Э. Бенвениста, А. В. Кравченко, О. Есперсена.

В данной статье рассматривается подкласс темпоральных наречий, который входит в разряд лексических средств языковой репрезентации временных отношений. Объектом нашего исследования является синонимический ряд из семи темпоральных наречий со значением мгновенности: *immediately*, *instantly*, *instantaneously*, *right away*, *straight away*, *at once* и *forthwith*. Обращение к данной группе наречий обусловлено недостаточной степенью изученности особенностей обозначаемых ими ситуаций как традиционными лингвистическими методами, так и с применением корпусных технологий, несмотря на то, что в высказываниях с ними, безусловно, закреплены различия в концептуализации временного промежутка. Без тщательного анализа каждого темпорального наречия из рассматриваемого нами ряда невозможно создание целостного представления о восприятии человеком мгновенности (краткого временного интервала).

Цель данной статьи – на примере темпорального наречия *forthwith* проанализировать особенности концептуализации короткого временного промежутка в современном английском языке. Выбор наречия *forthwith* связан с необходимостью сопоставить полученные данные о нем с данными о других наречиях этого ряда, которые были проанализированы нами ранее [см. 1-3].

Эмпирической основой для исследования послужили данные двух корпусов: Британского национального корпуса (British National

Corpus – BNC) [7] и Корпуса современного американского английского (Corpus of Contemporary American – COCA) [8] объемом 100 млн и 450 млн словоупотреблений (далее – с/у), соответственно.

В результате проведенного анализа было обнаружено, что как в BNC, так и в COCA *forthwith* характеризуется достаточно малочисленным корпусом примеров по сравнению с другими наречиями из изучаемого нами ряда (абсолютные показатели частотности: 245 с/у в BNC, 139 с/у в COCA) и, в целом, низкой частотой встречаемости на 1 млн. с/у [7; 8].

В Британском национальном корпусе высказывания с *forthwith* наиболее репрезентативны в регистрах академической (*academic*) и научно-популярной прозы (*non-academic*), в Корпусе современного американского английского – в регистре художественной литературы (*fiction*) и академической прозы (*academic*). В обоих корпусах данное наречие наименее всего представлено в следующих регистрах: разговорном (*spoken*), журнальном (*magazine*) и газетном (*newspaper*) [7; 8].

Корпусные данные позволяют сделать предположение, что наречие *forthwith* не является частотным в современном английском языке и в основном употребляется в академической прозе.

Изучение дефиниций, представленных в восьми словарях [4; 13; 14; 16; 17; 19; 21; 22], выявило, что *forthwith*, главным образом, трактуется посредством двух наречий из исследуемого нами синонимического ряда, а именно, лексемами *immediately* [14; 19; 21; 22; 13, р. 557; 17, р. 754; 16, р. 353] и *at once* [19; 21; 17, р. 754; 16, р. 353; 22, р. 476; 4, с. 340]. Наряду с этим, в трех словарях в качестве определения для *forthwith* используется дефиниция *without delay* («безотлагательно / без промедлений») [14; 22, р. 476; 17, р. 754]. Таким образом, толковые словари не дают конкретного значения *forthwith*, позволяющего отделить его от *immediately*, *at once* и других синонимичных ему наречий. Единственно значимой отличительной особенностью *forthwith* является указание на формальную сферу употребления, а именно, имеющаяся в словаре Longman Dictionary of Contemporary English помета *formal* [13, р. 557].

С целью конкретизации семантического содержания *forthwith* возникла необходимость сопоставления этого наречия с *immediately* в диахронии. Принятие данного решения обусловлено следующими

факторами: во-первых, согласно данным BNC и COCA, именно *immediately* является самым частотным наречием из анализируемого нами синонимического ряда; во-вторых, оно фигурирует в словарных определениях остальных шести наречий данного ряда.

Для начала обратимся к этимологии темпоральных наречий *immediately* и *forthwith*. Согласно данным этимологических источников, наречие *immediately* появилось в XV в. в результате деривации от прилагательного *immediate*, которое, в свою очередь, восходит к старофранцузскому *immediate* (XIV в.), образованному от позднелатинского *immediatus* [20, p. 229; 18, p. 288; 23, p. 62; 10, p. 771; 15], обозначающему «отсутствие чего-либо между/посередине»: «“without anything between” from assimilated form of *in-* “not, opposite of” + *mediates* “in the middle”» [15]. Отсюда следует, что смыслообразующим компонентом *immediately*, заложенным в его этимологии, является «середина». Как известно, середина предполагает обязательное наличие минимум двух частей, в случае с *immediately* эти две части отделены друг от друга пустым промежутком.

Что касается значения наречия *immediately* в современном английском языке, то, в частности, в словаре *The Oxford English Dictionary* (1933 г.) представлены следующие семантические компоненты:

– без посредника, какого-либо промежуточного звена: «Without intermediary, intervening agency, or medium; by direct agency; in direct or proximate connexion or relation; so as to concern, interest, or affect directly, or intimately; directly»;

– без преграды/вмешательства со стороны какого-либо лица, предмета или расстояния: во времени, в пространстве, порядке, следовании чего-либо; рядом, близко с чем-либо: «With no person, thing, or distance, intervening in time, space, order, or succession; next or just (preceding or following, before or after); closely; proximately; directly»;

– без задержки/отсрочки: «Without any delay or lapse of time; instantly, directly; straightway; at once» [23, p. 63].

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что в ядре значения наречия *immediately* содержится указание на два элемента (два действия, события, субъекта или объекта), время или расстояние между которыми сводится к нулю.

Перейдем к рассмотрению этимологии *forthwith*. Данная лексема, германская по происхождению, изначально функционировала в ка-

честве составного предлога *forth with* (XII в.), имевшего в древнеанглийский период форму *forð mid* со значением «наряду с» (along with). Наречие возникло позже, в начале XIV в., в результате слияния фразы *forth with* [10, p. 614; 15; 22, p. 476]. В связи с тем, что в лексикографических источниках не указано, каким образом было сформировано современное значение у наречия *forthwith*, мы обратились к изучению истории происхождения его составляющих – *forth* и *with*. Согласно этимологическим данным, в древнеанглийский период слово *forð* имело следующие значения: «движение вперед» («forward», «onward», «succeeding»), «продолжение действия» («continually», «all the time»), «предшествование» («in advance», «preceding»), относящиеся как ко времени, так и к пространству [9, p. 133; 11, p. 82; 15; 18, p. 223]. Лексема *forð* восходит к протогерманскому слову **furtha-*, образованному от праиндоевропейской корневой морфемы **per-* с изначально пространственным значением «вперед/дальше, через» («forward, through») [15]. Предлог *with* в древнеанглийский период манифестировал расположение на каком-либо расстоянии: «against, opposite, from, toward, by, near» [9, p. 414; 10, p. 1748; 11, p. 238]. Кроме того, древнеанглийская форма *wið*, произошедшая от праиндоевропейского **wi-tero-*, обозначала пространственные признаки – «отдаленность», «разделение»: «Old English *wið* “against, opposite, from, toward, by, near,” «...» from PIE **wi-tero*, literally “more apart”, suffixed form of root **wi-* “separation”» [15; 10, p. 1748]. Таким образом, в элементах *forð* и *wið* первоначально был заложен пространственный компонент, а именно, «удаление от исходной точки». В дальнейшем, в рамках общей тенденции повышения уровня абстракции языка, у *forð* и *wið* происходит развитие ещё одного значения, относящегося к сфере концептуализации времени. Мы предполагаем, что последовавшее за этим в XIV в. объединение слов *forth* и *with* в наречие *forthwith* стало репрезентировать темпоральные отношения, а именно, выполнение действия в ближайшей перспективе.

Итак, на основании проведенного сопоставительного анализа можно построить модели *immediately* и *forthwith*, позволяющие разграничить эти наречия-синонимы. В частности, представляется, что *immediately* концептуализирует пространственный либо временной промежуток в виде отрезка, конечные точки которого максимально приближены друг к другу. В отличие от *immediately*, *forthwith* концеп-

туализирует промежуток в виде отрезка, имеющего направление в сторону близлежащего будущего, т. е. вектора.

Для того чтобы проверить гипотезу о «векторном характере» наречия *forthwith* в концептуализации временного промежутка, а также ещё больше конкретизировать его семантическое содержание в ряду синонимичных ему наречий, было проведено корпусное исследование дискурсивных ситуаций на базе Британского национального корпуса. В частности, проанализировано 158 высказываний из следующих регистров BNC: академическая проза (*academic* – 60 с/у), научно-популярная литература (*non-academic* – 41 с/у), художественная литература (*fiction* – 32 с/у), газетные статьи (*newspaper* – 13 с/у), журнальная пресса (*magazine* – 9 с/у), разговорная речь (*spoken* – 3 с/у) [7].

Проведённый контекстуальный анализ установил, что темпоральное наречие *forthwith* главным образом имеет значение «через короткий промежуток времени», манифестирующее короткий временной интервал, предшествующий осуществлению действия:

A decision to make licensing divisions must be intimated forthwith to the Secretary of State and published for two successive weeks in newspapers circulating in the area; A similar clause in the 1991 Rugby World Cup TV deal provided ITV with an option to renew their contract for 1995, which they have done forthwith [7].

Во всех шести регистрах функционирование наречия *forthwith*, главным образом, связано с областью права. Данный вывод основан, во-первых, на том, что в одном из регистров BNC – академической прозе (*academic*) – 54 с/у *forthwith* из 60 имеют помету «law», во-вторых, высказывания с данным наречием, представленные в остальных регистрах, в той или иной мере имеют отношение к правовой сфере. Анализ содержания данных юридических контекстов выявил, что в них представлены фрагменты различных судебных постановлений, решений и правовых соглашений, например:

The second reason is that an appeal triggers a reconsideration of the case by an adjudication officer, who may revise the decision in the claimant's favour forthwith [7].

Наряду с этим, для того, чтобы дополнительно конкретизировать тематические группы, в контекстах с которыми встречается темпоральное наречие *forthwith*, мы обратились к статистическому инстру-

ментарии, представленному в BNC, а именно к опции определения коллокатов слова.

Под коллокатами (от англ. collocates) понимаются слова, встречающиеся в непосредственной близости к ключевому слову, но не обязательно связанные с ним грамматически [12, р. 73]. В корпусе BNC были рассмотрены коллокаты, находящиеся на расстоянии до четырех слов влево и вправо от *forthwith*, поскольку, согласно Д. Байберу, словам не обязательно непосредственно примыкать друг к другу, чтобы их можно было ассоциировать друг с другом [6]. Следует также отметить, что не частотные в отдельности коллокаты, которые представляют одну предметную область, можно отнести к той или иной тематической группе.

Руководствуясь такими корпусными данными, как статистический критерий абсолютной частотности (т.е. общей частоты встречаемости с/у в корпусе) и мера MI (Mutual Information – «коэффициент взаимной информации, или зависимости, который сравнивает зависимые контекстно-связанные частоты с независимыми, как если бы слова появлялись в тексте совершенно случайно» [5, с. 12]), мы установили и классифицировали коллокаты наречия *forthwith*.

В частности, в ходе изучения коллокатов *forthwith* удалось выделить 6 тематических групп:

- 1) приказ / требование;
- 2) решение / постановление;
- 3) передача информации / сообщения;
- 4) прекращение;
- 5) финансы / финансовые операции;
- 6) избавление от чего-либо/кого-либо/уход в отставку.

Тематическая группа «приказ/требование» выделена на основании присутствия в контекстах с наречием *forthwith* таких лексических единиц, как *to order, order, to require, request, to demand, demand, petition*, например:

On an application for an order under section 18 of the Act made in respect of proceedings in the Supreme Court (except proceedings on appeal from a county court) or in the House of Lords, the court shall not make an order forthwith...

Article 12 of the Convention requires, prima facie, the mandatory return forthwith of a child who has been wrongfully removed [7].

В тематическую группу «решения / постановления» входят лексические единицы *to resolve, resolution*:

*To avoid both this and the possibility of being forced into national level negotiation with Wilson, the Federation Council at a meeting held on 29 November 1912, resolved “that the state of the shipping trade warrants a substantial increase in the wages of seamen all round the coast from January 1st. next, and that meetings of the district committees to give effect to this resolution be held **forthwith**” [7].*

Коллокации *to notify, notice, to report, to inform, to intimate, to convey, to declare* были определены в группу с общим значением «передача информации/сообщения»:

*He wrote her a brief note merely saying he had had to go home owing to illness and had found, on his return, that he was to report **forthwith** to the War Office;*

*She immediately wrote a brief congratulatory note, insisting that the waiter convey it **forthwith** to the chef de cuisine himself [7].*

Факт совместной встречаемости в определенных контекстах наречия *forthwith* и лексических единиц *to cease, to terminate, to desist, to abolish, to stop, stop, to expire, to dissolve, to suspend* позволил объединить их в группу «прекращение», например:

*A health board statement said the contract of Laurence Peterken had been “terminated **forthwith**”;*

*The Law Society is firmly of the view that this antique and uncertain liability should be abolished **forthwith**, without any run-out period [7].*

Примерами коллокатов наречия *forthwith*, относящихся к тематике «финансы/финансовые операции», являются лексические единицы *to pay, payment, payable, to withdraw*:

*...under the terms hereof the buyer shall **forthwith** pay to the seller or the seller’s conveyancer a sum equal to the difference between the deposit already paid and 10% of the total purchase price;*

*I’ve seen enough to convince me that the only recommendation I can make to the bank is that they should withdraw all financial facilities to the Ingard group **forthwith** [7].*

Такие коллокации наречия *forthwith*, как *to resign, to eject, to discharge, to dispose*, принадлежат тематической группе «избавление от чего-либо / кого-либо / уход в отставку», например:

While remaining head of state, he resigned forthwith as head of the MPR, declaring that henceforth he would be above party politics and not subject to political or legislative control, but would act as “arbiter and final judge” on important matters;

*Once accepted by the employee he will be discharged forthwith from any contractual duties including compliance with the restraint of trade clause (see *General Billposting v Atkinson* 1909AC 118) [7].*

Итак, на основании полученных данных можно заключить, что темпоральное наречие *forthwith* главным образом манифестирует короткий промежуток времени перед наступлением какого-либо действия или события. Поскольку доминирующее число контекстов принадлежит сфере судопроизводства, *forthwith* в большинстве случаев репрезентирует временной промежуток исполнения различных правовых обязательств, судебных решений. Сообразно с этим, временной промежуток, репрезентируемый наречием *forthwith*, можно представить в виде вектора, началом которого является момент принятия решения (судебного или иного правового характера), а концом – временная точка его реализации в ближайшем будущем. Следовательно, протяженность этого вектора, обозначающего длительность временного промежутка, актуализируемого в высказываниях с наречием *forthwith*, зависит от характера конкретной ситуации, а именно, от реальной возможности осуществления того или иного постановления, предписания, пункта договора, а также от норм, регламентируемых законодательством. Подтверждением данному выводу служат следующие высказывания из BNC:

*“Forthwith” generally means “as soon as reasonably practicable” or “without delay” (see *Roberts v Brett* (1865) 11 HL Cas 337) rather than “immediately”.*

That the prohibition in regulation 143 on the making of orders “forthwith” applied only to an order which was to take immediate effect, and not to a suspended order which took effect after a lapse of time in the absence of objection by the Board; and that, accordingly, a suspended order did not contravene the regulation (post, pp. 199G, 202B - C, H - 203A, B-D) [7].

В обоих высказываниях дается официальное разъяснение смысла наречия *forthwith* в конкретных документах. С одной стороны, уточняется отличие значения данного наречия – «как можно скорее, в разумных пределах» – от значения наречия *immediately*, с другой стороны, разъясняется отличие выражения *making of orders forthwith* от *suspended order* и, напротив, подчеркивается близость *forthwith* к *immediately: an order which was to take immediate effect*.

Таким образом, темпоральное наречие *forthwith* концептуализирует короткий временной промежуток в виде вектора, при этом его протяженность в большинстве случаев несколько больше, чем те, которые репрезентирует наречие *immediately* и другие наречия из анализируемого синонимического ряда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова С. Ю., Коробейникова Н. Н. Концептуализация временных отношений в высказываниях с темпоральным наречием *right away* // Вестник МГЛУ. Сер. Языкознание и литературоведение. – № 3 (714). – С. 9-22.
2. Богданова С. Ю., Коробейникова Н. Н. Новый взгляд на темпоральные наречия: наречие *immediately* [Электронный ресурс] // *Magister Dixit*: электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2012. – № 4 (12). – Режим доступа : http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/gar/novyy_bogdanova_korobey_nikova_md_2012_17.11_0.pdf.
3. Коробейникова Н. Н. Коллокации с темпоральным наречием *immediately*: корпусно-ориентированный подход // Вестник ИГЛУ. – 2013. – № 4 (25). – С. 256-261.
4. Хорнби А. С. Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа: спец. изд. для СССР. – М. : Русский язык, 1982. – Т. 1. А-L. – 509 с.
5. Хохлова М. В. Исследование лексико-синтаксической сочетаемости в русском языке с помощью статистических методов (на базе корпусов текстов) : авторефер. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2010. – 26 с.
6. *Biber, D. Corpus Linguistics. Investigating language structure and use.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 300 p.
7. *British National Corpus* [Electronic resource]. – URL : <http://corpus.byu.edu/bnc/>.
8. *Corpus of Contemporary American English* [Electronic resource]. – URL : <http://corpus.byu.edu/coca/>.
9. *Hall J. R., Clark. A Concise Anglo-Saxon Dictionary.* – 4th ed. with a supplement by Herbert D. Meritt. – Toronto : University of Toronto Press, 2000. – 432 p.

10. *Klein E.* A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. – Amsterdam : Elsevier Publishing Company, 1966. – Vol. I : A-K. – 1776 p.
11. *Lehner M.* Poetry and Prose of the Anglo-Saxons. Dictionary. – Berlin : VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1956. – 247 p.
12. *Lindquist H.* Corpus Linguistics and the Description of English. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2010. – 219 p.
13. *Longman* Dictionary of Contemporary English. Third Edition with New Words Supplement. – London : Longman, 2003. – 1668 p.
14. *Merriam-Webster* Dictionary and Thesaurus [Electronic resource]. – URL : <http://www.merriam-webster.com>.
15. *Online* Etymology Dictionary [Electronic resource]. – URL : <http://www.etymonline.com/>.
16. *Oxford* Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary. – Oxford University Press, 1994. – 1081 p.
17. *Random House* Webster's Unabridged Dictionary. – 2nd ed. – New York : Random House, 2001. – 2230 p.
18. *Skeat, W. W.* An Etymological Dictionary of the English Language. – Oxford : University Press, 1910. – 780 p.
19. *The Collins* English Dictionary: online version [Electronic resource]. – URL : <http://www.collinsdictionary.com>.
20. *The Concise Oxford* Dictionary of English Etymology / ed. by T. F. Hoad. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 552 p.
21. *The Oxford* Advanced Learner's Dictionary: online version [Electronic resource]. – URL : <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.
22. *The Oxford* English Dictionary: a New English Dictionary on Historical Principles / Edited by A. H. James. – Oxford : University Press, 1933. – Vol. 4 : F-G. – 532 p.
23. *The Oxford* English Dictionary: a New English Dictionary on Historical Principles / edited by A. H. James. – Oxford : University Press, 1933. – Vol. 5 : H-K. – 758 p.

УДК 81.00

Е. Е. Меньшикова

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков МГЛУ
ЕАЛИ; e-mail: canoe@list.ru

БИБЛЕИЗМЫ В РЕКЛАМНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Целью данной статьи является выявление специфики функционирования библеизмов в контексте рекламного туристического нарратива. В статье показано, что библеизмы выступают не только ярким средством выразительности, но и средством реализации важнейших функций языка и культуры, обладают прагматической нацеленностью своего содержания.

Ключевые слова: рекламный туристический нарратив; библеизмы-слова; библеизмы-цитаты; антропонимы; топонимы; теонимы.

Men'shikova E. E.

Candidate of Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department,
MSLU EALI; e-mail: canoe@list.ru

BIBLICAL EXPRESSIONS IN THE TOURIST NARRATIVE OF ADVERTISING

The article examines the specifics of functioning of biblical expressions in the context of tourist narrative of advertising. The article shows that biblical expressions are not only vivid means of expression, but also a means of fulfilling the most important functions of language and culture, and they have the pragmatic orientation of its content.

Key words: tourist narrative of advertising; Bible words; Bible quotations; anthroponyms; toponyms; theonyms.

Рекламный туристический нарратив представляет собой зафиксированное в виде текста дискурсивное образование, являющееся способом создания мира локального интереса в виде туристических сюжетно-повествовательных событий, происходящих в определённых пространственно-временных рамках. Говоря о «мире локального интереса» мы имеем в виду фрагмент картины мира, включающий географическое, социокультурное, социоментальное содержание; это символический образ, формирующийся на основе эмоциональных и рациональных представлений, ассоциаций в их географической, этнической, исторической и культурной составляющих. Мир локального интереса – это образы природы, исторические

достопримечательности, местный фольклор, традиции, сформировавшиеся стереотипы и многое другое [7].

Предметом анализа в данной работе являются библеизмы в текстах рекламного туристического нарратива религиозной экскурсионно-познавательной направленности (посещение религиозных центров, осмотр религиозных объектов – культовых памятников, посещение богослужения, участие в крестных ходах и других религиозных мероприятиях). Основная задача – описать библеизмы, используемые в туристическом нарративе, и охарактеризовать особенности их функционирования. Ведущим методом является метод лингвистического описания, который применялся при анализе материала в рамках поставленной задачи. Иллюстративным материалом послужили тексты из сети Интернет.

Термин «библеизм» трактуется в лингвистической литературе разнообразно и разнопланово. Одни лингвисты считают, что это «языковые единицы предикативного и непредикативного характера, употребление которых связано с образным, метафорическим переосмыслением имён персонажей, реалий и сюжетов Библии, а также других книг Священного Писания» [4, с. 46], другие рассматривают библеизмы на основе их происхождения, то есть с этимологической точки зрения, с учетом устойчивости, воспроизводимости: библеизмами являются «слова, устойчивые словосочетания и афоризмы, возникшие на основе Библии или библейского сюжета» [11, с. 143], третьи, ещё более расширяя данное понятие, понимают под библеизмами «отдельные слова современного русского литературного языка, устойчивые сочетания, целые выражения и даже фразы, восходящие по своему происхождению к Библии, которые или заимствованы из Библии, или подверглись семантическому воздействию библейских текстов, в том числе не ассоциируемые с ней в современном языковом сознании» [2, с. 97]. К языковым единицам, которые испытывают семантическое воздействие библейских текстов, Е. М. Верещагин относит такие слова, как «дух», «свет», «тьма», «добро», «зло», «благословение» и др.

Таким образом, библеизмы различаются по характеру связи с библейским текстом. Часть библеизмов опираются на библейские сюжеты, включают в свой состав библейские имена. Другие имеют сходные словесные выражения с текстом Библии, но употребляются с прямым значением [3].

В основу данной статьи положено широкое понимание библеизмов: «это не только отдельные слова, фразеологизмы и афоризмы библейского происхождения, которые приобрели переносное значение, но и любые более или менее устойчивые сочетания слов и отдельные слова, непосредственно и опосредованно связанные с конкретными библейскими сюжетами и ситуациями, фактами и персонажами, а также цитаты с указанием на библейский источник» [12, с. 4].

Библеизмы, функционирующие в рекламном туристическом нарративе, распределены нами по следующим группам: 1. Библеизмы-слова, к которым относятся «библеизмы-имена собственные» (антропонимы); «библеизмы-топонимы» (ойконимы, гидронимы, оронимы); «библеизмы-религиозные реалии» (слова, используемые в практике отправления религиозных обрядов, наименование предметов церковного обихода, наименование божественных существ – теонимы) и 2. Библеизмы-цитаты, которые в рекламном туристическом нарративе представлены прямыми и косвенными цитатами.

Библеизмы-имена собственные (антропонимы). Известно, что в Библии содержится около 2 800 личных имен, например, древнееврейские имена: имена-фразы или имена-словосочетания, большую часть которых составляют теофорные имена – имена, содержащие имя Бога, а также имена, грамматически являющиеся одним словом (Михаил – «Кто как Бог?», Даниил – «Бог мой судья», Илия – «Мой бог – Яхве», Иона – «Голубь», Ной – «Отдых, покой», Анна – «Милость, благодать»; Адам – «Человек», Ева – «Дышать», «жить»); греческие и римские имена: Аристарх – «Наилучший правитель» [19]. Согласно О. К. Мжельской, имена собственные библейского происхождения «представляют собой динамическое единство лингвистического содержания (т.е. того значения, которое является результатом взаимодействия имени собственного с именем нарицательным, получившим определенное лексическое оформление) и культурно-исторического фона» [8, с. 143].

Библеизмы-имена собственные (антропонимы) в туристическом нарративе можно рассматривать как свёрнутый текст в функциональном плане, они являются «сгустками» библейских смыслов, способствуют формированию смысловой доминанты текста туристического нарратива, выступают в качестве аттрактора и маркера происходивших событий, ср.:

Тур – Земля Обетованная. Галилея привлекает множество туристов необходимостью прикоснуться к святым местам, навечно связанным с именем Иисуса Христа. Здесь жила Его мать с обручником Иосифом, здесь впервые прозвучала весть о его скором рождении. Назарет – город, где прошли детство и юность Иисуса, где жили Иосиф и Мария, где архангел Гавриил возвестил о рождении Мессии, и откуда Иисус начал свою проповедническую деятельность. Здесь началось чудо искупления грехов человечества от падения Адама и Евы. Храм Благовещения с гротом Девы Марии, где совершилось таинство воплощения. Здесь можно услышать журчание того самого ручья, из которого Дева Мария брала воду [22].

Библеизмы-топонимы. Топонимы представляют собой символы, обозначающие названия географических объектов как в реальном, так и в вымышленном пространствах. «Топонимы – это, – как пишет Г. Я. Рылюк, – выражение мироощущения людей, культуры, быта, обычаев, повседневного их окружения, психологического состояния и общения» [14, с. 7]. Топонимы – визитная карточка, с которой начинается знакомство со страной, городом или природным объектом, «они служат ориентирами во времени и пространстве, создавая историко-культурный облик страны» [6, с. 113].

Библеизмы-топонимы в рекламном туристическом нарративе, актуализируя ассоциации и смыслы, выступают маркером религиозных образов; они выполняют не только номинативную, но также когнитивную и кумулятивную функции, отражая культурные доминанты той или иной эпохи; имеют временную и пространственную локализацию, то есть определенное положение в хронотопе. Например:

Израиль – Святая Земля. Израиль – отдых на трех морях. Туристы со всего мира стремятся в Израиль. На этой узкой полоске земли каждый может найти себе занятие по вкусу. Для тех, кто интересуется историей, тут что ни шаг, то сущий клад: Стена Плача в Иерусалиме и римский амфитеатр в Кейсариин, крепости крестоносцев по всей стране и развалины городов исчезнувшего племени набатеев. Для верующих людей Израиль – колыбель трех крупнейших мировых религий. Земля Обетованная для евреев, колыбель монотеизма в мире, Авраам, Ицхак и Иаков, царь Давид и царь Соломон – все это Израиль. Жизнь и учение Иисуса, Храм Рождества в Вифлееме и Храм Гроба Господня в Иерусалиме, Голгофа и Крестный путь, Храм Благовещения в Назарете – самый большой на Ближнем Востоке, разбросанные по берегам Кинерета – моря

Галилейского – местечки, свидетели Чудес, которые творил Иисус, и сами воды Кинерета, по которым Он ходил аки посуху, и воды реки Иордан, в которых Он принял крещение – все это тоже Израиль. В Хайфе на горе Кармель есть пещера Ильи-пророка, а в Яффо древний порт «помнит» апостола Петра и пророка Иону [18].

Библеизмы-религиозные реалии. Библеизмы-религиозные реалии – «слова, используемые в практике отправления религиозных обрядов и наименовании предметов церковного обихода, а также наименованиями божественных существ (теонимы)» [5, с. 141].

Обратимся к теонимам. Общее определение теонима (*греч.* Θεός – бог, овома – имя) – собственное имя божества. Признаками закреплённости слова в роли теонима являются, например, отсутствие форм множественного числа; орфографическая норма, предписывающая написание теонима с заглавной буквы; многоименность (например, номинации Бога: Отец, Творец, Всемогущий, Всевышний; номинации Иисуса Христа: истинный Бог, Мессия, Сын божий, Сын человеческий). При этом номинации Иисуса Христа не являются теонимами в строгом смысле этого слова (согласно вероучению Христос обладал не только божественной, но и человеческой природой), однако, поскольку применяется обозначение «бог» к Иисусу Христу, мы рассматриваем эти слова в группе теонимов.

По мнению И. В. Бугаевой, в группу теонимов можно также включить наименования Святой Троицы, лиц Святой Троицы, Спасителя, небесных бесплотных сил (Ангелы, Архангелы, Серафимы, Херувимы и т.п.), а также Богородицы [1].

В рекламном туристическом нарративе теонимы выступают важным инструментом для актуализации религиозных идей и образов. Значение теонимов в рекламном туристическом нарративе не исчерпывается номинативной функцией. Теонимы обладают эмотивным значением, вбирающим в себя оценочный, эмоционально-экспрессивный компонент значения теонимической единицы. Например:

Иерусалим. Сегодня, как и много столетий назад, влечет он к себе паломников и туристов со всех уголков планеты... Золотые, или Восточные ворота. Через них входил в Иерусалим в день Вербного воскресенья Иисус со своими учениками. По преданию именно через эти Златые врата войдет в наш мир новый Спаситель, Мессия. Каждая из величайших общечеловеческих ценностей Иерусалима заслуживает

особого внимания и трепетного прикосновения души. Каждая способна подарить надежду и изменить к лучшему жизнь любого верующего в истинные ценности человека. Стена плача. Она хранит множество записок с обращениями к Всевышнему, в которых содержатся мольбы и чаяния тысяч людей. Скорбный путь Иисуса Христа. Пройдя по стопам Спасителя, каждый православный христианин получит шанс продолжить свою земную жизнь с чистыми помыслами и прощением грехов [23].

Библеизмы-цитаты. Одним из частотных феноменов рекламного туристического нарратива является цитирование как воспроизведение чужого текста. Термин «цитата» понимается исследователями либо в широком смысле – как любое включение фрагмента чужого текста в авторский текст, включая аппликацию, реминисценцию, парафразу, аллюзию и т. д. [9], либо в узком смысле – как точное воспроизведение части чужого текста со ссылкой на автора и / или источник [10].

В основу данной статьи положено понимание цитаты как родового обозначения, включающего понятия прямой и косвенной цитаты. Прямая цитата (дословная, предполагающая точное воспроизведение чужого текста, и видеоизмененная, допускающая трансформацию исходного текста) это – «воспроизведенный фрагмент текста-источника с указанием минимум одного из следующих формальных признаков: имени автора, названия источника, графического маркера (кавычек, курсива и др.)» [15, с. 7]. Косвенная цитата (реминисценция и аллюзия) – «воспроизведенный фрагмент текста-источника без ссылки на автора и/или название, не выделенный графическими маркерами, для которого точность воспроизведения не является обязательным признаком» [15, с. 7].

Библеизмы-цитаты в рекламном туристическом нарративе реализуют целый спектр функций: смыслообразующую, аргументирующую, характеризующую, ассоциативную, эмоционально-оценочную. Приведем пример текста рекламного туристического нарратива, который содержит и прямую, и косвенную цитату. Например:

Тур «Земля Обетованная». «Возвеселитесь с Иерусалимом и радуйтесь о нем, все любящие его! Возрадуйтесь с ним радостью, все скорбевшие о нем» (Ис.66:10)... Вы посетите места: где Иисус ходил по воде «аки по суху»; где, по преданию, было преломлено пять хлебов и съедено две рыбы, а насытилось 5000 человек; где Иисус исцелил двух бесноватых, вышедших из гробов... Посещение горы Фавор (горы Преображения) – место Славного Преображения Господа. Здесь до

сих пор различимы очертания библейской местности, как видели гору древние караваны, движущиеся по древнему Морскому пути, армии завоевателей и простые деревенские жители. Согласно христианской традиции гора Фавор считается местом Преображения: «... Взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних. И преобразился перед ними, и просияло лицо Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет» (Мф. 16, 28; 17, 1-2) [17].

Функция библеизмов-цитат в рекламном туристическом нарративе находят свое выражение в наборе топосов. Под топосом понимается значимое для текста «место разворачивания смыслов», которое может коррелировать с каким-либо фрагментом реального пространства [13, с. 89]. Исходя из анализа материала, мы выделяем дидактические, событийные и сюжетные топосы.

Дидактические цитаты-топосы являются библейскими поучениями, в составе которых традиционные, передающие стереотипный набор значений, мотивы – мотив покаяния и смирения, мотив благочестия, мотив любви и другие. Например:

Тур «Земля Обетованная». Посещение Горы Блаженств. Гора Блаженств – место провозглашения Нагорной проповеди. На Горе Блаженств была произнесена Нагорная Проповедь, в которой Господь раскрыл человечеству тайны Своего Небесного Учения. Это – Конституция христианства. «Увидев народ, Он взошёл на гору; и когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря: Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить на Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах; так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф. 5:1/12) [20].

Событийные цитаты-топосы описывают или комментируют то или иное библейское событие. Типичное определение события – это то, что случилось, произошло и имело определенные последствия. В основе событийной цитаты-топоса заключено действие, она имеет такие характеристики как неповторимость и единичность относительно пространственно-временного континуума. Например:

Путешествие на Святую Землю невозможно представить без посещения севера нашей замечательной страны – Галилеи... Именно в этих благословенных краях произошло большинство событий, описанных в Новом Завете. Назарет – город Благовещения на холмах Нижней Галилеи. С Назаретом в православной традиции связано несколько событий. Здесь Иисус вошел в синагогу и прочитал из пророка Исайи: «Дух Божий на мне, и Он повелел мне проповедовать вам» (Лк. 4:16-21). Главное событие, случившееся в Назарете, – явление архангела Гавриила Марии со словами «Благословенна ты в женах» и произошедшее в результате непорочное зачатие (Лк. 1:26-38) [21].

Сюжетные цитаты-топосы включают тот или иной библейский сюжет. Сюжетом обычно называют последовательную смену событий, ситуаций, действий, которые скреплены общей идеей. Сюжет – мотивировка цепи событий, т.е. «жизнь персонажей в ее пространственно-временных изменениях, в сменяющих друг друга положениях и обстоятельствах» [16, с. 381]. Сюжетные цитаты-топосы в рекламном туристическом нарративе включают совокупность действий персонажей в их смене и движении, которая образует цепочку эпизодов, т.е. детально изображённых моментов действия, перемежающихся с краткими сообщениями о каких-либо событиях. Например:

Тур «Земля Обетованная». «Возвеселитесь с Иерусалимом и радуйтесь о нем, все любящие его! Возрадуйте с ним радостью, все скорбевшие о нем» (Ис.66:10)... От Львиных ворот начинается одна из самых известных улиц Иерусалима – Виа Долороза (Скорбный Путь). Именно через эти ворота вошёл в Иерусалим Иисус, неся свой крест к месту, где сейчас стоит храм Гроба Господня. Им Сын Божий шел через бичевание, плевки и насмешки к месту Своей казни – на Голгофу... На всем протяжении Виа Долороза, по библейским преданиям, происходила различные события, непосредственно связанные с именем Христа... Вопросы Понтием Пилатом Иисуса, и приговор Христа к казни (Матф. 27:26); Арка, где Пилат вывел Иисуса перед первосвященниками, и указывая на Христа сказал «Се человек» (Иоанн 19:5); Место первого падения Христа; Место встречи Христа с Матерью по пути на Голгофу; Место встречи Христа с Симоном Кириянеином, которому дали нести крест до Лобного Места; Место, где Св. Вероника вытерла лицо Христа своим шелковым покрывалом; Место второго падения Христа; Место встречи Христа с благочестивой женщиной; Место третьего падения Христа [17].

Проведенное исследование позволило раскрыть специфику функционирования библеизмов в контексте рекламного туристического

нарратива. Библиеизмы в туристическом нарративе используются для обозначения эмоций, отношений, переживаний, для пояснения, разъяснения ситуаций, фактов. Библиеизмы-слова и библиеизмы-цитаты являются прагматическим актуализатором содержания рекламного туристического нарратива, обладают номинативной ценностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бугаева И. В.* К вопросу о структуре сакрального ономастикона. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru>.
2. *Верещагин Е. М.* Библейская стихия русского языка // Русская речь. – 1993. – № 1. – С. 90-98.
3. *Гвоздарев Ю. А.* Строки библейской мудрости // Русская речь. – 1994. – № 3. – С. 113-118.
4. *Гончарова Т. В., Плешков В., Тумка Н.* Структурно-семантическая характеристика библиеизмов, функционирующих в современной публицистике // Структурно-семантические характеристики слова и предложения. – Липецк, 1991. – С. 46-56.
5. *Климович Н. В.* Особенности перевода интертекстуальных элементов библейского происхождения в художественном тексте // Вестник ТГПУ. – 2013. – № 10 (138). – С. 141-146.
6. *Лихачев Д. С.* Достоинство имени // Исторические названия –памятники культуры: сб. материалов Второй Всесоюзной научно-практической конференции. – М., 1991. – С. 113-114.
7. *Меньшикова Е. Е.* Мифопоэтическое пространство рекламного туристического нарратива. Мифологемы, идеологемы, метафора : монография. – Saarbrücken, Deutschland, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2014. – 316 с.
8. *Мжельская О. К.* Семантическая специализация и концептуализация заимствований: на материале ономастических компонентов библейской фразеологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2008. – 18 с.
9. *Михалева И. М.* Типы прецедентных текстов и их цитирование // Деятельностные аспекты языка: сб. науч. тр. – М. : Наука, 1998. – С. 137-143.
10. *Москвин В. П.* Цитирование, аппликация, парафраз: к разграничению понятий // Филологические науки. – 2002. – № 1. – С. 63-70.
11. *Мокиенко В. М.* Фразеологические библиеизмы в современном тексте // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. – СПб. : Петрополис, 1995. – С. 143-158.
12. *Прибытько Е. Н.* Библиеизмы в языке современных газет: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2002. – 20 с.

13. Прокофьева В. Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник ОГУ. – 2004. – № 11. – С. 87-91.
14. Рылюк Г. Я. Истоки географических названий Беларуси с основами общей топонимики: учеб. пособие для преп. и студ. геогр. спец. – Минск : Веды, 1999. – 247 с.
15. Саблина М. В. Цитата и цитирование в текстах современных российских газет: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Красноярск, 2011. – 17 с.
16. Хализев В. Е. Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. – М. : Высшая школа, 1999. – С. 381–393.
17. URL : www.globustur.spb.ru/prog/?sect_id=fc5d60d0&item_id.
18. URL : www.izramir.ru/.
19. URL : <http://kurufin.ru>.
20. URL : newagetours/.
21. URL : sandalitour.com/news/.../ekskursiya-galileya-hristianskaya-nazaret-kinere.
22. URL : traveling.am/index.php?...tours...tour&itemid...langs=ru.
23. URL : travel-in-israel.ru/excursion/jerusalim.

УДК 81' 42

Н. Н. Панченко

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии
МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: natalia2297@yandex.ru

СУЩНОСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ ЖУРНАЛИСТА: УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫМ И КОММУНИКАТИВНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ

Статья рассматривает вопросы, связанные с инкорпорированием комического смысла в новостной дискурс. Обнаружено, что инкорпорировав комическое, журналист представляет себя в качестве центральной фигуры информационного и коммуникативного пространства и организует это пространство вокруг своей собственной личности.

Ключевые слова: новостной дискурс; инкорпорирование комического смысла; информационное и коммуникативное пространство; остроумная дискурсивная личность журналиста.

Panchenko N. N.

Candidate of Philology, Associate Professor, MSLU EALI;
e-mail: natalia2297@yandex.ru

THE ESSENCE OF A JOURNALIST'S LINGUISTIC CREATIVITY: MANAGEMENT OF INFORMATIONAL AND COMMUNICATIVE SPACE

The article focuses on the issues connected with the incorporation of the comic sense into the news discourse. It has been found out that the journalist represents himself as a central figure of the informational and communicative space and he organizes this space around his own personality.

Key words: news discourse, the incorporation of the comic sense, the informational and communicative space, the journalist's witty discursive personality.

Большое количество исследований, посвященных разным аспектам комического в гуманитарных науках, свидетельствует о постоянном интересе учёных к этому сложному и до конца еще не понятому явлению. Представляя собой междисциплинарную область исследований, комическое активно изучается в когнитивных науках, в частности, в когнитивной лингвистике.

При когнитивном подходе к исследованию комического в разных видах дискурса особое значение имеет, в частности, представление о креативных возможностях пишущего, осознанно используемых им в процессе порождения дискурса [8; 10; 12; 17-19].

Таким образом, с когнитивной точки зрения, у пишущего имеется необходимый потенциал для креативного смыслопорождения, новизны и нововведений [7; 11; 15]. Согласно М. Пешё, вопрос построения смысла в дискурсе соединяется с вопросом формирования субъекта в процессе обращения к Другому и возвращения к самому себе, осуществляемого через дискурс [11].

Мы исходим из положения о том, комическое как абстрактное понятие конкретизируется в понятиях комического смысла, комического речевого акта (комического высказывания) и комического дискурса. Порождение комического смысла носит личностный характер. Комический смысл является одномоментным, культурно и ситуативно обусловленным; он осознанно конструируется остроумной личностью в расчёте на определённого адресата, в «обязанность» которого входит понимание данного смысла в эксплицитных и имплицитных оппозитивных контекстах, цель которых заключена в дискредитации тех или иных первичных ценностных установок, а также реагирование на него в виде перлокутивной смеховой реакции. Причастность субъекта смеха к наблюдаемому событию создает содержание, аналогичное этому объекту, направленное на разрушение стационарности смыслов [10, с. 44-47].

Целью данной статьи является анализ реализации комического (смысла) в новостном дискурсе как один из принципов его организации и функционирования и доказательство положения о том, что апелляция к комическому является сущностью креативного потенциала журналиста, направленной на создание дополнительной новости и оказание речевого воздействия на адресата. Рассматривая комическое как постоянную попытку человека изменить состояния сознания, невозможно представить в виде закрытого списка формы и способы его порождения.

Передача комического смысла в новостном дискурсе связана с понятиями информационного и коммуникативного пространства. Исследователи отмечают, что в новостном дискурсе самую главную роль играет «информационное пространство, охватывающее тот или иной объем фактов и событий реального мира и представленное репертуаром тем» [5, с. 241]. Легкодоступное и практически беспредельное информационное пространство определяется как «супермагистраль», ведущая человечество к информационной цивилизации [3, с. 103].

Процесс осмысления событий, которым предстоит стать новостями, связан с индивидуальным опытом и стилем мышления каждой коммуникативной личности, лежащим в основе создаваемого ею дискурса. Участник коммуникации воссоздает в своем мысленном пространстве определённую среду, к которой, в его представлении, принадлежит воспринимаемое им сообщение, – своего рода более широкую духовную «картину местности», на которой располагается и в которую вписывается данный артефакт. Эта мысленно представляемая среда, в которой человек ощущает себя всякий раз в процессе речевой деятельности и в которой для него укоренён продукт этой деятельности, называется коммуникативным пространством. Коммуникативное пространство «включает в себя коммуникативную ситуацию, со всем множеством непосредственно наличных, подразумеваемых и домысливаемых компонентов, из которых складывается представление о ней каждого участника» [4, с. 294-295].

Г. Г. Почепцов считает, что коммуникативное пространство включает в себя информационное пространство, которое может содержать либо полную и объективную информацию о явлениях действительности, либо неполную или искажённую информацию. Подчёркивается, что человек, как правило, живет и действует в условиях неопределённости, когда любое, даже самое точное описание или прогноз, может оказаться недостоверным из-за динамичных изменений среды. В коммуникативном пространстве происходит «распределение неопределённости». Это означает, что коммуниканты лучше знают объекты мира вокруг них и хуже знают объекты, удалённые от них [13, с. 160-161]. Информационное пространство формируется в результате работы многих мощных информационных источников. Часто и сам пишущий начинает осуществлять не коммуникативное, а силовое управление ситуацией, то есть начинает действовать в соответствии с профессиями менеджера публик рилейшенз или спиндоктора, чтобы привлечь внимание читающих к созданной именно им новости [14, с. 110].

Инкорпорирование комического вносит свою специфику в освещение новости, позволяя пишущему осуществлять контроль над информационной средой, помещая себя в информационный процесс и выдвигая на первый план свою собственную личность. Коммуникативное пространство включает в себя коммуникативную ситуацию

со всем множеством непосредственно наличных, подразумеваемых и домысливаемых компонентов, из которых складывается представление о ней каждого участника. Осваивая коммуникативное пространство, пишущий осуществляет движение от своего ближайшего пространства, «от себя», к более дальнему пространству «вне себя». Результатом освоения оказывается создание подлинно ментального, логического мира [16, с. 221].

Нельзя не согласиться с А. Бергсоном, утверждающим, что способность смеха иметь общественное значение, то есть способность отвечать известным требованиям совместной жизни людей, заставляет нас казаться тем, чем мы должны были бы быть, к чему мы однажды придём, став самими собой. Будучи невидимым самому себе, комическое становится видимым всем другим, а «соединённые в группу люди направляют всё свое внимание на одного из своей среды, заглушая чувствительность и давая волю одному только разуму» [1, с. 14]. Но разум, к которому обращается комическое, должен быть неразрывно связан в общении с разумом других людей. Смех не может оценить тот, кто чувствует себя одиноким. Как бы ни был смех искренен, он всегда таит в себе мысль о соглашении, почти о заговоре с другими смеющимися (действительными или воображаемыми). Смеющийся принимает вид человека играющего в «игру мыслей» [1, с. 120].

По мнению Д.С. Лихачёва, всякое творчество может расцениваться как общественное поведение. Рассмотрение индивидуального стиля пишущего как его поведения может, во-первых, выявить поведенческое начало – «поведение в письме», во-вторых, стиль может отражать реальное поведение пишущего в жизни как проявление единства его натуры и его деятельности. Понимая дискурс как общественный поступок, Д.С. Лихачёв говорит о том, что дискурсивная ответственность пишущего есть отражение его индивидуального поведения – властно заявлять о своей жизненной позиции, поскольку всякое произведение является только частью создаваемой, а иногда и разыгрываемой жизненной ситуации [9, с. 360-361]. Чтобы быть смешным, смешашему надо двоиться, повторяться, принимая на себя обязанность балагура. Дискурсивная ответственность смешашего (говорящего или пишущего) выражается в создании «эстафеты смеха», заключающейся в непрекращающемся опрокидывании в смеховой мир всего сущего, непрерывном смеховом дублировании

происходящего, описываемого, рассказываемого. Плох тот смешавший, кто, взявшись балагурить, остановился на первой своей шутке. Чтобы за смешавшим установилась репутация балагура, он должен выдержать свою роль как можно дольше [9, с. 370, 385].

Как указывает Ю.С. Степанов, в момент речепорождения говорящий (пишущий) находится в доступном ему на данный момент референционном пространстве – в пространстве 1-го лица, 2-го лица или 3-го лица. Референционное пространство 1-го и 2-го лица конструирует первичный концепт «Мир, как то место, где живём мы». Референционное пространство 3-го лица создаёт расширенный концепт «Мир – Вселенная, Универсум». Таким образом, переход от 1-го лица к 3-му лицу означает, что осваивается пространство, удалённое от непосредственных собеседников [16, с. 222-223].

Используя эти термины, можно сказать, что при изложении новости пишущий находится в референционном пространстве 1-го лица, читающий – в референционном пространстве 2-го лица, а участники новостного события – в референционном пространстве 3-го лица. Таким образом, новость представляет собой положение вещей в большом мире («Мир – Вселенная, Универсум»), наблюдаемое людьми, находящимися в малом мире («Мир как то место, где живём мы»).

Однако при использовании комического происходит явление, которое можно назвать расширением мира, его «присвоением» пишущим. Суть этого явления состоит в том, что пишущий делает своими собеседниками участников новостного события, то есть он как бы начинает разговаривать с ними от первого лица. При этом происходит само моделирование пишущего как человека развлекающегося, интеллектуального и критикующего. Человек развлекающийся снижает степень важности / серьезности / трагичности передаваемой новости. Человек интеллектуальный выявляет в информационном пространстве наряду с основной новостью «другую» дополнительную новость. Человек критикующий, высмеивающий общественное зло, противопоставляет ценности и антиценности. Само моделирование пишущего во всех трёх его ипостасях влечёт за собой его дискурсивную ответственность за содержание создаваемой им дополнительной новости, конструируемой благодаря осозанным процедурам планирования когнитивных и лингвистических аспектов дискурса в процессе использования пишущим разных типов комического – юмора,

макабрического юмора, иронии и сарказма. Описание всех этих типов, используемых в новостном дискурсе и выделяемых по филологическому критерию, указывает на общую для них всех критическую направленность данного дискурса [10].

Рассмотрим данную особенность на примере статьи под заголовком “Cologne’s aftershocks” (Economist, Jan. 16th, 2016). Передаваемая в статье новость заключается в сообщении о произошедших в новогодние праздники сексуальных домогательствах в отношении женщин, жительниц Кёльна, со стороны беженцев африканского и арабского происхождения. Это сообщение включено в рассказ о канцлере Германии Ангеле Меркель, выступившей с ежегодной традиционной предновогодней речью:

For a brief moment at the turn of the year, Angela Merkel seemed to have recaptured control of Germany’s careering debate over refugees. The chancellor’s traditional New Year’s Eve address was acclaimed for striking just the right note. For the first time ever it was broadcast with subtitles, in Arabic and English, so that refugees as well as Germans would get her message. Mrs Merkel reminded the 1.1m asylum-seekers who arrived in Germany in 2015 to respect German rules and traditions. She urged her German viewers not to let themselves be divided, and warned of “those who, with coldness or even hatred in their hearts, lay sole claim to be German and seek to exclude others”.

В чистом повествовании о фактах и действиях появляется то, что М. Пешё называет «соучастием» между говорящим (пишущим) и тем, к кому он обращается, в качестве условия существования смысла фразы. Это соучастие предполагает фактически отождествление с автором речи, то есть возможность думать то, что он думает на его месте [11, с. 250]. Информация о тысяче мужчин африканского и арабского происхождения, совершивших домогательства, описывается журналистом столь подробно, что складывается впечатление о его якобы личном присутствии в момент совершения противоправных действий беженцев:

...about a thousand men, described as migrants of north African and Arab origin, began massing between Cologne’s railway station and cathedral, where fireworks were about to begin; they broke into clusters and formed huddles around women who turned out to celebrate; they then set upon the women, harassing and groping them, stripping them of clothing and valuable; One victim was raped; Of more than 600 women who have since come forward, many described the ordeal as “running the gauntlet”.

При помощи детальной фактуальной информации наблюдается дискурсивное присоединение пишущего к событиям в Кёльне, его вхождение в их коммуникативное пространство в качестве равноправного участника. На высказывание госпожи Меркель, произнесённое якобы в его присутствии, (“We can handle this”) журналист даже даёт свой собственный ответ и подкрепляет его высказыванием одного из беженцев, тем самым ещё более актуализируя свое «виртуальное» присутствие, а также незамедлительно подвергает его осмеянию:

Now her optimism is being hurled back at her with disdain. One of the Cologne’s offenders purportedly taunted police: “I am a Syrian, you have to treat me nicely – Mrs Merkel invited me!”.

Подобная организация коммуникативного пространства вокруг фигуры пишущего входит, по нашему мнению, в коммуникативную технологию использования комического в новостном дискурсе. Этот приём применял в 90-х гг. XX в., в частности, телевизионный журналист Л. Парфёнов в своей программе «Намедни» на канале НТВ, когда он приводил в заставке своей программы сделанные путем монтажа фотографии, на которых он был изображён как участник встреч некоторых лидеров мировых держав. На канале Россия 24 тот же приём использует в рекламе программы «Тайный советник» Александр Кареевский.

Присоединение участников новостного события к личному миру пишущего позволяет ему определить им соответствующее место, а именно: сконструировать для них, пользуясь терминами Д.С. Лихачёва, особый смеховой мир, в котором они играют роли «смеховых двойников» самих себя. «Каждый из этих двойников совершает одно и то же, но действия их описаны в разных словах, они только чуть разнятся именно в «приметах», чуть различаются по внешнему выражению, но не по смыслу, который каждый раз один и тот же и представляет собой «смеховой возврат» к самому себе. Это смеховое абстрагирование направлено не на возвышение, а на снижение героев» [9, с. 374].

В анализируемой нами статье факты смехового мира, дополняющие факты мира серьёзного, расширяют исходное информационное пространство. О перемещении событий в рамки смехового мира свидетельствует ряд приёмов. Наблюдается переход к комическому

саркастическому нарративу. Объектом саркастического осмеяния обычно является общественное зло в форме самых разных социальных пороков, представляющих реальную угрозу обществу масштабами своего распространения. В новостном дискурсе объекты сарказма не вызывают чувства пиетета у пишущего, соответственно, его комизм обладает уничтожающим действием. Смех в сарказме имеет социальную направленность. Осмеивая социальные явления отрицательного порядка, сопровождающиеся бескомпромиссностью суждений об объекте осмеяния, пишущий стремится установить непреходимую границу между собственным миром (идеальным, по мнению самого пишущего) и антимиром объекта. С помощью саркастического нарратива вскрывается истинная причина печально известных событий, произошедших в Кёльне, а также создаётся дополнительная новость, а именно: лидер Германии, демонстрирующая либеральный стиль руководства, а также ее правящая коалиция не способны справиться с существующей ситуацией вокруг наплыва беженцев, не смотря на все их попытки говорить «жестко»:

The ultimate victim of sexual assaults by migrants could be Angela Merkel's liberal refugee policy; ... it raised questions about Mrs Merkel's liberal response to the crisis in Syria and the wider Middle East; Growing numbers of Germans worry about the large influx of Muslims; For now Mrs Merkel and her governing coalition have responded by talking tough; Even her centre-left coalition partners, the Social Democrats, want to crack down hard; Sigmund Gabriel, their boss, wants offenders to serve their prison time in their home countries to spare German taxpayers; Yet the legal hurdles to increased deportation are daunting.

В психологическом плане пишущий, принимая на себя коммуникативную роль издевающегося критика, отводит лидеру Германии, а также другим политическим деятелям, в том числе и оппозиционным, роль неопытного, некомпетентного и инфантильного Взрослого (о данных ролях см.: [2]). Апелляция к образу «некомпетентной учительницы» проявляется в лексическом составе высказываний, например, в использовании «детской» лексики, а также в оценочных глаголах, употребляемых для характеристики детей:

...asylum-seekers; refugees as well as Germans would get her message; Mrs Merkel reminded ...to respect German rules and traditions; She urged her German viewers; The chancellor has repeatedly told Germans; she promised

that the offenders will “feel the full force of the law”; Angela Merkel seemed to have recaptured control; her warnings have not been heeded; ...the interior minister ... and the justice minister ... said they would expand the definition of rape; Mr Gabriel is musing about cutting aid.

Созданию саркастического эффекта способствует стилистический приём иронии, благодаря чему пишущий под маской серьёзности реализует свой дополнительный саркастический смысл. Деятельность Меркель, представленная журналистом с употреблением негативно-оценочных дискрипций и пассивной глагольной конструкции, возводит немецкого лидера к концепту «Политик-неудачник»:

In retrospect it is clear that Mrs Merkel’s *hopeful New Year’s address coincided with the appearance of immigration’s dark side on German streets*, and that her warnings *have not been heeded*; Germans are divided; Germany’s neighbours from Hungary to Poland to Switzerland and Denmark, *have sneered at Mrs Merkel’s “welcome culture”*; *It now looks tenuous even at home.*

Как Взрослый пишущий высмеивает «детскость» политических лидеров Германии, проявляющуюся в противоречивости их суждений, в их излишней либеральности:

The ultimate victim of sexual assaults by migrants could be Angela Merkel’s liberal refugee policy; At a gathering of her centre-right Christian Democrats, *she promised that the offenders will “feel the full force of the law” and suggested that more asylum-seekers who commit crimes would be deported*; *Yet the legal hurdles to increased deportation are daunting*; But ... *the Geneva conventions forbid deporting people to a country where they might be executed, tortured or harmed.*

Инкорпорирование комического смысла заключается также в соположении контекстуальных антонимов в высказываниях по поводу сексуальных домогательств со стороны беженцев. При помощи этих антонимов осмысливается глубина пишущим истинных намерений немецких политиков и номинируются такие их качества, как «медленный и едва заметный» уровень правления и реакции на происходящее в противовес «быстрым и резким» народным волнениям. При этом пишущий демонстрирует злой смех, усугубляя саркастический эффект:

Germany’s legal reaction will therefore be *slow and nuanced*. But the transformation of its public debate has been *swift and blunt*; In social media and on the streets, the angry are more *audible than nuanced*.

Таким образом, благодаря использованию комического происходит переструктурирование мира. Большой мир как источник серьезного, порождающего новости, по воле пишущего становится игровым, несерьезным, «детским» миром, представляющим собой часть его личного мира. Перед читателями предстаёт, говоря словами Б. Дземидока, «творец комического и его жертвы» [6, с. 39]. Важно отметить, что журналист обращается к избранным, высокообразованным читателям. В свете этого положения становится понятным употребление иностранных слов без перевода (the angst, “Willkommencultur”). Сам заголовок статьи (Cologne’s aftershocks) представляет собой метафору стихийного природного явления – серию афтершоков после землетрясения. Дополнительный комический смысл, конструируемый журналистом, сводится к следующему: бесконтрольный наплыв иммигрантов-мусульман (the large influx of Muslims) достиг масштаба природной катастрофы. Это провоцирует как сторонников движения «Патриотических европейцев против исламизации Запада» (“Patriotic Europeans against the Islamisation of the Occident – Pegida), так и соратников новой Альтернативной партии Германии (AfD). Идиоматическое выражение «играть на руку ксенофобам» (playing into xenophobes’ hands) полностью сменяет тонкую иронию журналиста на сарказм. Хотя сарказм не сопровождается таким ясным языковым механизмом, как ирония, языковые сигналы саркастического смеха плотно насыщают новостное сообщение. Так, «злому» осмеянию журналиста подвергаются не только некоторые мигранты, не уважающие законы и традиции Германии (Some refugees have not respected German rules and traditions), но и многочисленные косвенные жертвы событий в Кёльне, а именно: многие беженцы и немецкие мусульмане, которые тоже опасаются, что их причислят к правонарушителям только потому, что они мусульмане (Many refugees and German Muslims fear being tarred with the same brush). Идиоматическое выражение «быть ягодами одного поля» или «одним миром мазаны» (being tarred with the same brush) делает личности уязвимыми в глазах читателей. Все указанные средства, интегрируясь друг с другом, создают дополняющее основную новостное сообщение о «детскости» политиков, их неспособности к принятию важных для общества решений.

Итак, дополнительная новость анализируемой статьи, сконструированная на основе фактуальной информации, заключается в том, что

предпринимаемые немецким правительством меры по построению мультикультурного общества не приведут к положительным результатам. Проводя либеральную политику, канцлер Германии не способна действовать целенаправленно и принимать волевые решения, тем самым сильнее компрометируя себя в глазах мировой общественности, к коей причисляется и пишущий.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что апелляция к комическому в новостном дискурсе являет собой создание дополнительной новости путем использования осознанных процедур планирования когнитивных и лингвистических аспектов дискурса. Инкорпорируя комическое в новостной дискурс, журналист представляет себя в качестве центральной фигуры информационного и коммуникативного пространства, организуя это пространство вокруг своей собственной личности. Пространство позволяет проявиться автороцентричности, вхождению пишущего в денотативную ситуацию, его коммуникативной инициативе, ведущее к распространению мира пишущего на денотативный мир новости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бергсон А.* Смех. – М. : Искусство, 1992. – 127 с.
2. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы: пер. с англ. яз. – М.: Прогресс, 1988. – 399 с.
3. *Боброва Л. Г.* О характере и прагматике информационных текстов паблик рилейшнз в internet [Текст] / Л.Г. Боброва // Язык и межкультурная коммуникация. Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 1999. – № 1. – С. 103-113.
4. *Гаспаров Б. М.* Язык: память, образ // Лингвистика языкового существования. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
5. *Граудина Л. К.* Средства массовой информации и культура речи // Культура русской речи / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. – М. : Норма, 2000. – 560 с.
6. *Дземидок Б.* О комическом. – М. : Прогресс, 1974. – 223 с.
7. *Дискурсивные технологии и дискурсивное оружие как реалии современной информационной эпохи // Технологизация дискурса в современном обществе: коллективная монография / С. Н. Плотникова, Н. В. Копылова, С. А. Домышева и др.; под ред. С. Н. Плотниковой. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – С. 6-39.*

8. *Желтухина М. Р.* Комическое в политическом дискурсе (на материале немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 250 с.
9. *Лихачёв Д. С.* Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. – СПб. : Алетей, 1999. – 508 с.
10. *Панченко Н. Н.* Лингвистическая реализация комического в английском новостном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2005. – 206 с.
11. *Пешё М.* Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия / пер. с фр. и португ. яз. // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / под ред. П. Серию. – М. : Прогресс, 1999. – С. 225-290.
12. *Плотникова С. Н.* Комический дискурс // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 162-172.
13. *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации. – М. : Рефл-бук, Киев : Ваклер, 2000. – 656 с.
14. *Почепцов Г. Г.* Коммуникативные технологии двадцатого века. – М. : Рефл-бук, Киев : Ваклер, 2001. – 352 с.
15. *Серебренникова Е. Ф.* Многозначность в аспекте аттрактивности знака в коммуникации // Многозначность языковых единиц в когнитивном аспекте : кол. монография / отв. ред. Л. М. Ковалева; ред. С. Ю. Богданова, Т. И. Семенова. – Иркутск: ИГЛУ, 2013. – С. 158-168.
16. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. – 2-е изд. испр. и доп. – М. : Академический проект, 2001. – 990 с.
17. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса: монография. – Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с.
18. *Nolan M.* American Humor. – San Diego, CA: Greenhaven Press, 2001. – 160 p.
19. *Swales J. M.* Genre Analysis. English in Academic and Research Settings. – New York, Melbourne : Cambridge Univ. Press, 1990. – 260 p.

УДК 81'42

Д. А. Попова

аспирант кафедры романской филологии МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: dasha.16.97@mail.ru

СТРАТЕГИЯ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ МЕЖПЕРСОНАЛЬНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ В ЖАНРЕ КОММЕНТАРИЯ

Статья посвящена проблеме конструирования идентичности субъекта говорящего в межперсональном общении в коммуникативном Интернет-пространстве. Устанавливается, что данный процесс обусловлен особой концептуальной позицией коммуниканта, проецируемой на стратегии высказывания субъектности. Стратегия позиционирования в высказывании-комментарии реализуется посредством персонализации высказывания-мнения и структурированием оценивания предмета обсуждения.

Ключевые слова: межперсональный Интернет-дискурс; коммуникативное Интернет-пространство; стратегия позиционирования; субъект; субъектность; комментарий; оценка.

Popova D. A.

Post-Graduate Student, MSLU EALI; e-mail: dasha.16.97@mail.ru

POSITIONING STRATEGY AS A WAY OF THE SUBJECTNESS REALISATION IN THE INTERPERSONAL FRENCH DISCOURSE IN THE GENRE OF COMMENT

The article touches upon the subject identity construction in the interpersonal communication of The Internet space. This process is defined by the specific conceptual position of the communicator, projected on the strategies of a subjectness. The positioning strategy in the comment realizes due to opinion personalisation and evaluation.

Keywords: interpersonal Internet discourse; communicative Internet space; positioning strategy; subject; subjectness; comment; evaluation.

Интернет-пространство на уровне межперсонального общения образует особую коммуникативную ситуацию по оси «адресант-адресат», что обусловлено такими ее основополагающими характеристиками, как опосредованность, возникающая вследствие особого – технологического электронного канала передачи данных, анонимность и а-телесность, свобода самовыражения, свобода входа / выхода, что формирует особую проксемику в интеракции пользователей при от-

сутствии перцептивного аспекта коммуникации [3; 4; 13; 14]. В этой связи становится возможным выделение в коммуникативном-интернет пространстве (далее – КИП) межперсонального уровня коммуникации и межперсонального дискурса как особого речевого способа взаимодействия, отличающегося от прототипической прямой межперсональной коммуникации по способам проявления субъектности и идентичности общающихся.

Взаимодействие в КИП на рассматриваемом уровне в общей феноменологии КИП проявляется посредством диалогического обмена высказываниями субъектов коммуникации – авторов сообщений в рамках технологически заданной интернет-платформы и заданном формате общения – дискурсивном жанре, в том числе в жанре «комментария» [13]. Высказывание является единственным способом самоидентификации и самовыражения в интеракции по отношению к Другому и Другим, а в потенциале – неограниченно открытому миру как пространству адресации «всемирной паутины». Иными словами, субъект говорящий, не имея возможности задействовать перцептивный канал передачи сообщений, проявляет свою субъектность преимущественно через знак – дискурс / текст. В формате комментария дискурс представляет собой инициированное высказывание / мнение как некий содержательный вклад по заданной и аттрактивной теме-поводу. Проблема личностной идентификации интернет-коммуниканта является одним из дискуссионных направлений в интернет-лингвистике. Данная проблематика вписывается в более общую проблематику конструирования своей идентичности современным человеком и формирования новой культуры общения [2]. Для определения способов конструирования идентичности и проявления субъектности говорящего в координатах интернет-диалога и его жанровых форматов, в качестве опорных выдвигаются понятия «цифровой идентичности», «сетевой идентичности» [5; 9].

Во французской лингвистической традиции «идентичность» изучается в русле теории субъектности и проявления «следов субъекта» в интеракции К. Кербрат-Ореккьюни. Выявляются субъективемы, стратегии, модальные конструкции, отражающие идентификацию [16; 17]. «Цифровая идентичность» также стала предметом детального изучения последних лет. Она рассматривается как многоаспектное понятие (*l'identité déclarative*, *l'identité agissante*, *l'identité narrative*,

l'identité civile, l'identité calculée) [15; 19]. Внимание исследователей сосредоточивается на выявлении семиотических показателей цифровой идентичности (звуковые, визуальные, графические знаки) субъекта высказывания [15; 19].

Исходя из сказанного представляется, что существующий анализ прагматических маркеров проявления конструирования идентичности интернет-коммуникантом в дискурсе, отражая сложность и многоаспектность данных процессов, должен быть, расширен, прежде всего, с учетом базового фактора позиции коммуниканта – субъекта говорящего как «концептуатора».

Вслед за О. Дюкро, выделяющим в целостности субъекта говорящего ипостаси концептуатора – интенционального субъекта, воспринимающего мир и формирующего некоторое о нем представление; концептуатора смысла высказывания и локутора, высказывающего смысл, полагаем обоснованным утверждение о том, что высказывание субъектности говорящим обуславливается, прежде всего, его концептуальной позицией, которая, как это обосновано С. Н. Плотниковой [18; 11] проецируется на стратегии дискурса. Тем самым, исследование стратегий говорящего в дискурсе позволяет раскрыть способы конструирования его идентичности.

В случае Интернет-дискурса, как это было уже отмечено, говорящий получает возможность занимать специфическую и во многом уникальную концептуальную позицию по отношению к миру и другим в мире. Будучи скрытым от наблюдения и прямой идентификации, говорящий получает свободу не только сообщать своё личностное субъектное мнение неограниченно аудитории, но и выносить свои суждения, критиковать, квалифицировать и даже «судить» все возможные ситуации, институты, лица, сосредоточивая на себе, на своём мнении, внимание аудитории. Коммуникант – «интернавт», вступающий в диалоговое общение, получает неограниченную возможность самореализации, самовыражения, конструируя свою субъектность.

Под субъектностью понимается проявление человека как субъекта говорящего в форме самоидентификации – выражения идентичности, которая определяется в общем смысле как самосознание и самопозиционирование путем принятия оценочного отношения присоединения (переживание как «своего») или отчуждения (переживание как иного, другого, чужого, чуждого) по отношению к аспектам мира, жизни и

Другому (Другим) в этом мире [20]. В этой связи, в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы современных лингвистических исследований и лингвопрагматического подхода, актуальность исследования определяется важностью выявления стратегий конструирования субъектности Интернет-коммуникантом, отражающих позиционирование говорящего, то есть его дискурсивную идентичность. Корпус примеров составляет 20 текстов, отобранных произвольно. Источниками послужили Интернет-версии французских газет *Le Point*, *Le Monde*, *Le Figaro*. В качестве «текста» рассматриваем новостное сообщение и реализованное на момент просмотра количество комментариев к нему. Уточним, что под жанром «Интернет-комментарий» понимается синхронная форма коммуникации в формате диалога в режиме «один ко многим» или «многие ко многим», отличающаяся бинарной базовой структурной позицией иницирующего текста и реагирующего высказывания. Объектом нашего анализа является в данном случае комментарий – реагирующее высказывание.

Уточним лингвопрагматический аспект речевой (дискурсивной стратегии), которую мы определили в когнитивном плане, вслед за С. Н. Плотниковой, как проекцию концептуальной позиции субъекта говорящего. В лингвопрагматическом плане реализованного высказывания стратегия – это совокупность речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [8; 10].

Стратегичность дискурса проявляется, прежде всего, в координатах общения, в режиме диалога. С. Н. Плотникова, вслед за Э. Гоффманом считает, что общение людей всегда является стратегическим. При этом речь не идет об осознанно управляемой коммуникации. Напротив, стратегичность дискурса закладывается на уровне бессознательного, а спонтанное общение основывается на осознанном или частично осознанном выборе стратегий. В связи с данным утверждением С. Н. Плотникова понимает под стратегией проекцию сценария, хранящегося на бессознательном уровне, в цепочку определенных действий [12, с. 15].

При изучении педагогического дискурса Г. В. Димова уточняет понятие коммуникативной стратегии в виде дискурсивной и определяет ее как «проективное концептуальное видение субъектом определенного социального института своего дискурсивного поведения, основанное на осознании путей оптимального достижения цели в ус-

ловиях социальной интеракции и способов их выражения в конкретных языковых средствах» [7, с. 7].

Специфика Интернет-коммуникации и жанра «Интернет-комментария», требует уточнения понятия стратегии с учетом представленных определений. Стратегия субъекта в КИП на межперсональном уровне определяются как когнитивная интерпретативная деятельность, погруженная в значимый для субъекта контекст, сопровождающаяся оценчиванием.

Являясь социальной личностью, субъект КИП взаимодействует с другими, узнает об их высказываниях, оценках, интенциях и занимает определенную позицию по отношению к иницирующему тексту. Стратегия позиционирования предполагает продвижение своей идентичности, которая в свою очередь формируется на основе персональных ценностей. Таким образом, субъект в интернет-комментарии определяет и заявляет свою позицию как идентификацию себя относительно множества других комментариев.

Таким образом, основываясь на концептуальных основаниях стратегии и на лингвопрагматических маркерах её выражения в тексте, представим способы конструирования идентичности субъекта высказывания – комментария как вклада коммуниканта в обсуждение темы иницирующего диалог текста на материале нашего корпуса примеров.

Стратегия позиционирования прослеживается, прежде всего, с точки зрения способа персонализации **Я-высказывания**. Комментарии подразделяются на три условные группы:

1. **Индивидуализирующая идентификация**. В Я-высказываниях говорящий, посредством личного местоимения 1-го числа, идентифицирует себя как субъекта категорического мнения (*je pense que, je trouve que*) или нюансированного мнения (*je peux dire que*); сомнения (*je ne comprends pas*); ощущения (*je ne peux qu'être charmée*); уступки (*j'en peux plus que de le voir*). Маркер *je* акцентирует инициальную сильную позицию Я в концептуальном сценарии видения предмета обсуждения и в палитре выражаемых мнений: «Я – Мир, мнения Других».

Часто он относит свое высказывание к самому себе, выступает как субъект/объект рефлексии (*pour ma part, je me dis que*); сомнения (*je ne comprends pas*); допускает к себе отношение объекта

убеждения (*je suis pour, j'en peux plus que de le voir*); «соблазнения» (*je ne peux qu'être charmée*).

2. **Имплицитная индивидуализирующая идентификация.** Указание на себя как говорящего не выражено, но имплицитовано и часто подтверждается употреблением указательных дейктических местоимений, соотносимых с Я и Ты: *c'est triste, je crois que, je trouve que, je vois que*.

3. **Национальная (метонимическая) идентификация.** Я включается как часть в целое: свой народ и своя страна, посредством этнонимов *Les Français, La France: Un désastre pour la France, Les Français ont le président qu'ils méritent, Les Français ont la classe politique qu'ils méritent!*

При этом в высказывании субъектного мнения выражается как позитивная, так и негативная концептуальная информация, что свидетельствует о неоднозначности вектора выражаемой эмпатии говорящего: он может занимать критическую позицию, позицию неприятия позиции соотечественников (*Les Français ont la classe politique qu'ils méritent!*) либо позицию сопереживания и сочувствия (*Un désastre pour la France*).

4. **Инклюзивная идентификация** путем обращенности и солидаризации с единомышленниками, предполагаемыми в пресуппозиции высказывания. Основным маркером является личное местоимение 1-го лица множественного числа *Nous*:

... pendant que nous; Nous avons un président; Un jour, nous allons payer; malgré nous; il nous refait, que nous payons [21; 22; 26].

В данном способе идентификации наиболее явно прослеживается эмпатия говорящего, которая нацелена на конкретизацию последствий воздействия и действий референтных событий и лиц; высказывание переносится в Мир действия (Р. Барт) и возможного противодействия. В стратегическом плане высказывание приобретает эпидейктический характер.

5. **Деперсонализованная идентификация** путем скрытия своего Я за общепризнанными проverbsиальными высказываниями, либо ценностно-релевантными лозунгами и призывами, относящимся к «доксе» (общему мнению, стереотипным и прецедентным высказываниям):

Le pire est avenir, vive le socialisme a la française; Qu'il ne s'étonne pas le jour où lui sera «débarqué»!; Qui n'a rien compris ou qui ne veut rien comprendre, ce qui revient au même [21; 22; 26].

В целом, персонализация как способ реализации стратегии конструирования идентичности, маркируя позицию говорящего, отражает конструирование субъектности говорящего градуированно: от акцентирования себя самого (я сам) в открытости (приятии), к иным позициям, отвечающим его установкам и ценностным ориентирам; через репрезентацию себя как части целого народа и страны, до стирания своей единичности и подключения себя к подразумеваемому кругу единомышленников и, наконец, скрытия своей субъектности под доксистическими высказываниями.

Субъектность в стратегии позиционирования также структурируется посредством *личностного отчуждения, дистанцирования*. Комментатор, субъект высказывания, моделирует воображаемый межперсональный диалог с Другим, выражающим неприемлемую позицию. Маркером данного Другого является местоимение 2-го лица множественного числа *vous*, оппозитивное *je* солидарному *nous*. Высказывая неприятие к *vous*, характеризуя оппонентов, в том числе соотечественников, раскрывая сущность их позиции, субъект характеризует себя «от противного»:

Vous vous êtes trompé et vous le niez encore; Comment voulez vous faire confiance à ça [22].

Таким образом, четко выявляются два способа (или, в другой терминологии, тактики) в стратегии позиционирования как способа конструирования субъектности: персонализация (возможная в форме деперсонализации) и дистанцирование. Идентичность в данном случае конструируется через бинарные оппозиции «Я – Вы», «Мы – Вы». При этом «Я» и «Мы» репрезентированы как непосредственные участники комментируемого события, как его бенефициары или проигравшие; «Вы» представлены как лица, несущие ответственность за комментируемое событие.

Высказывание субъектности в комментарии, проецируемую концептуальной позицией, структурирует оценочное отношение, которое реализует стратегию позиционирования в траектории дискурса. Оценка совмещена с высказываемым мнением. В нашем корпусе

примеров было выделено три оценочных типа комментария, которые классифицируются с опорой на систему оценки, обоснованную Н. Д. Арутюновой [1, с. 198-199].

1. Комментарии, структурирующие мнение на основе эмоциональной оценки:

Bernard91

C'est triste, à force de politiser l'école et de cultiver sa médiocrité, les milieux gauchisants vont entraîner sa destruction. Le 15/05/2014 à 17:22 [22].

Маркер эмоциональной оценки является модусом к пропозиции, которая содержит и другие оценочные элементы, посредством которых утверждается в причинно-следственной связи некоторое видение положение дел во французской средней школе. Несмотря на то, что эмоциональная оценка, как правило, не мотивирована, в комментарии она сопряжена с оценочной аргументацией, в которой «акторы» ситуации получают яркие оценочные номинации – «ярлыки», сама ситуация «стянута» к ценностному концепту *«destruction»*.

Таким образом, оценочный предикат (*C'est triste*) характеризует позицию антагонизма субъекта по отношению к сторонникам левых политических сил.

2. Комментарии, структурирующие мнение на основе утилитарной оценки:

Par Hassan Céhèffe

L'intérêt de l'utile...

Pour l'avoir subie pendant des années je peux dire que c'est une bonne chose car hormis les compte-rendus de vacances et le pot de rentrée cette journée n'avait pas grand intérêt ! le 16/05/2014 à 08:48 [22].

Данный тип оценок относится к группе рациональных, общих оценок, идущих от личного опыта и профессиональной деятельности субъекта. Для французского межперсонального интернет-дискурса утилитарная оценка в большинстве случаев сопровождается аргументами *Ad rem (car hormis les compte-rendus de vacances ...)*

3. Комментарии, структурирующие мнение на основе нормативной оценки:

Par fb691

L'incompétent c'est Hollande. Sarko est perçu comme le politique inspirant le plus l'espoir en l'avenir. Vous vous êtes trompé et vous le niez encore. Le 15/05/2014 à 21:40 [21].

В данном примере нормативная оценка является субъективной, так как в сознании говорящего субъекта существует свой собственный идеальный образ президента. Возможный кандидат на эту должность (*Sarko*) оценивается именно в соотношении с действующим президентом по шкале компетентности/ некомпетентности. Такой оценочный тип комментария можно назвать также прототипическим.

Анализ корпуса примеров показал, что идентичность в стратегии позиционирования формируется в отношениях солидаризации как к иницилирующему посту, так и по отношению к другим говорящим. Наиболее характерными языковыми маркерами являются выражения *tout à fait d'accord, complètement d'accord avec, avoir raison sur un point*.

Также формируется отношение одобрения (*c'est une bonne chose, Je suis pour, l'efficacité, une bonne idée, une bonne initiative*), неодобрения (*triste, Dommage que, C'est réellement flippant, c'est désespérant*), отрицания (*n'importe quoi, jamais de*).

Реализация стратегии позиционирования характеризуется определенными тональностями, отражающими установки субъекта высказывания – мнения в комментарии. Ироническая тональность характеризуется фамильярным именованием действующих лиц комментируемого события, а также гипотетическими конструкциями, противоречащими реальному положению дел, антифризами (*ça promet une nouvelle version du bal des maudits!; vive le socialisme à la française; et là je trouve que de présenter sa démission ce ne serait pas un signe de faiblesse, mais grand signe de courage*).

Пренебрежительная тональность характеризуется презрительным отношением к предмету речи: ***L'incompétent c'est Hollande; Sarko; Les politicards; Quand je pense à tous les taudis qui existent sur terre, je me dis que ces associations feraient mieux d'aller pleurnicher à Rio, Manille ou Bogota ... Là au moins y a du taf!*** [21; 22].

Враждебной тональности свойственны пренебрежение моральными ограничениями, открытая неприязнь:

Les fonctionnaires ne sont pas *les nécessaires* et n'ont rien à réclamer; Ce n'est pas leur salaire qu'il faut baisser, mais *leur nombre!* Monsieur 14 % ferait mieux *de se taire*, car pour les faiblesses il en connaît un rayon de jour

comme de nuit; Alors qu'il n'a toujours rien compris aux deux gifles reçues par son parti aux deux dernières élections ni entendu les citoyens, il ne fait rien de plus si ce n'est *de gloser, de palabrer dans* le désert catastrophique de *son incurie et de son incompétence!* [21-23].

Таким образом, стратегия позиционирования субъекта в межличностном общении в коммуникативном Интернет-пространстве проецируется концептуальной позицией говорящего, отражающего его идентичность. Основными способами конструирования позиции автора высказывания в интернет-комментарии является различного рода персонализация высказывания, способы выражения эмпатии, а также дистанцирование. Дискурсивная идентичность комментатора выражается в оценках, составляющих содержание мнения, а также в тональностях дискурса, коррелирующих с высказываемой оценкой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – изд. 2-е, испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология: журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10. – № 2. – С. 98-121.
3. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): автореф. дис. ... канд. филол. наук, Волгоград, 2001.
4. Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Орел : Каргуш, 2007. – С.16-25.
5. Горошко Е. И. Коммуникативная виртуальная идентичность: гендерный анализ // Филологические заметки. – Пермь : Изд-во ПГУ, 2009. – С. 88-100.
6. Демьянков В. З. Конвенции, правила и стратегии общения: (Интерпретирующий подход к аргументации) // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1982. – Т. 41. – № 4. – С.327-337.
7. Димова Г. В. Основные стратегии французского университетского педагогического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2004. – 343 с.
8. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. – Омск : Омск.гос. ун-т, 1999. – 285 с.
9. Лутвинова О. В. Языковая личность в виртуальном дискурсе автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград : 2013. – 42 с.

10. *Матвеева Г. Г., Ленец А. В., Петрова Е. И.* Основы прагмалингвистики: монография. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 232 с.
11. *Плотникова С. Н.* Я-Наблюдатель и Я-Конструктор: дискурсивный мониторинг и дискурсивное конструирование мира // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы X Международной научно-практической конференции (Иркутск 14-18 июня 2005). – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2005. – Ч. 1. – С. 101-107.
12. *Плотникова С. Н.* Технологизация дискурса в современном обществе: коллективная монография / под ред. С. Н. Плотниковой. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – 320 с.
13. *Серебrenникова Е. Ф.* Интернет-дискурс: к проблеме семиотрии значимых параметров лингвистического анализа [Электронный ресурс] // «MagisterDixit» - научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2011б. – №2. – http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/statya_serebrennikova_ef_0.pdf.
14. *Щитицина Л. Ю.* Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа. – М. : Красанд, 2010. – 296 с.
15. *Cardon D.* Le design de la visibilité Un essai de cartographie du web 2.0 [Texte] / D. Cardon, Réseaux № 152 – La Decouverte, 2008. – . pp. 93-137
16. *Ertzscheid O.* Qu'est-ce que l'identité numérique? [Text] /O. Ertzscheid. – Open Edition Press, 2013. – 70 p.
17. *Dorais L-J.* La construction de l'identité [Text]: Discours et constructions identitaires. – Les Presses de l'Université Laval, 2004. – 248 с.
18. *Ducrot O.* Logique, structure, énonciation. – Paris: ed. de Minuit, 1998. – 292 p.
19. *Georges F.* Représentation de soi et identité numérique: une approche sémiotique et quantitative du web 2.0 [Text]: / F.Georges, – La Decouverte, 2009. – pp. 165-193.
20. *Marchal H.* L'identité en question [Text] / H. Marchal. – P. :Ellises Edition, 2012. – 163 p.
21. www.lepoint.fr. – URL : http://www.lepoint.fr/politique/le-point-politique-le-fn-triomphe-l-ump-sombre-31-05-2014-1829730_20.php#.
22. www.lepoint.fr. – URL : http://www.lepoint.fr/politique/ump-l-image-du-parti-plombée-dans-l-opinion-01-06-2014-1829877_20.php.
23. www.lepoint.fr. – URL : http://www.lepoint.fr/societe/la-pre-rentree-2014-des-enseignants-repoussée-15-05-2014-1823265_23.php.
24. www.lemonde.fr. – URL : http://www.lemonde.fr/societe/reactions/2014/05/31/voter-fn-comme-au-poker-pour-voir_4429653_3224.html.
25. www.lemonde.fr. –URL:http://www.lemonde.fr/politique/reactions/2014/05/31/la-majorite-s-inquiete-d-un-probleme-hollande_4429654_823448.html.
26. www.lefigaro.fr. – URL : <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2014/05/15/01016-20140515ARTFIG00190-la-prerentree-des-enseignants-serait-supprimee-en-2014.php?pagination=2#nbcomments>.

УДК 811.11

И. А. Савватеева

аспирант кафедры английской филологии, МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: savvrina@mail.ru

СПЕЦИФИКА СЕМИОТИЧНОСТИ ПОВЕДЕНИЯ

В статье выделяются и исследуются основания концепта BEHAVIOUR, внутренняя форма которого является ключом к установлению и объяснению специфики поведения как знаковой системы. На этой основе анализируется семантика предикатной лексики, выражающая концепт BEHAVIOUR. Одним из главных когнитивных инструментов исследования служит понятие Наблюдатель.

Ключевые слова: поведение; Наблюдатель; знак; денотат; интерпретанта.

Savvateeva I. A.

Post-Graduate Student, MSLU EALI;
e-mail: savvrina@mail.ru

SPECIFICATION OF BEHAVIORAL SEMIOTICS

The article deals with the foundation of the concept BEHAVIOUR. The conceptual inner form is a key to the identification and explanation of specific behavioral semiotics. Predicative lexis semantics is analyzed. The cognitive notion the Observer discovered in the structure of the concept BEHAVIOUR serves as an analytical instrument.

Key words: the Observer; sign; behaviour; denotatum; interpretant.

Лингвисты стремятся внести вклад в изучение и понимание механизмов социального функционирования сознания. Особое значение придается языковой личности как элементу социума. Социализация личности основывается, в частности, на усвоении поведенческих паттернов, моделей поведения с самого раннего детства. Таким образом, поведение представляет собой важнейший аспект жизни и функционирования личности в социуме в формах взаимодействия «личность – личность» и «личность – социум».

Возникновение и формирование концепта BEHAVIOUR в языковой картине мира обусловлены также и той значимостью, которую приобретает необходимость в расшифровке таких психических, внутренних, ненаблюдаемых феноменов, как человеческие ментально-аффективные состояния и отношения к чему-кому-либо. Человек –

существо социальное, и его ненаблюдаемые состояния отражаются на социальных связях и отношениях, на его поведении.

В работе проводится анализ категоризации и языковой концептуализации сферы «социальные отношения» и вычленение в ней конкретной области «поведение». Данная область исследования представляет собой широчайший спектр действий и поступков, ориентированных на «другого» и оцениваемых «другим», т.е. имеющих социальную значимость; она базируется на знаках, определяющих одну из форм межличностных отношений [9]. Как пишет Т. И. Семенова, при обращении к понятию Другого в фокусе лингвистической проблематики оказывается ряд языковых явлений, в частности, **семиотизация личности**, т.е. ее **поведенческих проявлений** (курсив наш. – И. С.) [10].

Объектом данного исследования являются способы вербализации поведения как знакового явления, при этом в сферу нашего интереса попадают когнитивные механизмы семиотизации личности. В научно-исследовательском дискурсе можно обнаружить работы, посвященные поведению и демонстрирующие различные фокусы внимания и точки зрения. При изучении поведения исследователи обращают внимание на его перцептивность и интерпретируемость, имеющие принципиальное значение. Например, Г. И. Кустова подчеркивает следующий аспект поведения: поведение это – всегда интерпретируемая и оцениваемая деятельность или совокупность действий [7, с. 125]. В сферу ее интересов входят предикаты интерпретации поведения в русском языке (*завидовать*, *важничать* и т. д.) в составе обширнейшего класса предикатов интерпретации и оценки. Поведение много и активно рассматривалось как система невербальной семиотики в акте коммуникации (см., напр.: [5]).

Поведение в нашем исследовании выступает как деятельность или различные социально-направленные действия, ориентированные на Наблюдателя и оцениваемые им. Под социальным действием понимается действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер), которое соотносится с действием других людей или ориентируется на него [2]. В случае социальных поведенческих действий особо важным следует признать их ориентированность на Наблюдателя.

Внимательный анализ структуры концепта BEHAVIOUR обнаруживает наличие в нем двух Наблюдателей. Один из них – это, прежде

всего, субъект восприятия и оценки/интерпретации поведенческих действий, обозначим его Наблюдатель_П (перцептор). Наблюдатель_П воспринимает действие/совокупность действий как знаковый феномен и, главное, оценивает его. Наблюдатель_П может играть двойную роль в формировании концепта BEHAVIOUR: он может быть адресатом (но не обязательно), на которого ориентирует свое поведение субъект поведения, и обязательно является тем интерпретатором поведения, который воспринимает его и оценивает в существующей системе ценностей. Таким образом, поведение как социальное знаковое явление возникает при обязательном присутствии Наблюдателя_П. «Поведение человека на людях всегда, так или иначе, адресуется наблюдателю/наблюдателям и воспринимается ими, “прочитывается”, понимается и интерпретируется» [8, с.293].

Однако помимо Наблюдателя_П в формировании концепта BEHAVIOUR принимает участие еще один Наблюдатель – сам субъект поведенческого акта, обозначим его Наблюдатель_А, поскольку он одновременно выполняет функцию субъекта знакового действия (Агенса) как такового. Поведенческие действия по природе своей производятся в расчете на Наблюдателя, и субъект действия, при этом, должен наблюдать (видеть) адресата действия в своем перцептивном пространстве, иначе действие так и останется действием, лишенным знаковой телеологии, целевой детерминации. В самом деле, в поведенческую ситуацию, описываемую, например, глаголом *flaunt*, входит указание на обязательное присутствие в поле восприятия самого субъект этого действия людей-адресатов, без которых такое поведение теряет смысл или же просто невозможно: *flaunt* – to show (something) in a very open way so that other people will notice [15]; to let people see your valuable possessions so that they know you are rich or successful [14]. Например:

(1) Jean comes into our shop each week, flaunting her jewelry and expensive clothes [14].

В обоих толкованиях обнаруживается цель поведения – воздействие на присутствующих людей (подчеркнуто в дефинициях). Не может быть такого поведенческого действия, называемого словом *flaunt*, если субъект этого действия не обнаруживает в поле своего восприятия (наблюдения) людей, перед которыми можно выставлять драгоценности, важничать дорогой одеждой. Таким образом, наличие обязательного второго Наблюдателя – Наблюдателя_А, повторим – Агенса/

субъекта поведенческого действия обязательно. Здесь следует отметить, что демонстрация чего-то, каких-то объектов не является единственным намерением Наблюдателя_А, но об этом речь пойдет ниже.

Поведение человека относится к сфере «социальные отношения» и представляет собой последовательность поведенческих актов (действий, поступков), в разной степени знаковых. Наблюдатель_П «расшифровывает» эти знаки, оценивает поведение по определенно нормативной шкале и интерпретирует отношение субъекта поведения – Наблюдателя_А – к его окружению. Поскольку при исследовании концепта BEHAVIOUR нас интересует, прежде всего, его знаковый характер, остановимся на интерпретации ключевого для всей семиотики понятия знака.

У. Моррис определяет понятие знак следующим образом: «Знак есть сущность, характеризующаяся тройственной связью между Репрезентаменом (собственно знаковой формой), Объектом и Интерпретантой, т. е. предрасположенностью реагировать определенным образом под влиянием знака» [Цит. по: 3, с. 52-53].

Е. С. Кубрякова пишет, что «знак есть нечто, выступающее для кого-то (интерпретатора) в роли представителя чего-то (объекта) в силу некоторой особенности или свойства.

При описании внутреннего устройства знака речь идет о соотношении означаемого и означающего знака, т. е. о той связи, которая наблюдается между телом знака (знаконосителем) и передаваемым им значением, и для характеристики типа знака важной оказывается мотивированность/немотивированность (условность, произвольность) подобного соотнесения» [6].

Для семиотики в поведении важны именно значения действий и поступков: важно, что поступки **адресуются** и **«прочитываются»** адресатом (курсив наш. – *И. С.*) [8]. Очевидно, что благодаря адресованности поведенческих знаков, их конкретной целенаправленности можно, и даже необходимо, утверждать мотивированность соотнесения тела знака (различные способы наблюдаемого проявления психических состояний субъекта поведения) и его значения, расшифрованного Наблюдателем_П (интерпретанта).

Таким образом, при вербализации концепта BEHAVIOUR всегда присутствует эксплицитное/имплицитное указание на Наблюдателя, что автоматически предполагает наличие Наблюдаемого [1, с. 33-41].

При этом обычные действия в качестве Наблюдаемого («кивнул или пожал руку здороваясь») воспринимаются как немаркированные действия с общим значением («все как обычно»), зато Наблюдаемое в качестве отступления от обычного поведения («демонстративно не заметил протянутой для приветствия руки») обладают яркой маркированностью: «не желает здороваться; ищет ссоры; обостряет конфликт» и т. д. [8, с. 294-295].

Ч. Пирс, описывая знак, считал важным выделить внутри этой категории три разных типа знаков – иконические, индексальные и символические.

Р. Якобсон продемонстрировал, что отношения знака к объектам вне знака могут быть различными, а, следовательно, как указывает Ю. С. Степанов, знакам разного типа присущи «разные степени знаковости» [4]. Поведенческий знак рассматривается в данной работе как индексальный знак: форма (телесные проявления, симптомы внутренних состояний) находится в отношениях смежности с объектом/денотатом (внутренние состояния) и во времени, и в пространстве, поскольку характеризуют человека во всей его совокупности телесных и психических процессов.

Знаки бывают естественными (природными) и искусственными, т. е. специально созданными для удовлетворения определенных потребностей. С одной стороны, поведенческий знак схож со знаками-признаками, которые являются естественными природными закономерностями, но, с другой стороны, как уже было определено выше, поведение как знаковое явление всегда адресатно и целенаправленно. Эти соображения позволяют говорить о некоторой промежуточной функции, о промежуточных характеристиках поведения, относящегося и к естественным, и, как минимум отчасти, искусственным, намеренно продуцируемым знакам.

Итак, мы рассматриваем концепт BEHAVIOUR как социально-знаковое явление, в состав которого входят три аспекта: 1) внешние наблюдаемые знаки (симптомы) ненаблюдаемых состояний; 2) внутренние состояния, представляющие собой интеллектуально-эмоциональные, ненаблюдаемые сущности; 3) интерпретанта, т. е. оценивание этих знаков и состояний Наблюдателем_п.

Взяв за основу треугольник Огдена-Ричардса при исследовании поведения как знакового явления, мы выделим три критерия изучения данного концепта и сформулируем их в виде вопросов:

1. *Насколько возможно опознать и определить денотат поведения?*

Поведение, по нашим данным, это знаковая система, в которой обязательно есть денотат – внутренняя ненаблюдаемая составляющая поведения.

2. *Какими средствами выражаются внутренние ненаблюдаемые психические состояния личности?*

Это будут собственно сами указательные поведенческие знаки-признаки, т.е. наблюдаемые симптомы-индексы внутренних ненаблюдаемых явлений.

3. *Каковы функция и интерпретация поведения как знака?*

Субъект поведения – Наблюдатель_A – при помощи внешних наблюдаемых указательных знаков-признаков выражает свои внутренние состояния с целью произвести определенное впечатление на адресата (который возможно будет совпадать с Наблюдателем_П). Наблюдатель же, в свою очередь, делает выводы относительно внутренних состояний субъекта поведения. При этом эффект, производимый на Наблюдателя знаками, т.е. вызывающий, каузирующий у Наблюдателя интерпретирующие, оценочные состояния может не совпадать с теми стремлениями, которые хотел выразить сам субъект поведения.

«Поведенческие нормы (коды) общества складываются исторически, например, в виде обычаев и традиций, главное обоснование которых состоит в том, что так издавна повелось или так все делают, так принято делать. “Неписанные” нормы поведения аксиологичны (оценочны) и поэтому плавно переходят в этику с ее оценками решений и поступков людей по шкале “хорошо – плохо”» [8, с. 297].

Для наглядности представим описанное следующим уравнением:

$$\begin{aligned} \text{Поведение-Знак} &= \text{тело/форма знака (то, что наблюдается)} + \\ &+ \text{денотат (то, на что указывает)} + \\ &+ \text{интерпретанта (то, что оценил Наблюдатель)}. \end{aligned}$$

Согласно такой формулировке действия категоризируются как поведение по определенным знакам или признакам. Не любые действия становятся поведением, но только те, которые семиотизируются, ознаковляются и интерпретируются Наблюдателем.

Разберем данное предположение на примере глагола *flirt*.

Flirt – to behave towards sb as if you find them sexually attractive [18]; to behave in a way that shows sexual interest towards another person [15]; to act as if one is sexually attracted to another person, usually in

a playful manner [17]; to court playfully; act amorously, often without serious intentions [16]; to behave or act amorously without emotional commitment; toy or play with another's affections [12].

Во-первых, согласно дефиниционной структуре глагола *flirt*, в которой в ряде словарей содержится компонент *behave*, он явно относится к предикатам с поведенческим значением. Во-вторых, в семантике глагола четко прослеживается составляющая, имеющая отношение к гендерно-сексуальному поведению; гендерно-сексуальный интерес, половое влечение – это тот денотат, то внутреннее психическое состояние или отношение, которое выдают внешние симптомы или знаки поведения, которые расшифровываются Наблюдателем_п (интерпретанта). Внешние знаки как таковые не уточняются в дефинициях, их набор тривиален, а значит, не нуждается в экспликации посредством словарных толкований.

В-третьих, такого рода поведенческие действия выражают личностное отношение к некому адресату. В-четвертых, еще один компонент значения указывает, что Наблюдатель_п интерпретирует отношение субъекта поведения как несерьезное, игривое, не свидетельствующее об искренности чувств по отношению к адресату поведения; см., например:

(2) She *flirted* with him, used him, led him on and asked him favours [11].

(3) And the girl now *flirted* outrageously with Jacob, with Leo [11].

Адресат анализируемого типа поведения – флиртовать, заигрывать – вводится в высказываниях с помощью предлога *with*. В контексте первого высказывания несерьезность, неискренность отношения девушки к адресату подчеркивается сопровождающими флирт действиями – «водила как на веревочке, просила об одолжениях», которые верифицируют интерпретанту данного знака. Особо подчеркивается критическое восприятие Наблюдателем_п подобного поведения во втором случае – «заигрывала скандально, возмутительно» (*flirted outrageously*).

Очевидно, что поведенческие действия подобного типа возможны только в том случае, если адресат поведения – с кем заигрывает или флиртует субъект поведения, должен находиться в перцептивном пространстве последнего, что превращает самого флиртующего в Наблю-

дателя_А: попросту говоря, чтобы заигрывать, нужно видеть того, с кем заигрываешь, и наблюдать его реакции.

В отличие от вышеприведенных примеров адресат поведения может совпадать с Наблюдателем_П, который в таком случае становится субъектом речи, которая производится от первого лица:

(4) “Don’t *flirt* with me, Kelly Edwards” [11].

В некоторых случаях, довольно редко, субъект поведения как бы становится собственной интерпретантой, указывая на совмещение ролей Наблюдателя_А и Наблюдателя_П:

(5) I oughtn’t *to flirt* with you and I apologise [11].

Редкость подобных высказываний объясняется той причиной, что интерпретанта для данного поведенческого знака (описываемого глаголом *flirt*) носит все же критический и даже отрицательный характер.

Поведение, выражаемое при помощи предиката *flirt*, не всегда демонстрирует гендерные отношения: довольно часто происходит метафоризация значения, что позволяет данному глаголу описывать общественные ситуации поведения. Например:

(6) On the other hand, this “zigzag” is a result of “short-sightedness of the current president who is trying *to flirt* with the crowd” and who wants to cater all strata of the society [13].

В таком высказывании знаковая симптоматика будет, естественно, отличаться от межличностного гендерного поведения; она указывает на отношение субъекта поведения (президента) к целой группе людей, которым он демонстрирует неискреннюю заботу. Именно это обманчивое, фальшивое, поддельное поведение интерпретируется Наблюдателем_П как флирт с толпой, скрывающий отношение необходимости людей для президента, его зависимости от толпы.

В сфере интерпретанты знака *flirt* необходимо отметить возможность интерпретационной дивергенции – расхождения оценок такого поведения адресатом и Наблюдателем_П. Вполне возможно, что адресат (толпа в вышеприведенном примере) не сможет разгадать истинных намерений (внутренних психических состояний) заигрывающего субъекта и отнесется к ним с приязнью. Но тот субъект, который соответствует адекватной интерпретанте, и будет Наблюдателем_П, описывающим, определяющим поведение как заигрывание с толпой.

Ранее мы писали о том, что намерения субъекта поведения в отношении адресата указывают на его стремление что-то показать, продемонстрировать, например:

(7) *While the rich could **flaunt** their wealth the numerous urban poor lived in a state of penury* [11].

Напомним, в случае глагола *flaunt* внутренние состояния (денотат поведенческого знака) – это чувства собственной важности, гордость, самодовольство. Внешне они выражаются посредством демонстрации, показывания чего-то, как материальных объектов, так и отношений, ср.:

(8) *She openly **flaunted** her affair with the senator* [18].

Целевые установки – вызвать восторг, зависть. Подобные цели не одобряются социальной нормой, поэтому в словарной статье для этого слова обнаруживается коннотативная помета «derogatory». Это презрительно-уничижительное отношение к подобному поведению со стороны Наблюдателя_п, зафиксированное в словаре, часто подтверждается более широким контекстом (подчеркнутый фрагмент в примере 9) употребления слова, например:

(9) *Their husbands think that it is natural for a wife to go out and **flaunt** her husband's prosperity and her family's worth -- that is their tiny horizon* [11].

Синонимы данного глагола *swagger* и *strut* обладают схожим с ним значением: *swagger* – to walk or conduct oneself with an insolent or arrogant air [17]; to walk or behave in an arrogant manner [12] и *strut* – to walk with pompous bearing [17]; to walk with a vain, pompous bearing, as with the chest thrown out [16]. Но для этих глаголов характерен другой набор поведенческих знаков, симптомов: это специфика походки, манера двигаться – высокомерная, дерзкая, надутая и помпезная:

(10) *He **swaggered** across and loomed over her, aggressive and protective at the same time* [11].

(11) *This is the final leg of the fashion industry's month-long show of clothes, previewing what will be in shops next spring. Here he stuck out his chest and **strutted** about like a professional walker setting out on a long distance race* [11].

Как и для глагола *flaunt* лексикографы отмечают негативный коннотативный компонент в семантике этих глаголов (*disapproving*): Наблюдатель_п (интерпретанта) оценивает отрицательно такую горделивую демонстрацию собственной излишней самоуверенности, попытки убедить зрителя-адресата в собственной значимости. Все эти три глагола – *flaunt*, *swagger* и *strut* – описывают поведение с сильной отрицательной интерпретантой, поэтому адресат поведения и Наблюдатель_п вряд ли будут различаться в оценке такого поведения. Очень маловероятно, что такие глаголы будут употребляться в высказываниях от первого лица, когда субъект поведения должен совпадать с собственным критиком.

Итак, в данном исследовании мы понимаем поведение как совокупность знаковых действий и стоящих за ними ментальных или эмоциональных состояний, выражаемых этими действиями, или на которые эти действия указывают при обязательном присутствии Наблюдателя_п, как интерпретатора таких действий. При этом можно и нужно говорить о нюансах «расшифровки» достаточно различных поведенческих знаков-указателей: в одном случае (*flaunt*) имеются демонстрируемые объекты и отношения, указывающие на желание впечатлить богатством, в другом (*swagger* и *strut*) – признаками-симптомами являются способы двигаться и ходить для создания впечатления собственной значимости. Поведенческие акты порождаются внутренним миром человека – планами, намерениями, желаниями, мыслями, замыслами, но именно в расчете на Наблюдателя. Это означает, что поведенческие знаки, выражаемые субъектом поведения – Наблюдателем_а, функционируют для достижения им определенной цели: произвести впечатление на адресата, который может совпадать или не совпадать с Наблюдателем_п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Верхотурова Т. Л.* Аналитический комплекс Наблюдатель + Наблюдаемое в лексической семантике // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2008. Том 6, вып. 2. с.33-41.
2. *Вебер М.* Основные социологические понятия. – URL : <http://dic.academic.ru>.
3. *Кравченко А. В.* Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. – Иркутск : Иркутская обл. типография № 1, 2001. – 261 с.

4. *Краткий словарь когнитивных терминов* / Е. С. Кубрякова, В. Демъянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М. : Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
5. *Крейдли Г. Е.* Язык тела и естественный язык. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
6. *Кубрякова Е. С.* К определению понятия имиджа // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 1. – С. 5-11.
7. *Кустова Г. И.* Предикаты интерпретации: ошибка и нарушение/ Логический анализ языка. языки этики : сборник статей / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
8. *Мечковская Н. Б.* Семиотика: язык. Природа. Культура. – М. : Издательский центр академия, 2008. – 432 с.
9. *Сандомирская И.И.* Эмотивные глаголы со значением поведения (на материале русского и английского языков): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19. – Москва, 1999. – 24с
10. *Семенова Т. И.* Лингвистический феномен кажимости: монография. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2007. – 237 с.
11. *British National Corpus* . – URL : <http://corpus.byu.edu/>.
12. *Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary*. – Harper Collins Publishers, 2008. –1712 p.
13. *English-Russian Dictionary*. – URL : [http:// www.linguee.ru](http://www.linguee.ru) .
14. *Longman Language Activator*. – Longman Group UK Limited. – 1993. – 1623 p.
15. *Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus*. – URL: <http://www.merriam-webster.com>.
16. *Random House Dictionary of the English Language*. – Random House, 1970. – 1960 p.
17. *The American Heritage Dictionary of the English Language*. – URL : [http:// www.bartleby.com](http://www.bartleby.com).
18. *The Oxford Advanced Learner's Dictionary: online version*. – URL [http:// www.oxfordlearnersdictionaries.com](http://www.oxfordlearnersdictionaries.com).

УДК: 81'372

О. Н. Садовникова

аспирант кафедры восточных языков МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: superstishion@mail.ru

ЭТНОСЕМИОМЕТРИЯ ЗНАКА «ИННОВАЦИЯ»

Целью статьи является определение позиции знака «инновация» в ряду близких ему синонимов. Устанавливается, что данный знак является одним из частотных, активно употребляемых знаков в современном экспертном дискурсе. Этносемиометрия знака, охватывая анализ этимологии, внутренней формы и семантики знака по данным словарных дефиниций, позволила выявить особую семантическую структуру, стоящую за знаком, его дифференциальные признаки и статус аксиологема в дискурсе.

Ключевые слова: этносемиометрия; инновация; экспертный дискурс; аксиологема.

Sadovnikova O. N.

Post-Graduate Student, MSLU EALI;
e-mail: superstishion@mail.ru

THE ETHNOSEMIOMETRY OF THE «INNOVATION» SIGN

The purpose of the article is to determine the position of «innovation» sign in the row of synonymous entities it. As it was established, the « innovation» sign is one of the most frequently used signs in modern expert discourse. The ethnosemiometry of the sign, which involves the analysis of the etymology of the inner form and semantics of the sign, identifies particular semantic structure of the sign, its differential characteristics and status of the axiologeme in the discourse.

Keywords: ethnosemiometry; innovation; modernization; expert discourse; axiologeme.

Знак «инновация» привлекает особое внимание исследователей современного дискурса. Знак отличается, прежде всего, высокой частотностью употребления, о чем свидетельствуют результаты подсчёта частотности употребления по данным программы <https://books.google.com/ngrams/> [4] за период с 1900 по 2008 г. (см. рис.).

Как видно из диаграммы, вектор частотности резко идет вверх в современном дискурсе, в период с 2000 г. Под современным дискурсом понимаем, вслед за М. Фуко, тип дискурса, отражающий определенный стиль и способ осмысления мира, присущий данному моменту в эволюции культуры [3].

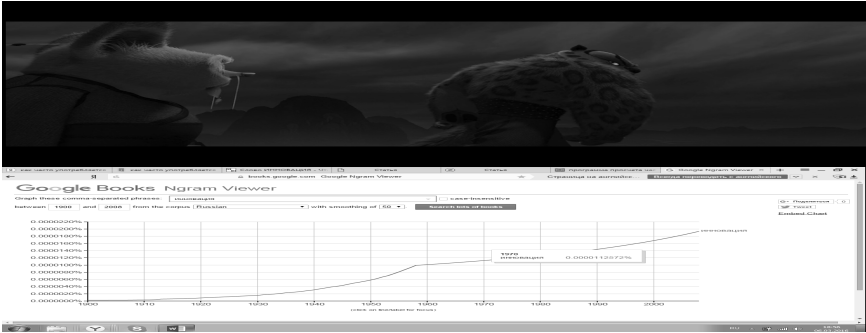

Рис. Частотность употребления знака «инновация»

Значимым является также то, что исследуемый знак функционирует в ряду близких ему синонимов. Так, в русском языке, знак «инновация» употребляется наряду с такими синонимами, как нововведение, новшество, новация, новинка – слова общего значения, принадлежащие общему узусу и, в том числе, обыденному языку и обыденной картине мира. Данные синонимы объединены в лексико-семантическое микрополе гиперсемой «новое». Исходя из фундаментального положения семиотики о том, что за каждой знаковой формой (означающим) стоит особое содержание (означаемое), делаем вывод, что за знаком «инновация» стоит 1) особая концептуальная структура, структура знания; 2) особый тип коммуникативной ситуации, особый контекст, который порождает семиозис посредством именно данного знака. В связи с этим возникает необходимость более углубленного изучения семантики знаков с учетом эволюционного и концептуального аспектов и установления позиции данного знака в современном дискурсе.

Адекватным способом изучения семантики в таком ракурсе является метод этносемиотрии [1, с. 7-91]. Семиотрия знака нацелена на установление всех значимых смыслов, выявляемых в знаке по данным репрезентативных, в том числе словарных контекстов, что позволяет подойти к пониманию тех компонентов структуры знания, которая стоит за данным знаком. В нашем анализе задачей является этносемиотрия знака русского языка «инновация».

Руководствуясь методикой реализации этносемиотрии, обоснованной на примере анализа французского знака «la valeur» [1, с. 41], установим этносемиотрию знака «инновация» в последовательном алгоритме исследования.

Этносемиотика первичных форм знака в языке, реализуемая посредством этимологического анализа и интерпретации первичных контекстов его употребления, показывает, что знак «инновация» является заимствованием из латинского языка в форме кальки (приставка «in» – в направлении и «novatio» изменение, обновление) [20]. Согласно данным Национального корпуса русского языка, знак «инновация» впервые употребляется в тексте книги автора М. Д. Чулкова «Историческое описание российской коммерции» в 1786 г.

Понеже Царское Величество ПЕТРЪ I, Царь Императоръ Всероссийскій, въ своемъ данномъ универсалѣ, подписанномъ сего года, 16 Августа въ Санктпетербургѣ, который нынѣ коммуниковавъ и объявленъ сему городу, изъ особливой къ оному склонности и милости святое обѣщаніе даетъ, что онъ безъ всякой инновациі (*то есть введеніе какого прежде сего небывалаго обыкновенія*) <...> [2].

Как видим, контекстом исторически первого употребления знака «инновация» является указ (универсалия) Царя Петра I, в котором оповещается об обещании («святое обѣщаніе даетъ»), что город Санкт-Петербург будет развиваться, наряду с привилегиями, вольностями и правами, инновациями («инновацией»). Здесь же незнакомый, заимствованный знак получает объяснение путем дескрипции, а не одного единственного знака – *введеніе какого прежде сего небывалаго обыкновенія*.

Таким образом, уже при первом появлении знака устанавливается достаточно сложная, составная семантика, которая организована процедурно-объектно и включает в себя компоненты:

- 1) отглагольное существительное «введение»;
- 2) контрарный (антонимичный) оборот: *небывалаго обыкновенія*;
- 3) интенсификатор этого оборота. Следовательно, знак инновация появляется изначально как «аксиологема», т. е. как носитель особо значимого смысла. Значимость содержания вводимого знака в данном контексте подчеркнута как семантикой его контекстуального определения, так и экспрессивными средствами выражения (контрарность, интенсификация).

Введение знака «инновация» создает соотношение с такими уже существующими исконными знаками, как «новшество и нововведение». Выявление специфики семантики знака «инновация» в современном русском языке можно произвести путем сопоставления дефиниций данных знаков в толковых словарях. Покажем результаты анализа в виде таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ семантики синонимов знака инновация

Знак	Толковый словарь С. А. Кузнецова (2009)	Толковый словарь «Инновационная деятельность» (2008)	Семиотрия – наиболее значимые смыслы, атрибутируемые знакам по данным толковых словарей
Нововведение	«То, что недавно введено, принято (обычно правило, порядок и т.п.)» [11]	«Новшество, доведенное до уровня промышленного образца, действующей модели или стандартизированного метода, являющееся причиной и стимулом целенаправленных изменений в рамках организации» [17]	<ul style="list-style-type: none"> – недавно принятое правило, доведенное до уровня образца в организации; – причина и стимул целенаправленных изменений
Новшество	«Что-л. новое, вновь созданное, применённое и т. п.; нововведение» [11]	Новые систематизированные знания, закреплённые в знаковой или материальной форме, являющиеся результатом интеллектуальной научной или практической деятельности и способные быть предметом нововведения [17]	<ul style="list-style-type: none"> – вновь созданное и применённое; – результат интеллектуальной или практической деятельности; – предмет нововведения
Инновация	<p>1. Нововведение, новшество. Инновации в управлении, политике.</p> <p>2. <u>Экон.</u> комплекс мероприятий, направленных на внедрение в экономику новой техники, технологий, изобретений и т.п.; модернизация.</p> <p>3. <u>Лингв.</u> Новое, более позднее явление в языке. Инновации в лексике [11]</p>	Практическое использование новшества, выступающего в форме конкретного продукта, технологии, структуры или услуги. Инновация является результатом осуществления инновационного процесса [17]	<ul style="list-style-type: none"> – практическое использование новшества в конкретной форме; – результат целостного инновационного процесса модернизации

Как видим из таблицы 1, в синонимической цепочке устанавливается каузативное подчинительное отношение от наиболее обще-

го знака (гипонима) к наиболее узкому, специализированному знаку (гиперониму): нововведение – новшество как предмет нововведения – инновация как практическое использование новшества. В этом ряду, таким образом, семантически знак «инновация» соотносится со знаками «нововведение» и «новшество» (которые определяются один через другой) как вид к роду. Иначе говоря, *инновация* по своей семантике включает в себя родовые семы нововведения и новшества (в том числе *новое правило, передовой образец, причина и стимул целенаправленных действий, результат интеллектуальной разработки*), но проявляет вместе с тем **дифференциальные признаки**, к которым относятся *использование новшества в конкретной форме; результат целостного процесса модернизации*. Кроме того, к отличительным признакам «инновации» следует отнести *новое, позднее и, значит, отвечающее актуальным требованиям и запросам времени новшество, относящееся преимущественно к сфере управления некоторой технологически функционирующей организации, системы*. Таким образом, русский знак «инновация» выявляет специфику семантики, уточняя сущность специфического «нового» не как единично взятого «новшества», но как средства технологического «прорыва» в общем процессе модернизации.

Отличие знака «инновация» от его синонимов «нововведение» и «новшество» в русском языке явно проявляется в словосочетаниях атрибутивного типа и выявляется путем метода замещения. Так, в диагностических сопоставительных контекстах встречается как словосочетание *инновационный город (Инноград)*, так и *Новоград*, где замещение атрибутивной части возможно на основе родовой семы *новый*. При этом недопустимыми будут являться сочетания *нововведенческий град, *новшеский град, так как знаки «новшество» и «нововведение» не могут выступать в качестве качественного оценочного дескриптора. Данный дифференциальный признак «инновации» указывает на имплицитный оценочно-квалификативный потенциал знака и позволяет рассматривать его изначально как аксиологему вкупе с компонентами значимости «нового» как технологического средства – прорыва в целостном процессе модернизации определенной сферы или организации. Иначе говоря, знак «инновация» в настоящее время мыслится как **прорывной элемент целостного процесса модернизации некоторой технологически функционирующей**

системы. Таким образом определяется та специфическая структура знания, которая узואльно закреплена за знаком в русском языке и которая служит опорой для процессов означивания, в которых знак профилирует новые аспекты семантики, обогащается ими, проявляя семантический потенциал в дискурсе.

Очевидно, что знак, обладающий подобной семантикой, по своему когнитивно-коммуникативному потенциалу будет очерчен определенным дискурсивным полем употребления. Ограничителями данного поля будут выступать 1) референциально-денотативные ситуации, касающиеся процессов модернизации технологически функционирующих систем; 2) коммуникативный статус адресанта дискурса, который определяется как статус специалиста, эксперта в данной функциональной сфере общества; 3) интенциональность и дестинация (целевая предназначенность) дискурса на формулирование концепций инноваций. Таким образом, в целом, если исходить из значимости данных, базовых, компонентов коммуникации и дискурса, следует утверждать, что дискурсивным полем функционирования знака «инновации», в пресуппозиции ценностно насыщенного знака, является так называемый «экспертный» дискурс, макростратегичность которого будет связана с валоризацией концептуальной позиции адресанта по отношению к инновациям: его оценками реальности инновационного состояния систем или оценками возможностей инновационной трансформации (модернизации) систем.

На этапе дискурсивного анализа этносемиотрия знака «инновация» позволит специфицировать виды экспертного валоризирующего дискурса об инновациях, установить те актуально значимые смыслы, которые знак проявляет в дискурсе, а также выявить способы реализации аксиологической макростратегии дискурса об инновациях.

Исходя из изначальной характеристики знака как аксиологемы, в рамках данной статьи, уделим особое внимание оценочным компонентам в смыслах, реализуемых знаком. Считаем целесообразным на данном этапе анализа обратиться прежде всего к тем трактовкам знака, которые даются в словарях, фиксирующих его употребление в функционально и профессионально определенных видах экспертного дискурса: экономическом, социологическом и других. Словарные дефиниции в такого рода в словарях могут служить репрезентативными диагностическими контекстами для целей современной семиотрии знака. Обобщим полученные данные в виде таблицы (см. табл. 2).

Семиметрия современного знака «инновация» по данным дефиниций специальных словарей

Вид дискурса. Специализированный словарь	Определение	Семиметрия – выделение наиболее значимых смыслов
Экономико-математический Экономико-математический словарь (Л. И. Лопатников, 2003 г.)	«Результат вложения средств (инвестиций) в разработку новой техники и технологии, во внедрение новых форм бизнеса, современных методов работы на рынке, новых товаров и услуг, финансовых инструментов» [12]	Результат вложения средств в разработку новой техники; Оценочные квалификативные компоненты: новые, современные
Психологический Словарь практического психолога, С. Ю. Головин, 1998	«Создание и внедрение различного вида новшеств, порождающих значимые изменения в социальной практике» [9, с. 204]	Создание и внедрение новшеств; порождение значимых изменений
Философский в сфере науки и техники Философия науки и техники: тематический словарь С. И. Некрасов, Н. А. Некрасова, 2010	«Процесс создания, освоения и практической реализации научно-технических достижений» [13]	Процесс реализации научно-технических достижений
Культурологический Большой толковый словарь по культурологии Б. И. Кононенко, 2003	«Выработка, <i>синтезирование новых</i> идей, создание новых моделей действия, ценностей, политических программ, имеющих часто индивидуальный и неповторимый характер» [10, с. 171]	Синтезирование новых идей создание новых моделей действия, ценностей, программ
Философский Новейший философский словарь А.А. Грицанов, 1999	«Явления культуры, которых не было на предшествующих стадиях ее развития, но которые появились на данной стадии и получили в ней признание («социализировались»); закрепившиеся (зафиксированные) в знаковой форме и (или) в деятельности посредством изменения способов, механизмов, результатов, содержаний самой этой деятельности» [14, с. 505]	Явления культуры, закрепившиеся посредством изменения способов, механизмов, результатов

Продолжение таблицы 2

Вид дискурса. Специализированный словарь	Определение	Семиметрия – выделение наиболее значимых смыслов
Экономический Большой экономический словарь А.Н. Азрилиян, 1997	1. Вложение средств в экономику, обеспечивающее <i>смену поколений техники и технологии</i> 2. Новая техника, технология, являющиеся <i>результатом достижений научно-технического прогресса</i> . Развитие изобретательства, появление крупных изобретений является существенным фактором инновации [5]	Вложение средств в экономику Новая техника, технология, результат достижений научно-технического прогресса
Педагогический Словарь-справочник по педагогической психологии М.В. Гамезо, А.В. Степаносова, Л.М. Хализева, 2001	1) В социально-психологическом аспекте – создание и внедрение различного вида новшеств, порождающих <i>значимые изменения в социальной сфере</i> ; 2) Результат творческой деятельности, направленной на разработку, создание и распространение новых видов изделий, технологий, внедрение новых организационных решений и т.д., <i>удовлетворяющих потребности человека и общества</i> , вызывающих вместе с тем социальные и другие изменения [8]	Новшества, порождающие значимые изменения в социальной сфере Результат творческой деятельности
Экономический Дискурс управления Толковый словарь «Инновационная деятельность» под ред. В. И. Сулова, 2008	«Практическое использование новшества, выступающего в форме конкретного продукта, технологии, структуры или услуги. Инновация является результатом осуществления инновационного процесса» [17]	Практическое использование новшества результат инновационного процесса
Педагогический воспитательный Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) В. С. Безрукова, 2000	«Принципиально новое образование: новая идея, принцип, форма, содержание, структура и т.д., <i>существенно меняющие сложившуюся практику</i> . Инновация – это то, что привнесено в данную систему из другой или что впервые изобретено. Благодаря инновациям у общества, организации появляется шанс подняться на более высокую ступень развития. Инновация – это <i>культурный феномен</i> , объективно присутствующий в жизни, во всех сферах общественного бытия» [6]	Принципиально новое образование, существенно меняющие сложившуюся практику культурный феномен

Вид дискурса. Специализированный словарь	Определение	Семиметрия – выделение наиболее значимых смыслов
Социологический Социология: Энциклопедия. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко, 2003	«Явления культуры, которых не было на предшествующих стадиях ее развития, но которые появились на данной стадии и получили в ней признание («социализировались»); закрепившиеся (зафиксированные) в знаковой форме и (или) в деятельности посредством изменения способов, механизмов, результатов, содержаний самой этой деятельности» [16, с. 368]	Явления культуры, получившие признание на данной стадии развития
Финансово-кредитный Финансово-кредитный энциклопедический словарь. под общ. ред. А. .Г. Грязновой. 2002	«Новшество в производственной и непроизводственной сферах, в области экономических, социальных, правовых отношений, науки, культуры, образования, здравоохранения, в сфере государственных финансов, в финансах бизнеса, в бюджетном процессе, в банковском деле, на финансовом рынке, в страховании и т.д.» [19]	Новшества в различных сферах общества
Статистический Словарь терминов по социальной статистике. Б. Батлер, Б. Джонсон, Г. Сидуэлл, Э. Вуд, Б. Клаттербак, А. Айзек, Б. Бриндли, Р. М. Уолтерс, М. Райт, 1998	«Конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке; нового или усовершенствованного технологического процесса, использованного в практической деятельности; в новом подходе к социальным услугам» [15]	Конечный результат инновационной деятельности; новый или усовершенствованный технологический процесс новый подход к социальным услугам
ПИАР и рекламный дискурс Учебный словарь терминов рекламы и паблик рилейшенз под ред. Е. Е. Топильской, 2007	1. Нововведение, новшество. 2. Комплекс мероприятий, направленных на внедрение в экономику новой техники, технологий, изобретений и т.п.; модернизация [18]	Меры по внедрению в экономику новой техники, технологий, изобретений. Модернизация
Политический. Власть. Политика. Государственная служба. Словарь В. Ф. Халипов, Е. В. Халипова, 1996.	«Нововведение и сопряженные с этим новшеством изменения; внедрение новых форм организации труда и управления. Поиск достижений новых результатов, средств и способов их получения <i>крайне важен в политике и властной деятельности</i> » [7, с. 53]	Внедрение новых форм организации труда и управления новые средства и способы, значимые в политике и властной деятельности

Как видно из таблицы, определения знака «инновация» насыщены аксиологически, что выявляет и отражает его статус аксиологемы. К ряду данных оценочных компонентов аксиологемы, имплицитующих шкалу оценки, относятся квалификаторы *новое, современное, неповторимое, творческое, усовершенствованное, существенно меняющие практику*; обобщающие номинации: *значимое изменение, достижение, явление культуры, получившее признание*; пропозиции: *шанс подняться на более высокую ступень развития, крайне важный элемент в политике и властной деятельности и др.* В целом, под инновацией понимается принципиально новое преобразование, которое является результатом достижений культуры на данном её этапе и коренным образом вносящее значимые изменения в различных сферах жизнедеятельности человека.

Отметим, что словарные определения, имея предикативный характер, категоризируют предмет предикации, относя его к определенным категориям, которые проявляют указанный выше оценочный, ценностный смысл: получение преимуществ перед конкурентами; результат творческой деятельности; порождение значимых изменений в социальной практике; синтезирование новых идей, ценностей; смена поколений техники и технологий; удовлетворение потребностей человека и общества; явления культуры, получившие признание; внедрение в экономику новых изобретений; модернизация. Таким образом, семантически и концептуально знак «инновация» оказывается включенным в такие ценностно насыщенные категории, как «новизна», «технологии», «модернизация», «значимые изменения», «конкурентоспособность», «культурный феномен».

Представляется, что полученные данные этносемиотрии знака «инновация» могут служить основой для реализации дальнейших этапов семиотрии на материале дискурсов, составляющих современное дискурсивное поле данного знака. В ряду вопросов, подлежащих анализу, важными являются аспекты, связанные с выявлением концептуального потенциала знака как аксиологемы, а также аспекты интенциональности и стратегичности дискурсов, организованных вокруг проблем инноваций как важнейшего элемента модернизации различного рода систем, в том числе модернизации общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лингвистика* и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов / Е.Ф. Сербренникова [и др.] – М: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.

2. *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. – <http://www.search1.ruscorpora.ru/search.xml>.
3. *Фуко М.* Археология знания: коллективная монография. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 208 с.
4. *Google Books Ngram Viewer* [Electronic resource]. – URL : <https://www.books.google.com/ngrams/>.
5. *Азрилиян А. Н.* Большой экономический словарь [Электронный ресурс]. – URL : <http://sbiblio.com/BIBLIO/content>.
6. *Безрукова В. С.* Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) [Электронный ресурс]. – URL : <http://biogr.znate.ru/docs/index-1722.html?page=37>.
7. *Власть.* Политика. Государственная служба: аналитический словарь-справочник / В.Ф. Халипов [и др.] – Киев : Ника-Центр, 2002. – 245 с.
8. *Гамезо М. В.* Словарь-справочник по педагогической психологии [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.psyoffice.ru/slovar-s177.htm>.
9. *Головин С. Ю.* Словарь практического психолога. – Минск : Харвест, 1998. – 800 с.
10. *Конonenко Б. И.* Большой толковый словарь по культурологии. – М. : Вече 2000, 2003 . – 512 с.
11. *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – URL : <http://enc-dic.com/kuzhecov/Innovacija-57477/>.
12. *Лопатников Л. И.* Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. [Электронный ресурс]. – URL : <http://slovar-lopaticnikov.ru/slovar/i/innovacija/>.
13. *Некрасов С. И.* Философия науки и техники: тематический словарь [Электронный вариант]. – URL : <http://terme.ru/dictionary/906/word/inovacija>.
14. *Новейший философский словарь* / под ред. А. А. Грицанова. – Минск : Книжный дом, 2001 . – 1280 с.
15. *Словарь терминов по социальной статистике.* [Электронный ресурс] / Б. Батлер [и др.]. – URL : http://social_statistics.academic.ru/.
16. *Социология: Энциклопедия* / А.А. Грицанов [и др.]. – Минск : Книжный дом, 2003 . – 1312 с.
17. *Толковый словарь «Инновационная деятельность».* Термины инновационного менеджмента и смежных областей (от А до Я) [Электронный ресурс] / под ред. В. И. Сулова. – URL : http://innovative_activities.academic.ru/.
18. *Учебный словарь терминов рекламы и паблик рилейшенз* [Электронный ресурс] / под ред. Е. Е. Топильской. – URL : http://advertising_pr.academic.ru/.
19. *Финансово-кредитный энциклопедический словарь.* [Электронный ресурс] / под общ. ред. А. Г. Грязновой. – URL : http://finance_loan.academic.ru/649.
20. *Энциклопедия права* [Электронный ресурс]. – URL : http://encyclopediya_prava.academic.ru/.

УДК 811.11-112

Т. И. Семенова

доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: tisemenova54@mail.ru

ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИРА АНГЛИЙСКИМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ С СЕМАНТИКОЙ ЛОЖНОСТИ

В статье обсуждается оценочная категоризация предметных, ментальных объектов и ситуаций эмоциональных состояний английскими прилагательными *fake*, *false*. Выявляются структуры знаний оценочного характера, которые закреплены в значениях языковых единиц с семантикой недоверности, ложности.

Ключевые слова: оценочная категоризация; ложность; истинностная оценка; неискренность; когнитивная область; композициональность; когнитивная структура; оценочное значение

Semenova T. I.

Doctor of Philology, Professor, MSLU EALI, e-mail: tisemenova54@mail.ru

EVALUATIVE CATEGORIZATION OF THE WORLD BY ENGLISH ADJECTIVES WITH THE MEANING OF FALSITY

The subject matter of the paper is the description of evaluative categorization of artifacts, mental phenomena, and emotional states by English adjectives *false*, *fake*. The article focuses on evaluative knowledge as conceptual structures in the human mind.

Key words: evaluative categorization; falsity; truth value; insincerity; cognitive domain; compositionality; cognitive structure; evaluative meaning.

Язык как способ закрепления отражательной деятельности сознания выражает в своей системе и структуре сложный опыт когнитивного взаимодействия человека с миром. В языковом сознании отображается не только достоверное знание, но и специфические особенности и механизмы когнитивных процессов, в частности, заблуждения, ошибочные когниции, недоверность, обман, притворство, видимость, кажимость, различные способы уклонения от истины. Естественный язык, как подчеркивает Н.Д. Арутюнова, живет в борьбе с двузначной логикой, расшатывает ее законы, скрывает ясные смыслы, в связи с чем язык развивается одновременно в двух противоположных направлениях: одно из них определено стремлением к максимально полному

и точному выражению истины, другое – желанием ее утаить, отстранить от себя или прикрыть ее лицо маской правдоподобия [2, с. 546]. Идея дуалистичности миропонимания, «бинарность оппозитивного структурирования является универсальной лингвистической антропоцентрической реальностью» [9, с. 27]. В любом образе мира противопоставляются: явление и сущность, наблюдаемое и ненаблюдаемое, зримое и умозрительное (умопостигаемое), ненастоящее и настоящее: призрачное (мнимое, иллюзорное, кажущееся, мираж, фикция, видимость, псевдо) и подлинное (истинное) [2, с. 547].

Пространство между истиной и ложью может быть сведено к следующим семантическим оппозициям: соответствие действительному положению дел – возможность несоответствия действительному положению дел – несоответствие действительному положению дел [1, с. 24-25]. Лексика мнимого или обманного мира включает названия обманных действий и их результатов, названия некоторых поведенческих ситуаций, обманных состояний и свойств, результаты работы воображения, ложные впечатления от реального мира, различные свойства живых существ и артефактов [1].

Средством вербализации в английском языке различных аспектов ситуаций мнимых, обманных действий и результатов такого рода действий выступают прилагательные с оценочной семантикой, категоризирующие признаки, свойства предметных и ментальных объектов, ситуаций как ненастоящие, недостоверные, несоответствующие действительности: *artificial (leg), fraudulent (jewelry), false (teeth, nails, beards, eyelashes, alarm, opinions, step, smile, passport), fake (fur, antique, diamonds), imitation (uniform), pretend (smile), phoney (address, accent)*. Вышеназванные прилагательные содержат в своей семантике признак 'несоответствие положения дел действительности', что подтверждается наличием в словарных дефинициях интегрального семантического признака 'недостоверный' – 'not real or genuine' but made to look real in order to deceive people [11;19].

Анализируемые прилагательные входят в категорию слов с оценочной семантикой, они являются вторичными истинностными оценками, метакarakterистиками. По своему типу вышеназванные языковые единицы относятся к ментальному (эпистемическому) модусу отрицательной истинностной оценки [2, с. 574-575]. Квалификация действий, положений дел как недостоверных, оценочное осмысление

объектов окружающего мира имеет когнитивный статус модусной ситуации. Модусная, или оценочная категоризация по своей природе связана с онтологией человеческого сознания, его интерпретирующей функцией и воспроизводит оценочную модель мира [3, с. 32-33].

Объектом истинностной оценки в настоящей статье являются не высказывания, а предметы, артефакты, созданные человеком в целях введения адресата в заблуждение, а также поведенческие аспекты состояний, свойств, которые интерпретируются наблюдателем как несоответствующие реальному положению дел, неискренние.

Осмысление с когнитивной точки зрения сочетаемости прилагательного и существительного позволит выявить новые концептуальные признаки, структуры знаний оценочного характера, которые закреплены в значениях языковых единиц с семантикой недостоверности, ложности. Дж. Лакофф, анализируя идеализированную когнитивную модель лжи, выявляет прототипические эффекты в данной категории. Атрибутивно-именные сочетания типа *социальная ложь*, *невинная ложь*, автор объясняет в терминах систематических отклонений от идеализированной когнитивной модели лжи. Дж. Лакофф задается вопросом, что могла бы включать теория составных концептов в терминах теории идеализированной когнитивной модели [18, р. 73-74].

К идее взаимодействия смыслов в комплексных (составных) знаках, в качестве которых выступают сочетания прилагательных с существительными, обращается и Е. С. Кубрякова. Автор выделяет несколько типов прилагательных в зависимости от того, «какой тип связи с определяемым объектом они устанавливают и на какую именно характеристику объекта они ориентируются» [6, с. 149].

В зависимости от степени выводимости / невыводимости композиционной семантики из суммы значений составляющих частей выделяются композиционные и декомпозиционные / некомпозиционные сочетания. К декомпозиционным сочетаниям относятся сочетания фальсифицирующего типа, суть которых заключается в том, что они не столько описывают имитацию объекта, сколько его фальсификацию, подделку, то есть нечто, связанное с нарочитым обманом (*искусственная улыбка*, *фальшивые бриллианты*). Отличительной особенностью таких сочетаний слов является их связь с концептом «отрицания», а прилагательные, определяющие существительные, фактически аннулируют свой объект [6, с. 153].

Семантика прилагательного *fake*, как убедительно показывает Дж. Лакофф [17, р.120-121], представляет проблемы для классической теории категоризации, что подтверждается анализом роли определителей в формировании концептуальной структуры. Автор приводит в качестве примера предложения: *This is a black gun* и *This is a fake gun*. Определитель *черный* (*black*) номинирует дополнительные качества объекта, то есть смысл целого выводится из смыслов составляющих компонентов, а прилагательное *ненастоящий* (*fake*), будучи использовано по отношению к концепту РУЖЬЕ, приводит к появлению другого концепта, не относящегося к категории ружья. Наличие определителя *fake* выводит представление об объекте за рамки простого соположения его компонентов и тем самым модифицирует концепт РУЖЬЕ, подводя его под категорию НЕНАСТОЯЩЕГО РУЖЬЯ, подделки. Какие же концептуальные признаки НЕНАСТОЯЩЕГО РУЖЬЯ актуализируются в сочетании с прилагательным *fake*? И в целом, какой тип отношений устанавливается между компонентами словосочетаний, в состав которых входят прилагательные с семантикой ложности?

Подведение объекта под категорию происходит на основе разного опыта взаимодействия с миром: перцептуального, моторно-двигательного, функционального, целеполагающего. Ненастоящее ружье, как отмечает Дж. Лакофф, должно выглядеть как настоящее, то есть иметь перцептуальные признаки, присущие настоящему ружью, с ним можно осуществлять манипуляции, аналогичные тем, которые возможны с настоящим ружьем. Использование ненастоящего ружья преследует те же цели устрашения, что и настоящее; поддельное ружье изготовлено таким образом, чтобы его можно было использовать в обманных целях. То, что отличает ненастоящее ружье от настоящего – это его функциональные свойства, оно не может функционировать, то есть стрелять. Таким образом, в сочетании с прилагательным *fake* сохраняются перцептивные, моторно-двигательные, целеполагающие признаки, но не сохраняется функциональный признак. Прилагательное *fake* сигнализирует о том, что названный референт не относится к категории объектов, обозначенных именем существительным, следовательно, предметы, которые созданы, сфабрикованы человеком в обманных целях, входят в другую категорию – категорию подделок, фальшивок, фальсификаций.

Дж. Тейлор развивает идею о том, что значение языковой единицы определяется относительно соответствующей когнитивной области [24, р. 247]. *Поддельное ружье*, как отмечает Дж. Тейлор, имеет значимость в когнитивной области захвата самолета, ограбления банка, оно не имело бы значимости во фрейме охоты сафари, поскольку бессмысленно устрашать диких зверей ружьем, которое не стреляет. Таким образом, для выбора прилагательного важное значение имеют не ингерентные свойства определяемой сущности, а ее роль, значимость, ценность в культурном контексте [Ibid., р. 92-94]. Необходимость учитывать взаимодействие компонентов на когнитивном уровне, важность обращения к концептуальным структурам сочетающихся слов для интерпретации сочетания в целом отмечает и Е. С. Кубрякова [6, с. 149].

Обратимся к выявлению и анализу когнитивных структур, которые реализуются в сочетаниях с прилагательными, в семантику которых входит отрицательная истинностная оценка «ложный, ненастоящий, несоответствующий реальному положению дел». По определениям англоязычных словарей в семантику анализируемых прилагательных входят следующие концептуальные признаки: 1) ‘отрицательная истинностная оценка’ – *not real, wrong, not true, not genuine*; 2) ‘обманная цель’ – *in order to deceive*; 3) ‘намеренность’ – *with intention, so as to, in order that*; 4) ‘каузация ложного мнения’ – *make someone believe*; 5) ‘имитация внешних признаков реального объекта’ – *made to look like a real thing*; 6) ‘нарушение закона’ – *illegally made to look like a real one* [11; 19]. Из дефиниций становится ясно, что когнитивная структура ненастоящего / поддельного / фальшивого, подложного объекта включает представление об имитации реального объекта с намерением по созданию ложного впечатления. Цель имитации, судя по дефинициям, варьируется от личных, корыстных, обманных целей, преследующих получение выгоды, до прагматических, утилитарных, эстетических. Наличие синонимов с семантикой ложности наводит на мысль о том, что каждый из них задает определенный способ осмысления фрагмента действительности, в данном случае фрагмента обманного мира, поскольку при любой концептуализации одни аспекты реальности акцентируются, актуализируются, другие затушевываются, уходят в фон. Высвечивание, актуализация тех или иных концептуальных признаков реализуется не только разными языковыми еди-

ницами, но и разными значениями языковой единицы. Важным для понимания актуализации компонентов концептуальной структуры языковой единицы является мысль Е. С. Кубряковой о том, что слово выступает в речи не в виде «готовой» и предшествующей речи лексической единицы, а открывает дорогу когнитивному объяснению того, какая часть слова (или какой компонент его содержательной структуры) и по какой причине оказывается в активной зоне говорящего (то есть активизированной в акте речи) [5, с. 450].

Этимологические свидетельства о когнитивных предпосылках обманного действия зафиксированы в значении глагола *fake*, который восходит к воровскому жаргону, и первоначально этот глагол обозначал криминальное действие (*ограбить, убить, нанести увечье*). Со временем за глаголом *fake* закрепилось значение ‘действие с целью обмана’ (*do up, make so as to deceive*) [15]. В результате конверсии слово *fake* вошло в употребление для обозначения результата обманного действия, как артефакта, специально созданного человеком в целях получения выгоды посредством обмана. Под обманым действием понимаем, вслед за А. Д. Кошелевым, действие, отвечающее следующим четырем условиям: а) неискреннее действие, б) которое ввело в заблуждение адресата (было воспринято им как искреннее), в) благодаря чему деятель извлек для себя пользу, г) в ущерб адресату [4, с. 129]. Главным участником обманного действия «является агенс, способный творить новые миры, одним из которых является обманый мир. По отношению к такому агенсу Ю. Д. Апресян вводит понятие «недобросовестный агенс» [1, с. 24-25]. Так, например, в ситуации продажи поддельных произведений искусства, «недобросовестный агенс», в терминах Ю. Д. Апресяна, выдавая подделку за подлинник, рассчитывает получить выгоду в ущерб адресату, ср: “How the hell do you know whether a Tintoretto is a *fake* or not?” – “Transporting a Tintoretto, even a *fake* one, across Switzerland isn’t a criminal offence [22, с.270]. Выбор прилагательного *fake*, как отмечает Дж. Тейлор, требует активации определённого фрейма, установления когнитивного контекста как области значения, с которой связано данное слово. Так, например, словосочетание *fake antique* – поддельный антиквариат активирует в нашем знании об антиквариате представление о том, что ценность определенных артефактов со временем возрастает, и что есть люди, которые зарабатывают на покупке и продаже антиква-

риата: кто-то вкладывает деньги, кто-то коллекционирует предметы антиквариата, кто-то проводит экспертизу таких предметов и т. д.

Такого рода знание формирует в нашей концептуальной системе фрейм торговли антиквариатом. Именно в контексте этого фрейма осмысливается ставка, степень риска при создании артефакта, который бы выглядел как предмет антиквариата. Истинностная оценка входит в категорию нормативных оценок, изготовление поддельных предметов в обманных целях является уголовно наказуемым, что иллюстрирует следующий пример, ср.:

The counterfeiters were printing *fake* dollar bills until they were arrested [20].

Развенчание видимости, неподлинности, разоблачительная оценка объекта эксплицируется сквозь призму восприятия и оценки персонажа, языковой реализацией которой являются прилагательные *fake*, *imitation*, ср.:

He was sitting in his office, signing checks on the scarred *fake* monogamy desk, the desk had been *fake* monogamy in 1946. It just looked a little more *fake* now [21, p.154]; Her diamond necklace scattered light in the hallway. No they couldn't be. They had to be *imitation* stones [21, p. 218]; She had on a white *fake* fur coat and a blonde wig that wouldn't fool anybody [21, p. 24].

Объекты, о которых идет речь (*меховое пальто, письменный стол, колья*), квалифицированы субъектом оценки как неподлинные, поддельные.

Этимологически с обманом связано и прилагательное *false*, заимствованное из латинского *falsus* в значении *обманчивый, ложный, ненастоящий, лживый*, которое, в свою очередь, связано с глаголом *fallere* – *скрывать, укрывать, подделывать* [12].

Стремление выдать ложное за действительное, получить выгоду в ущерб другому, находит языковую реализацию в ситуациях фальсификации, подделки документов, например, поддельный паспорт нужен для того, чтобы использовать его как настоящий, ср.:

“Last night the American came to me and asked if I could get him a *false* passport. He didn't say it was for himself but I'm sure it was [13, p. 95].

Целям сокрытия истинных намерений, дезинформации, введения в заблуждение человека служит вымышленное имя, ср.:

“What’s your name?” The way he asked was full of accusation as though he was sure whatever name I gave would be a *false* one [18, p. 32]; The woman was travelling under a *false* name [12, p. 55].

Однако, как показывает анализ языкового материала, в реальном употреблении этимологически заложенная идея обмана модифицируется, и в фокусе оказываются концепты правдоподобия, неискренности, ошибочного мнения, ошибочного действия. В такого рода ситуациях в структуре отрицательной истинностной оценки «ложный» (*false*) по отношению к созданному человеком объекту признаки ‘введение в заблуждение’, ‘причинение ущерба’, не профилируются. В сочетаниях с именами объектов, созданных человеком для выполнения функций настоящих объектов *false teeth* (вставные *зубы*) или в декоративных целях *false eyelashes* (накладные *ресницы*), актуализируется признак ‘внешнее сходство’. Имитация объекта в такого рода ситуациях преследует прагматические цели, например вставные зубы должны не только по своим перцептивным признакам походить на настоящие, но и выполнять функции последних. Несоответствие перцептивным или функциональным признакам может выдавать некачественную имитацию объекта, ср.:

Teichman’s *false teeth* clamped fiercely in his mouth as he spoke about his studio [21, p. 228]; She was heavily made up with *false eyelashes* and bright red lipstick [22, p.78].

Внешнее сходство настоящего объекта и его имитации может служить декоративным, прагматическим, утилитарным целям, ср.:

I could feel the skin on the back of my neck prickling as I drove slowly past the *falsely* impressive canopied entrance [21, p. 129].

Отрицательная истинностная оценка, актуализирующая несоответствие действительному положению дел, может быть основана на ошибочной, некорректной информации, неправильной интерпретации. Ситуация при этом оценивается как несоответствующая реальному положению дел, однако признак ‘нечестная, корыстная цель’ (*dishonest purposes*) не актуализируется, в фокусе оказывается концептуальный признак ‘ошибочный, неправильный,’ который эксплицируется в словарных дефинициях как *wrong, not correct, erroneous*. Так, в примере ниже речь идет о попытке самоубийства, что впоследствии оказалось *ложной* тревогой, ср.:

“Is there any news of Father?” He asked. – “Not since that *false* alarm of his suicide” I said. “I suppose you heard it was a *false* alarm” [16, p.105].

В другой ситуации у девушки нет известий о своем женихе, и она пытается выяснить, не случилось ли чего-либо с ним, но в то же время не исключает возможности *ложной тревоги*, ср.:

“Except that I don’t know that Rick is missing. I just don’t know where he is. I’d feel pretty foolish if it turned out to be a *false* alarm” [17, p. 68].

Смысл ‘несоответствие действительности’ реализуется в ситуации ошибочных действий, в такого рода ситуациях отсутствует намерение вводить кого-то в заблуждение, причинять ущерб, наносить вред обманными действиями. В фокусе оказывается реализация действия в результате неправильной интерпретации или ошибки, несоответствие результата действия тому, каким его планировали. Человек не только обманывает, но и сам обманывается. Так, в ситуации ниже речь идет о том, что мужчина, у которого в аэропорту подменили чемодан с крупной суммой денег, пытался найти того, кто завладел его чемоданом, но оказалось, что все время он шел по *ложному следу* – преследовал не того, кого считал виновным, ср.:

I had wasted almost a week and a small fortune on a *false* trail, I was sitting like that, in the softly lit room, stupidly holding the shoe in my hand when I heard the rattle of a key in the door [21, p. 172].

В следующем примере описывается ситуация, в которой человек заблудился и пытается найти выход, но всякий раз сворачивает не туда, куда надо и боится, что очередной поворот также будет ошибочным, ложным, ср.:

One *false* turn and I would have been lost among boulders of ice and snow, rocks and fallen trees [20, p. 121].

Истинностная оценка, как отмечает Г. А. Кустова, может быть приложима к разным типам реальности: к «обычной», онтологической реальности и к другой реальности – миру человеческих ценностей и норм, важных культурных смыслов, идеалов. В зависимости от того, к какому типу реальности приложимы истинностные оценки, выделяются верифицируемый и неверифицируемый типы употребления прилагательных [7, с.159]. Прилагательное *false* (ложный) сочетается с именами ментальных действий и состояний (*impression, beliefs, ideas, assumptions*), которые входят в категорию неверифицируемых

пропозиций, реализующих оценочное мнение. Человек, который сделал ложное утверждение, высказал мнение, которое оценивается субъектом оценки как неистинное, может и не знать о том, что оно ошибочное, ср.:

His manner was both chatty and distant which gave the impression, perhaps a *false* one, that his mind wasn't on what he was saying [22, p. 66]; The title gives a *false* impression of what the book is actually is [20, p. 95]; My mother avoided visiting Bali on the quite *false* assumption that the place is full of tourists [13, p. 55].

В результате воздействия мира на человека, на его внутренние ментальные состояния, формируется образ, впечатление об объекте. Тип мнения-впечатления представляет особый тип мнения, специфика которого заключается в том, что это мнение, сформированное на основе непосредственного опыта. Именно связь с мнением делает возможным ошибочность, неточность конструируемого сознанием образа действительности. Как отмечает Г. И. Кустова, отличие ошибочного мнения от лжи заключается в том, что субъект, высказывая ложное мнение, может и не знать о том, что оно ложное [7, с. 234].

Противопоставление реального и мнимого миров находит отражение и в концептуализации внутренней сферы человека, его эмоциональных состояний, личностных свойств. Дуалистичность мировосприятия, закрепленная в языковой картине мира, отражается в наличии языковых единиц, предполагающих, что в своем когнитивном взаимодействии с миром человек порой стремится создать в глазах и умах «других» определенное впечатление о собственных состояниях, которые он не испытывает или о свойствах, которыми он не обладает. Человек имитирует типичные внешние проявления того или иного свойства или состояния, «обычно с целью сделать так, чтобы потенциальный получатель информации считал, что X обладает свойством P или находится в состоянии P [1, с. 33]. Ситуация имитации внешних признаков внутренних состояний относится к контролируемым, субъект притворного действия прилагает усилия, чтобы соответствовать тому образу, который он хочет создать, то есть старается имитировать свойства и состояния, носителем которых он не является, ср.:

But since today was Christmas and Curtis and Matthew were so elated to have Curtina there with them, Charlotte *was going to plaster* on the best *fake* smile she could and pretend to be happy [16, p. 49].

Смех, улыбка, плач, слезы, кашель, вздох, интонация, акцент являются универсальными семиотически нагруженными невербальными единицами [10, с. 29], которые поддаются имитации. Любой человек может определить, что у кого-то неискренняя, «натяннутая» улыбка, наигранная интонация, притворная любезность, но описать на лингвистическом уровне движения лицевых мышц в терминах дифференциальных признаков практически невозможно [14]. Трудность заключается в описании правил «перевода» мимических выражений в суждения о том, какую эмоцию человек испытывает, или делает вид, что испытывает, поскольку «число дистинктивных признаков, из которых складывается невербальное поведение, в особенности визуальное, намного больше, чем количество классифицирующих их слов» [2]. Однако когнитивные механизмы восприятия и обработки перцептивной информации позволяют наблюдателю интерпретировать улыбку, выражение лица и другие семиотически значимые телодвижения как притворные, обманчивые. Вербальное закрепление получает выражение лица, жеста, позы в целом, оно категоризуется как неискреннее. Семиотическая природа таких неискренних невербальных явлений вербализуется прилагательными *fake, false, pretend, unreal, made-up, invented, pretended, make-believe, sham, fictitious, pretentious*, которые выражают общий смысл, а именно идею имитации свойства, состояния с указанием на неискренность субъекта, ср.:

Her face took on a look of a *false* delight [13, 187]; The last to go were the producers, two small, bitter men, jumpy with *false* nervous energy [21, 177]; I'm going to pan their pictures and I don't want to be swayed by any *false* feeling of friendship [22, p. 246].

Характеризуя состояния и свойства человека, прилагательные с семантикой ложности отражают точку зрения наблюдателя, с позиции которого эксплицируется разоблачительная характеристика поведения человека.

Исследования невербальных аспектов лжи, неискренности, притворства свидетельствуют о том, что существует целый ряд признаков, отличающих притворную, претендующую казаться искренней, улыбку от действительно искренней, которая предполагает не только сокращение мышц вокруг рта, но и сопровождается сокращением мышц вокруг глаз [14, p. 175]. В примере ниже представлена ситуация, описывающая притворную улыбку, неискренность которой вы-

дают глаза, поскольку, как отмечают психологи [14], выражение глаз не поддается контролю, ср.:

Ned was smiling *a fake* photographic smile, but his eyes didn't smile [13].

Голосовые модуляции, тон также являются манифестацией внутреннего состояния, в том числе и неискреннего, о чем свидетельствует ситуация ниже, в которой разоблачается неискренняя сердечность, ср.:

Coldly, he noticed the old false melodramatic tone that came into her voice when she recounted her trials [21, p. 475].

Итак, отрицательная истинностная оценка, вербализуемая прилагательными *false*, *fake* со значением ложности, ненастоящности, несоответствия действительности, приложима к разным типам коммуникативных ситуаций: ситуациям обманных действий и их результатов, к ситуациям ошибочных действий, действий, направленных на реализацию прагматических и эстетических целей. Варьирование оценки обусловлено той когнитивной областью, которая актуализируется в сочетании прилагательных *false*, *fake* с существительными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апресян Ю. Д.* От истины до лжи по пространству языка// Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв.ред. Н. Д. Арутюнова . – М. : Индрик, 2008. – С. 23-45.
2. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. –2-е изд., испр.– М. Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. *Болдырев, Н.Н.* Проблемы исследования языкового знания // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. трудов / РАН ин-т языкознания; Мин-во образ. и науки РФ; ТГУ им. Г.Р. Державина; редкол.: Е. С. Кубрякова (отв. ред.), Е. М. Познякова (зам. отв. ред.) и др. – Калуга : Эйдос, 2007. – С. 95-109.
4. *Кошелев А. Д.* К описанию универсального концепта 'Обман-Обмануть' // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией, 2008. – М. : Индрик, 2008. – С. 118-133.
5. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
6. *Кубрякова Е. С.* О нетривиальной семантике в сочетаемости прилагательных с существительными // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. – М. : Языки русской культуры, 2004.– С. 148-153.

7. *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 472с. – (Studia philologica).
8. *Кустова Г. И.* Оценки истинности/ ложности (на материале прилагательных *истинный* и *ложный*) // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией, 2008. – М. : Индрик, 2008. – С.159-170.
9. *Малинович Ю. М.* Антропологическая лингвистика как интегральная наука // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории: кол, монография / под ред. и общ. науч. рук. Ю.М. Малиновича. – М.: Иркутск, 2003. – С. 7-28.
10. *Birdwhistell R. L.* Kinesics and Context. Essays on Body Motion Communication. – Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press, 1970. – 338 p.
11. *Cambridge International Dictionary of Current English.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. – 1773 p.
12. *Chase J. H.* A Lotus for Miss Quon. – М. : Менеджер, 2004. – 224 с.
13. *Cheever J.* Selected Prose. – М. : Менеджер, 2003. – 224 с.
14. *Ekman P.* Unmasking the Face. A Guide to Recognizing Emotions from the Facial Clues. – New Jersey : Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, 1975. – 212 p.
15. *Etymological Dictionary of the English Language* (ed. By Walter. W. Sheat). – Oxford: Clarenton Press, 1910. – 536 с.
16. *Hammett D.* The Thin Man. – М.: Paduga Publishers, 2003. – 224с.
17. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live by. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
18. *Lakoff G.* Women, Fire and Dangerous Things. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1990. – 614 p.
19. *Longman Dictionary of Contemporary English.* – Harlow, Essex: Longman Group Ltd., 1997. – 1680 p.
20. *Mitra R. N.* A Very Insipid Person. – М. : Менеджер, 2002. – 336 с.
21. *Shaw I.* Nightwork. – СПб. : Антология, КАРО, 2005. – 448 с.
22. *Rendell R.* Death Notes. – New York : Bullantine Books, 1989. – 218 p.
23. *Taylor J. R.* Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. – Oxford : Clarendon Press, 1995. – 309 p.

УДК 81

Е. Ф.Серебренникова

доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии
МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: ser_evgen@yahoo.com

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДИСКУРСА

Статья имеет целью обогатить теоретическую дискуссию о лингвоаксиологическом измерении в анализе дискурса с точки зрения «человеческого фактора в языке». Аргументируется положение о том, что аксиосфера и когнитивный механизм значимости являются базовыми параметрами оценочной концептуализации в динамике траектории дискурса, обусловленной прагматическими обстоятельствами коммуникации.

Ключевые слова: дискурс; лингвоаксиология; экзистенциальная ситуация оценки; аксиосфера, механизм значимости, аксиологическая стратегия, дестинация.

Serebrennikova E. F.

Doctor of Philology, Professor, MSLU ELI; e-mail: ser_evgen@yahoo.com

AXIOLOGICAL DIMENSION OF DISCOURSE

This article aims to enrich the current discussion of lingua-axiological dimension in discourse analysis from the point of view of “human factor in language”. Axiosphere, cognitive mechanism of value, axiological strategies and destination of discourse are claimed to be the basic parameters of current evaluative conceptualization in the trajectory of discourse which evolve from pragmatic circumstances of communication.

Key words: discourse; axiological linguistics, existential situation of evaluation; axiosphere, cognitive mechanism of value, axiological strategy, destination.

Вопрос о ценностях, ценностных основаниях бытия человека, постоянно находящегося в зазоре между миром реальным, миром должным и миром желаемым [4, с. 4] выдвигается в число наиболее важных в попытках объяснения оснований идентичности человека и противоречий современного мира в попытках их преодоления. Именно в координатах данной онтологической ситуации жизненного мира человека, переводящей её осознание и осмысление в ситуацию экзистенциальную, происходит прерывание относительно когерентного сбалансированного когнитивного состояния и поиск выхода – решения. В координатах данной ситуации задаются основания и конструируются ориентиры субъектного оценочного отношения в выделении

и выдвижении наиболее значимого в дискурсе: наиболее (наименее, более / менее) сущностного и определенного **в мире реального**, наиболее соответствующего нормам и требованиям **мира должного**; наиболее достойного и вожделенного, к которым хотелось бы обладать и к которому следует стремиться – **в мире желаемого**, в динамике происходящей концептуализации и аргументации, в диалогическом режиме реализации дискурса в коммуникации.

Аксиологические основания дискурса связаны с его синергичностью и аттрактивностью: объективные ограничители дискурса влияют на концентрирование осмысления в аттракторах – способах упорядочения зон неопределенности, которые выступают в качестве носителей компрессированного смысла освоения мира и привлекают внимание интерпретатора в интеллектуальном, морально-нравственном, эстетическом и прагматическом планах.

Наряду с разработкой философских методологических основ в аксиологии, развитием общей и частных теорий оценки, в современном знании о языке развивается аксиологическая лингвистика [1; 5; 7]. В русле когнитивно-коммуникативной парадигмы утверждается положение о конструируемом характере ценностей на основе уже познанного и освоенного, с опорой на уже определенным образом структурированный в континууме опыт, который называют «концептосферой», «когнитивной системой» человека, картиной мира, культурным кодом лингвокультуры и другими терминами.

Наряду с данными терминами общего порядка используется также более специальный термин «аксиосфера» для обозначения структур означенного «ценностного». По сути, аксиосфера представляет то сквозное измерение концептосферы, которая структурирует опыт человека (и общества) в ситуации восприятия (ощущения и осознания), переживания, осмысления и семиотического обозначения-перехвата экзистенциальной и одновременно обыденной **ситуации выбора наиболее значимого** для структурирования некоторой концепции принятия решения. Думается, что данный термин является продуктивным для установления «человеческого» – субъектного фактора в языке и открывает целую парадигму понятий, на основе которых может быть осуществлен такого рода анализ дискурса.

Под аксиосферой, таким образом, будем понимать термин, относящийся к системной совокупности знаков (аксиологем – единиц,

обеспечивающих доступ к ментальному лексикону ценностного в когнитивной системе человека), за которыми стоят концептуальные единицы и структуры, обобщающие путем возведения к абсолютизирующему уровню - к статусу идеала, модели, принципа, нормы, качества – нравственный, моральный, эстетический, утилитарный, трансцендентально-целевой опыт человека и общества. Взятая с точки зрения эволюционной оценочной результативности в мыслительном дуализме отрицательного / положительного, аксиосфера обладает статусом разделенного общего знания / оценки и, как следствие, высокой убедительностью, предписательным, регламентирующим, а также и диагностирующим характером по отношению к прагматическим обстоятельствам коммуникации. К аксиосфере эксплицитно или не эксплицитно апеллирует говорящий. В дискурсе структурирование ценностного реализуется с опорой как на устойчивые знаки-аксиологемы, так и на знаки, опредмечивающие происходящую в дискурсе креативную **оценочную концептуализацию**, реализующуюся в траектории от концептуальной позиции говорящего и его интенциональности через стратегичность к дестинации в коммуникативном пространстве [6; 7] и обогащающую тем самым саму аксиосферу здесь и сейчас.

Обратимся к некоторым основным когнитивным параметрам ситуации жизненного мира человека, в которой отграничивается и семиотизируется оценочными операторами ценностное как важное, существенное, благое, достойное, полезное, прекрасное, уродливое и т. д.

Когнитивным механизмом конструирования ценностного в динамике траектории дискурса является интерпретативный механизм значимости. Данный механизм относится к сфере когнитивного идеального, который позволяет оперировать субъекту отношением к предмету осознания и осмысления и придаёт оценочное качество процессам концептуализации и категоризации. Механизм значимости ориентирует рефлекссию и интериоризацию (освоение и присвоение) актуально воспринимаемого и осмысляемого в сетке уже познанного и оцененного путем его перевода из мира реального в мир должного и желаемого, что приводит к выдвиганию, профилированию реперных точек в осмыслении предмета как значимого на фоне не значимого. Важно отметить, что данный когнитивный механизм значимости семиотизирован в языковых картинах мира знаком-именем. В разных

языках значимость представлена либо как сама ценность (фр. *valeur* англ. *Value*) либо как синоним самой ценности (русский яз.) [3; 7, с. 49-58].

Данные положения позволяют выдвинуть гипотезу об аксиологическом измерении дискурса, реализующегося в координатах апелляции к параметрам аксиосферы как устойчивого, разделённого знания/оценки и на основе когнитивного механизма значимости в текущем семиозисе. В статье ставится задача проследить лингвоаксиологическое измерение дискурса на материале репрезентативного текста/дискурса.

Подход к моделированию лингвоаксиологического анализа дискурса на основе апеллирования к координатам аксиосферы и механизма значимости в прагматическом контексте семиозиса обуславливает постановку целого комплекса исследовательских вопросов. Приведем перечень данного типа вопросов, не претендуя здесь на полный исчерпывающий характер такого списка:

– Как вписывается аксиологическое измерение в анализе траектории реализации дискурса?

– Какова аксиологическая установка говорящего в топикализации дискурса?

– Какого характера интенциональность имплицирована?

– Каков характер аксиологической стратегии в процессе концептуализации и аргументации выявляется?

– Каким «когнитивам» (номинативным и предикативным элементам медиатизируемого в коммуникации дискурса/текста) придаётся особая значимость? Как данные дискурсивные аксиологемы разрабатываются, специфицируются в контексте? Каким образом происходит оценивание?

– Какой аксиологический лексикон проявляется в дискурсе? Как он формулируется? Апеллирует ли говорящий напрямую к некоторым устойчивым ценностям аксиосферы?

– Какие ценностные ориентиры прослеживаются и конструируются таким образом в дискурсе?

– В чем состоит дестинация данного дискурса?

Обратимся к краткому лингвоаксиологическому анализу дискурса на репрезентативном примере речи академика А. В. Торкунова «Китай как пример для подражания», произнесенной на международном

диспуте о модернизационных процессах в современном мире и представленной в монографии «По дороге в будущее», изданной в Серии «Признанное» [8, с. 11-15].

Этап собственно лингвоаксиологического анализа предваряется установлением прагматической коммуникативной позиции (роли) говорящего в ситуации как одного из основных ограничителей феноменологии дискурса в с точки зрения интеракции, коммуникативных намерений говорящего, референциально-денотативной области топикализации. Коммуникативная позиция адресанта в синергии дискурса влияет на точку зрения как дискурсивную позицию говорящего и на оценку дискурса по параметру кредитibility и убедительности того, что говорится.

В нашем примере субъект дискурса имеет **коммуникативную позицию эксперта** по проблемно поставленной в дискуссии тематике, будучи известным ученым, специалистом в области международных отношений, ректором МГИМО. Данная значимая характеристика 1) позволяет отнести дискурс к экспертно-аналитической модели («жанру») в проблемной предметной области модернизации в более широком интер-дискурсе; 2) ограничивает и уточняет горизонт ожидания от данной речи как целенаправленного авторитетного вклада в решение вопросов по обозначенной в дискуссии проблематике; 3) ориентирует на понимание событийной мета-предназначенности (дестинации) данного дискурса, определяемой в момент или после завершения его траектории в коммуникации.

Выдвигая в качестве аттрактивного «топика» (предмета, опорного тематического момента дискурса) Китай, говорящий переносит его в рематической части заголовка, на основе механизма значимости, в идеализированную область «примера подражания». Тем самым определяется **аксиологическая установка дискурса** – показать, обосновать подход к опыту Китая как опыту ценному. В данной пропозиции прослеживается **интенциональность** дискурса – прояснить заданную проблематику модернизации и инноваций во фрагменте аксиосферы через призму Китая как «лучшей модели, примера для подражания». Интенциональность определяет, таким образом, точку зрения эксперта, организованную вокруг **концепта «успешный пример модернизации»**, как одну из дискурсивных позиций в данном коммуникативном пространстве, поскольку она ранжируется по от-

ношению к другим точкам зрения по отношениям согласия (солидарности), антагонизма или доминации.

Обратимся к определению аксиологической стратегии дискурса. Понятие «аксиологической стратегии» в языке введено А. Н. Барановым [2], который обосновывает положение о том, что аксиологические стратегии заложены в языке и реализуются посредством различного типа оценок.

С точки зрения динамики реализации дискурса, в его траектории, **аксиологическая стратегия** состоит в последовательной валоризации в ходе дискурсивизации аспектов выдвинутой темы, в данном случае темы Китая как примера модернизации, исходя из коммуникативной и дискурсивной позиций говорящего.

Под **валоризацией** понимается дискурсивная аксиологическая стратегия, состоящая в придании особой значимости предмету дискурса в различных его аспектах посредством совокупности аксиологем в контексте их формулирования и разработки в номинативных и пропозитивных структурах. При этом, очевидно, исходя из базового мыслительного когнитивного дуализма мышления человека, следует подразделить валоризацию на мейоративную валоризацию (возвышение по шкале позитивности) и пейоративную валоризацию (возвышение по шкале негативности).

Выделим наиболее важные моменты валоризации концепта, подчеркивая в приводимых фрагментах текста формулируемые аттракторы:

1. Аксиологическая локализация концепта в сфере большей значимости и выбор базовой фреймовой семантизации концепта – фрейма «способа действия».

Достигается путем оценочной проблемизации более общего фактора внешнеполитического обеспечения модернизации, введения в него когнитива «опыта действий Китая» через аттрактор «блестяще» и последующей аргументации сформулированной таким образом пропозитивной причинно-следственной оценочной структуры (значение внешнеполитического обеспечения модернизации – опыт действий Китая > блестяще), создающей коммуникативное событие.

Обеспечение внешнеполитических приоритетов и внешнеполитического обеспечения модернизации блестяще показал опыт Китая, который оказался в выигрыше даже в ходе последнего кризиса...

На уровне восприятия перцептивная семантика наречия «блестяще» переводит дискурсивизацию в более значимую сферу ценностного (фрагмент аксиосферы). Репрезентированный концепт понимается в концептуальной области яркого, незаурядного, выдающегося феномена, выделяющегося на фоне других – действующих посредственно и не эффективно. Апеллирует к ценности активности, эффективности способа действий при условии придания значимости указанному фактору еще большей значимости, т.е. путем мейоративной валоризации. В последующем развитии аксиологическая стратегия валоризирует последовательно компоненты базового ценностного фрейма «блестящего способа действия» – приоритеты, принципы, опорные ценности, тактики, цели, прогнозируемые результаты действия.

2. Профилирование приоритетов и принципов при планировании и реализации действия.

Приоритетам и принципам придается значение ценностных смыслов – аттракторов дискурса. Разработка концепта в сфере рационально-логического, закономерного, целенаправленного, требуемого – должного:

Затевая модернизацию, Пекин четко определил внешнеполитические приоритеты. Уже в самом начале реформ Дэн Сяопин потребовал, чтобы внешняя политика была подчинена исключительно интересам модернизации и обеспечивала мирное окружение и максимально весомое участие внешнего мира в развитии производительных сил Китая. Были сформулированы принципы. Во-первых, это мирное сосуществование с другими странами, вне зависимости от идеологического контекста....

Валоризация аттрактора «внешнеполитические приоритеты» происходит в контексте рассмотрения ценностей, норм поведения как сознательного выбора факторов полезных на фоне вредных для модернизации страны.

3. Прямое возведение действий Китая к признанным ценностям сферы модернизации в сравнительном или интенсифицирующем контексте:

И в конфликтных ситуациях Пекин демонстрировал и демонстрирует исключительный прагматизм...

Гибкость Китая сильно контрастирует с Японией...

4. Перевод концептуализации в сферу телеологического, модально-целевого, необходимого для выполнения на основе модальных операторов долженствования:

Китай должен преодолеть или отложить в сторону, так считает китайское руководство, все спорные проблемы с соседями, добиться ликвидации горячих точек вблизи границ.

Производится анализ действий Китая в прагматическом целевом плане.

5. Фокусирование внимания на тактиках действия, которые следует считать успешными в заданной при топикализации концептуально-оценочной рамке дискурса и, следовательно, представляемой точке зрения:

Китай заявляет, что он принадлежит и всегда будет принадлежать «третьему миру», будет поддерживать «третий мир» по широкому кругу вопросов...

Китай тесно сотрудничает с общинами соотечественников за рубежом.

Дипломатическая служба Китая участвует в формировании выгодной для внешних инвесторов конъюнктуры.

Валоризация «третьего мира» как аксиологемы-аттрактора, перевод дискурсивизации в сферу принадлежности к «третьему миру» показывает стратегию автора определить идентичность Китая во фрейме «третьего мира», что, безусловно, ранжирует данную позицию как антагонистическую к превалирующей позиции негативной оценки «третьего мира», как это можно судить по известному отрицательно-коннотативному потенциалу данной номинации.

6. Введение контрастного параметра в аксиологическую концептуальную рамку дискурса и раскрытие преимуществ «модели»:

Китайцы в отличие от нас живут категориями столетий... Китайцы скупают огромные африканские территории, которые они намерены использовать для выращивания продуктов и в технических целях. И нам надо тоже заглядывать хоть чуть-чуть вперед.

Соотносит напрямую дискурс с горизонтом ожидания в коммуникативном пространстве; эксплицирует дестинаторность дискурса.

7. Формулирование концептуальной выводной аксиологемы как решения проблемы и ее валидация на основе аргументации аксиологических пропозиций. Соотносится с дестинаций дискурса. Данный шаг в реализации аксиологической стратегии носит проецирующий, модально-целевой характер, конструируется в векторе от мира реального к миру должного и желаемого в рассматриваемой предметной области, референтом которой выступают реальные состояния, факты, ситуации, события, тенденции.

Формулируется целевая диалектическая аксиологема, креативная семиотически: **динамическая стабильность**. Степень компрессированности смысла, интеллектуальная ценность афористической формулы позволяют считать данную аксиологему ключевым аттрактором дискурса. Валидация выводной аксиологемы реализуется через «вопросание и ответственание» как способов оценочной концептуализации в жанре дискуссии по проблемно сформулированной теме:

Что Россия могла бы желать от международного контекста? Это неприемлемость сценариев военно-политических конфронтаций, напряженности или приближения к такому состоянию. Нам нужна международная экономическая и политическая стабильность, но стабильность не статическая, а стабильность динамическая, с положительным вектором динамики. Необходима бесконфликтная, российскоцентрическая консолидация постсоветских региональных пространств. Учитесь соотносить наши желания с нашими возможностями...

Как видим из текста, валоризация опыта Китая сочетается в данном случае с пейоративной валоризацией некоторых важных аспектов действий России – базовым объектом дискуссии, что, безусловно, создаёт критический фон для данной позиции по отношению к другим позициям в коммуникативном пространстве.

Дестинация данного дискурса состоит в том, что он служит апеллятивным знаком, знаком-призывом к учету и использованию опыта Китая в сфере модернизации, которая априорно представлена как аксиологический целевой концепт и аксиологическая сфера современного общества мира должного и желаемого. Истинным адресатом на фоне потенциального социального адресата и непосредственного адресата – слушателей речи, дестинатором данного текста в широком коммуникативном пространстве, взятом в его открытости и интер-

дискурсивности, являются социально и политически ответственные лица, в компетенцию которых входит реализация процессов модернизации.

Элементом дестинации дискурса является также его вклад в интерпретацию «оспариваемого» концепта модернизации общества путём его перевода в концептуальную сферу внеполитической деятельности и, как следствие, обогащение и разъяснение данного концепта посредством системы обоснованных в дискурсе аттракторов. В целом, наблюдается холистичность рассмотренного субъектного видения модернизации общества, структурированного на ценностных основаниях дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
2. *Баранов А. Н.* Аксиологические стратегии в структуре языка (паремнология и лексика) // Вопросы языкознания. – 1989. – № 3. – С. 74-90/
3. *Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф.* Диахроническая семиметрия французского слова *la valeur* // Лингвистика и аксиология. Этносемиметрия ценностных смыслов. – М. : Тезурус, 2011. – С. 49-58.
4. *Ильин В. В.* Аксиология. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2005. – 317 с.
5. *Карасик В. И.* Аксиологическая лингвистика: концепты и дискурс // Германистика в России. Традиции и перспективы. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2004. – С.28-32.
6. *Плотникова Е. Ф., Серебренникова Е. Ф.* Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия, технология // Вестник ИГЛУ. – Иркутск. – 2013. – № 1. – С. 183-189.
7. *Серебренникова Е. Ф.* Ключевые понятия лингвистического аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология. Этносемиметрия ценностных смыслов. – М. : Тезурус, 2011. – С. 7-27.
8. *Торкунов А. В.* По дороге в будущее. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 476 с. – (Признанные).

УДК 81

О. А. Соколова

аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГЛУ ЕАЛИ;
e-mail: olsokol.iraero@gmail.com

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ДВИЖЕНИЯ ПО КРУГУ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕНТАЛЬНОЙ СФЕРЫ

В статье выявляется ряд метафорических моделей движения по кругу в репрезентации ментальной сферы. Анализируются основные характеристики глаголов кругового движения, выявляются категориальные признаки ментального процесса/действия/состояния, исследуются синтаксические конструкции в зависимости от профилирования признаков: агентивности/неагентивности.

Ключевые слова: ментальное пространство; ментальное действие; ментальный процесс; ментальное состояние; когниция; метафорическая модель.

Sokolova O. A.

Post-Graduate Student, MSLU EALI; e-mail: olsokol.iraero@gmail.com

THE METAPHORIC MODEL OF MOTION IN A CIRCLE IN REPRESENTING THE MENTAL SPHERE

Metaphorical models of circular movement in mental space are analyzed in the article. The main characteristics of verbs of circular movement are brought to light. Classification of language material is made according to the following characteristics: agent/patient and process/action/condition.

Keywords: mental space; mental action; mental process; mental condition; cognition; metaphorical model.

Ментальное пространство – это ненаблюдаемая область человеческого мышления, судить о которой мы можем только сквозь призму языка и по аналогии с пространством, данным в непосредственных ощущениях. Ментальное пространство, вслед за Н. Н. Болдыревым, понимается нами как «мыслительная область, область концептуализации, которая может охватить наше понимание реальных ситуаций, прошлого и будущего, гипотетические ситуации и ситуации возможных миров, абстрактные категории» [3, с. 43]. Согласно утверждению В. Г. Гака, «мышление представляет собой процесс и как всякий процесс предполагает такие компоненты, как субъект, сам процесс, объект, второй объект (бенефициент), место, орудие, характеристика процесса, временной параметр» [5, с. 24]. В. Г. Егорова выделяет до-

полнительные параметры мыслительного процесса: субъект, объект, оценка объекта, характер протекания мыслительного процесса, временная отнесенность, причина, цель, результат [8, с. 7]. Языковое выражение параметров ментального процесса реализуется посредством ментальных имен, категоризованных следующим образом: 1) номинации ментальных предикатов (*знание, понимание, осознание*); 2) имена содержаний ментальных состояний (*мнение, предположение, сомнение, впечатление*); 3) имена результатов ментальных действий (*решение, изобретение, план*); 4) имена инструментов ментальных действий (*воображение, память, разум*) [9, с. 95]. В ходе анализа языкового материала мы опираемся на категоризацию глаголов Н. Н. Болдырева, в которой выделяются: 1) акциональные глаголы – глаголы конкретного физического действия, акциональность глагола зависит от реализации категориальных признаков активности, волитивности и контролируемости; 2) процессуальные глаголы, которые характеризуются псевдо-активностью субъекта и чаще всего безобъектны, а процессуальность имеет аспектуальные признаки длительности и постепенности; 3) глаголы свойства (квалификативные глаголы), предполагающие активность субъекта лишь гипотетически, в обобщенном виде (генерализованная активность) [3, с. 46].

По определению Е. В. Падучевой, «агнс – тот, кто делает нечто с определенной целью; пациенс – то, что подвергается воздействию» [10, с. 32]. Согласно утверждению Н. Д. Арутюновой, «в концепте действия человек выступает в роли агенса сознательной деятельности. Если судьба предопределяет человеческую жизнь, то действие ее создает. Первая не терпит выбора, второму предшествует выбор цели» [1, с. 4]. Идея ментального действия связана с концептом физического действия, признаками которого являются целенаправленность, наличие действующего субъекта и объекта воздействия. Таким образом, представляется возможным категоризовать конструкции, вербализующие идею кругового движения в ментальном пространстве по признакам ‘действие’, ‘процесс’ или ‘состояние’, а также ‘агентивность/неагентивность’ и ‘субъектность/объектность’.

Объектом настоящего исследования является подкласс глаголов физического действия, которые развивают ментальные значения в ходе семантической деривации, суть которой заключается, как подчеркивает Е. В. Падучева, в переносе семантических признаков ряда

глаголов на смежный ряд, принадлежащий к ментальному пространству, и этот сдвиг обусловлен механизмом деривации, категориальным сдвигом и сдвигом фокуса внимания, реализацией которого выступает метафора и метонимия [10, с. 33]. В процессе метафоризации сознание анализирует ментальную проекцию физического объекта, структурируя ее по образцу источника [27]. Перенос признаков из сферы источника в сферу цели позволяет осмыслить непредметную область, каковой является человеческое сознание, подобно тому, как организована окружающая человека материальная реальность. На основании теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, ранее нами были выявлены когнитивные метафорические модели, позволяющие представить разнообразные сущностные характеристики сферы сознания: модели перцептивных метафор [19]; пространственные метафоры [17]; метафоры движения [18].

Модель движения в физическом пространстве включает следующие основные признаки: направление, скорость, характер (прерывистость/непрерывность, плавность/резкость), трасса (путь), цель, и др. Согласно общепринятому в физике определению, движение тела по окружности является частным случаем криволинейного движения. Исследования глаголов с семантикой движения по кругу дают представление о языковой модели кругового движения, включающей следующие семантические компоненты: траектория, движущийся субъект, ориентир, ось вращения (внутренняя и внешняя), а также контролируемость/неконтролируемость движения [12, с. 241]. Результаты исследования, проведенного Йириной ван Лейвен-Турновцовой, свидетельствуют о том, что в общественном сознании существует положительная коннотация движения по прямой, и негативная для криволинейного и кругового движения: «Динамический концепт непрямого (не целенаправленного) движения рассматривается и оценивается как симптом своеволия, бесконтрольности и отказа от порядка (АНТИНОРМЫ). Параллельно с этим происходит семиотизация ПРЯМОГО и ВЫПРЯМЛЕНИЯ как атрибутов и основ правильного, целенаправленного ПОРЯДКА, НОРМЫ и КУЛЬТУРЫ. <...> Чем больше и более ценимых видов культурной деятельности опирается на ПРЯМОЕ и на различного рода ВЫПРЯМЛЕНИЕ непрямого, тем позитивнее воспринимаются эти категории и тем негативнее комплекс КРИВОГО и ВРАЩЕНИЯ. Чем доминантнее линейризация

культурного процесса, тем большую культурную непрерывность оно создает, тем статичнее становится КУЛЬТУРА, тем негативнее воспринимается феномен ДВИЖЕНИЯ, тем однозначнее он связывается с АНТИКУЛЬТУРОЙ» [4, с. 366]. В своем исследовании автор противопоставляет криволинейное движение линейной и упорядоченной статике, которая приравнивается к культуре, в то время как криволинейное движение приравнивается к хаосу.

Концепт КРУГ может быть представлен как со статической, так и с динамической точки зрения. Статический концепт «круг» в метафорическом воплощении чаще всего предстает в виде абстрактной образ-схемы, отражающей такие реалии, как *колесо, шар, солнце, кольцо*, и т.д., которая «воспринимается сознанием человека как замкнутая линия, как граница, отделяющая одну часть пространства от другой, как идеальная зрительная конфигурация, как трасса движения, как соотношение центра и периферии, и т. д.» [13, с. 50]. Исследователь выделяет несколько образ-схем концепта «круг»: 1) идеальная зрительная конфигурация (геометрический круг, солнце, кольцо); 2) замкнутость (стена вокруг города, магический круг); 3) траектория движения (движение спортсменов по стадиону); 4) соотношение центра и периферии (плод с сердцевинкой) [14, с. 159], в то время, как в рамках статической модели концепта «круг» актуализируются всего три смысла: «внешнее пространство», «внутреннее пространство» и «замкнутая граница» [15, с. 89].

Динамический аспект концепта КРУГ представляет окружность не готовой формой, а динамической, становящейся, основными элементами которой являются центр и вращение. Динамический образ замкнутости (круг, окружность) в ментальности актуализирует смыслы «возврата в исходную точку, бесконечного вращения и невозможности сойти с круга» [15, с. 88].

В физическом мире круговому движению и замкнутости «противостоит пространственная бесконечность и прямолинейное движение, что подчеркивается употреблением слов соответствующей семантики» [6, с. 423]. В исследуемом нами языковом материале была выделена группа глаголов с семантикой кругового движения, что подтверждается словарными дефинициями: *to circle – to move in a circle, to draw a circle line around something* [24], *to whirl, to spin, to circulate, to swirl, to roll*. В исследуемую группу глаголов включены

также глаголы со значением поворота, изменения направления движения: to turn – to move or make something move around a central point [24.]. Семантику кругового движения реализуют словосочетания to switch back, to swing back, to turn over и to run another way. Круговое движение входит в семантику некоторых существительных: circle – a completely round flat shape; tornado – a violent storm with very strong winds, which can move in a circle [24]; maelstrom – a very strong current of water that moves in circles [24]; loop – a shape like a curve or circle made by a line curving right round and crossing itself [24]. Анализ словарных дефиниций позволяет выявить общие базовые смысловые компоненты ‘circle’, ‘to move around a center’, ‘to make repeated turns’, которые актуализируют идею кругового движения. Круговое движение в физическом мире являет собой повторяющиеся вращательные движения некоего субъекта или объекта вокруг оси или точки в центре окружности, по некоей траектории или орбите.

В ментальном пространстве метафорическая модель перемещений представляется в виде схемы «субъект – движение – локус» [7, с. 230]. Смысловые компоненты метафорической модели включают локус как локальный пространственный ориентир, исходную и конечную точки и траекторию, по которой осуществляется движение, ср.: No *destination in mind* [21, p. 132]; *His thoughts were running another way* [25, p. 36]. В первом примере *destination* репрезентирует локус, во втором примере существительное *thoughts* выступает в роли субъекта, а *way* – вербализует трассу движения. Концепт трассы, траектории или пути является неотъемлемой частью концепта ДВИЖЕНИЕ применительно к ментальной сфере человека: «концепт пути как целенаправленного движения, играет большую роль применительно не только к жизни человека, но и к его ментальным действиям и движениям, поскольку и они целенаправленны» [2, с. 16].

Концептуализация движения по кругу в ментальном пространстве подразумевает совпадение начального и конечного пространственных локусов и замкнутость траектории перемещения. Представляется, что движение по кругу в ментальном пространстве не является бесцельным, т. к. его целью будет либо выход в прямолинейное движение, либо достижение цели внутри окружности. В языковом материале наблюдаются признаки циклического движения в ограниченном пространстве по заданной траектории объекта либо субъекта когниции, в

то время как точный локус не может быть установлен. В тех случаях, когда субъект по каким-то причинам не может продолжать движение ни вперед, ни назад, очевидно его «застревание» на этапе поворота, т.е. субъект начинает «вращаться» вокруг какого-то центра, совершать круговые движения, ср.:

*His mind, as if magnetized again by his speech, seemed to **circle slowly round and round** its new centre [21, p. 14]; He gave me the impression that he was repeating something which he had learned by heart or that, magnetized by some words of his own speech, his **mind was slowly circling round and round in the same orbit** [21].*

Как отмечает Е. А. Соловьева, концепт MIND обладает способностью репрезентировать такую объемную область знания, как концепт ЧЕЛОВЕК посредством активизации конвенциональной метонимической модели ЧАСТЬ (MIND) → ЦЕЛОЕ (ЧЕЛОВЕК) [20, с. 6]. В связи с этим, метонимическим способом представления субъекта является mind как мыслящая часть субъекта. В данном примере повторяющиеся круговые движения вокруг смыслового центра, совершаемые сознанием независимо от воли говорящего, репрезентируют ментальный процесс сосредоточения сознания, фокусирования внимания на каком-то отдельном аспекте. В приведенных примерах выше можно наблюдать, как сознание как бы приобретает признаки агентивности, совершая повторяющиеся круговые движения вокруг некой внешней оси без непосредственного участия персонажа, который как бы «наблюдает со стороны» за процессом, происходящим с его «вращающимся сознанием». Здесь в позиции грамматического субъекта выступают ментальные сущности. Круговое движение может происходить с самим сознанием, разумом целиком:

*I shut the bra drawer, open another at random, and stare at three rows of rolled-up tights, my **mind whirling** [26, p. 189]; I draw away, my **mind spinning like a kaleidoscope** [26, p. 283].*

Как явствует из примеров, наблюдающий (I) концептуализирует как неактивный субъект, а агентивные признаки приписываются ментальной сущности – сознанию. Осмысление ситуаций, в которых мысли или разум самостоятельно совершают многократные вращательные движения без видимого участия пассивно наблюдающего субъекта, реализуется посредством метафорической модели круго-

вого движения. Данная модель репрезентирует напряженный мыслительный процесс, в ходе которого сознанию или содержанию сознания (мыслям) приходится совершать энергичные круговые движения, чтобы обработать информацию и принять важное решение, ср.:

*I sit perfectly still for a moment, letting my **thoughts swirl around** [26, p. 186]; **Thoughts are circling around** my head like socks in a dryer [26, p. 9]; **Thoughts are spinning wildly around** in my head as I shove open the door to the stairs and clatter down [26, p. 161].*

Мысль, идея, вопрос или иное ментальное понятие метафорически концептуализуется как совершающее круговое движение в случаях, когда сознание независимо от воли субъекта «возвращается» снова и снова к одному и тому же образу, к той же проблеме, требующей решения:

*Even as my **thoughts turned again and again** to the five people I knew pretty well who were frozen dead on Everest [28, p. 101]; There's the tiredness, the itineraries, the loneliness, the **thoughts** – always the same ones **turning over and over** [22, p. 81].*

В приведенных примерах мысли как бы сами возвращались к тому, о чем субъект не мог забыть. Вращение вокруг оси с невозможностью продолжить движение по прямой траектории репрезентирует необходимость многократного возвращения к одной и той же проблеме с целью ее разрешения, освобождения. Длительность и повторяемость многократно совершаемых действий позволяют считать данную модель характерной для ментального процесса. Некая помеха или препятствие движению по прямой (к цели) или к центру окружности (к сути, к пониманию) в ментальной сфере как бы «запускает» повторяющиеся, циклические круговые движения субъекта. Н. К. Рябцева, исследуя концептуализацию преграды, препятствия в ментальном пространстве, отмечает, что представления о препятствии происходит в процессе установления того, что порождает непонимание, вызывает неясность, влечет ошибки и искажения в восприятии, рассуждении и изложении (порочный круг в рассуждениях, ходить вокруг да около, клубок проблем и т. д.)» [16, с. 124]. И. В. Пашкова отмечает, что в выражении «ходить вокруг да около» (go around the houses) актуализируется признак «отсутствие движения к центру», то есть к сути [11, с. 90]. Преодоление препятствия позволяет достигнуть цели, ко-

торая находится в любой точке пространства вне окружности, либо в центре окружности (суть). В анализируемом языковом материале представляется возможным выделить три признака модели кругового движения в ментальном пространстве: 1) невозможность продолжить движение по прямой, 2) невозможность движения к центру окружности/сферы (к сути, к пониманию), 3) поворот, изменение траектории движения.

Следующий языковой пример дает возможность рассматривать мысль, как некую субстанцию, способную покинуть сознание, разум. Мысль может совершать движения вокруг головы, и даже «путешествовать»:

None of them speaks. I can almost see the thought-bubbles travelling between them. But I can't read thought bubbles anymore; I'm out of the loop [26, p. 162].

В данном примере мысль предстает независимой материей, которая может самостоятельно выбирать маршруты и направления движения, не подчиняясь разуму. Однако семантика существительного loop 'круг, образованный изогнутой линией' позволяет осмыслять ситуации, в которых речь идет о движении ментальных субъектов по кругу по определенной, хотя и внешней, орбите.

Агентивность субъекта противопоставляется его пассивности в позиции стороннего наблюдателя. Сознательно ставя себя в позицию контролирующего субъекта, человек получает возможность совершать ментальные действия, ср.:

He turned the question over and over in his mind and could find no answer [21, p. 295]; *In other ways his gift promised more and more as he turned it over in his mind* [24, p. 528].

В приведенных примерах совершаемые субъектом действия имеют признаки модели многократного кругового движения. В следующем примере субъект мысленно «катает» объект в виде имени человека по внутреннему пространству своей головы, ср.:

Eric. I'm rolling the name around my head experimentally [26, p. 47].

Акциональный глагол *to roll* имеет семантику вращения в контакте с плоскостью, образ качения объекта по кругу метафорически репрезентирует процесс вспоминания, и это осмысление происходит по

аналогии с физическим пространством, что позволяет сделать вывод о представлении ментального процесса целенаправленного воспоминания путем поиска ассоциативных связей.

Модель вращения вокруг внутренней оси (поворот, оборот вокруг своей оси) может быть проиллюстрирована следующими примерами:

*When me and Bill Bassett was left alone I did a little **sleight-of-mind turn in my head** with a trade secret at the end of it [21, p.191]; I had thought it might **turn his mind toward religion**, but while he has accepted the ministrations of his Church, I fear it is without the sincere repentance of a Christian [21, p. 312]; Swiftly again his **thoughts turned to** a nervous tearful being, with greenish heavy eyes, who had poisoned his days with all manner of evil humours [21, p. 410]; At length **his mind turned again to cautious experiments** [21, p. 528].*

Поворот мы включаем в модель кругового движения, хотя он и не несет семы повтора, непрерывности и завершенности. Поворот вокруг своей оси может быть неполным, и зачастую призван обозначить изменение траектории движения мысли или сознания человека, ситуацию выбора, осмысления или вспоминания, возвращения к некому событию. Идея поворота заключается в изменении траектории по направлению к новому локусу (изменение течения мыслей, поворот сознания и т. п.). Первый пример репрезентирует агентивное осознанное действие субъекта, который сам мысленно совершает поворот сознания, замыслив некую ловкую схему, чтобы проучить соперника. Тем самым субъект совершает активное ментальное действие. В остальных примерах поворот совершают мысли или сознание, в то время как субъект снова оказывается в позиции наблюдателя за ментальным процессом неконтролируемого поворота к различным объектам внимания человека. Поворот, т.е. совершение неполного оборота вокруг своей оси, не предполагает непрерывности движения или соблюдения особой траектории или орбиты. Данная модель призвана подчеркнуть некое изменение, перемену, поворотный момент либо ситуацию вспоминания, ср.:

*Like gears engaging, his **mind swung back** to practical concerns [23, p. 220]; **Switching his thoughts back**, Howden said gloomily, "I was afraid there would be soon." [23].*

В данных примерах мы наблюдаем не только модель поворота, но также движение в обратном направлении, о чем можно судить по

лексеме *back*, которая конкретно указывает направление движения назад. В первом примере движение неконтролируемо субъектом, он является наблюдателем. Во втором примере, напротив, имеет место агентивность и целенаправленность поворота субъектом своих мыслей в обратном направлении.

Ментальное состояние (свойство) имеет категориальные признаки статичности, отсутствия видимой динамики, либо заострение внимания на сходстве с неким масштабным явлением. Как отмечает Н. Н. Болдырев, «основным прототипическим субъектно-ориентированным признаком категориального значения свойства следует считать признак генерализованной активности» [3, с. 53]. В нижеприведенных примерах явления ментального пространства метафорически концептуализируются как природные явления, ср.:

*My theory is that if I lie still enough, maybe the **maelstrom of my mind** will calm down and everything will fall neatly into place* [26, p. 185]; *His **mind** was a **tornado of perplexity**, he was himself inclined to agree with them* [21, p. 526].

В примерах сознание сравнивается с водоворотом и торнадо, что репрезентирует концепт кругового движения в ментальном пространстве по аналогии с природным явлением. Такая номинация присваивает сознанию признаки данных физических явлений, делая модель статичной и устойчивой, поэтому здесь «водоворот/торнадо» сознания относится к ментальному состоянию, но не к действию, и не к процессу.

Итак, анализ языковых примеров позволил выделить метафорические модели кругового движения, посредством которых репрезентируются ментальные процессы вспоминания, поиска решения проблемы, принятия решения; ментальные состояния осмысления проблемы и ментальные действия с различными семантико-синтаксическими параметрами. Выявлены модели с категориальными признаками ментальных действий, ментальных процессов, ментальных состояний. Языковой материал свидетельствует о том, что в метафорической модели кругового движения сознание либо субъект не просто «двигаются» по замкнутой траектории, но и приобретают при этом определенный репрезентативный опыт позитивного либо негативного характера, следовательно, круговое движение может быть сопряжено с прогрессом либо регрессом. Изучение метафорической

концептуализации ментальной сферы позволяет выявить общие механизмы и признаки репрезентации абстрактных концептов в языковой картине внутреннего мира человека на основании базовых принципов перцепции, расположения и движения в физическом пространстве окружающего мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Введение. Логический анализ языка. Ментальные действия / отв. ред. Н. Д. Арутюнова // РАН. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1993. – С. 3 – 6.
2. Арутюнова Н. Д. Путь по дороге и бездорожью // Логический анализ языка. Языки динамического мира / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. – Дубна : Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. – С 3-17.
3. Болдырев Н. Н. Перекатегоризация глагола как способ формирования смысла высказывания // Известия АН. Сер. литературы и языка. – 2001. – № 2, т. 60. – С. 40-55.
4. Ван Лейвен-Турновоцова Й. Динамическое и статическое на фоне противопоставления иррационального и рационального // Логический анализ языка. Языки динамического мира / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. – Дубна : Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. – С. 360 – 375.
5. Гак В. Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. Ментальные действия / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1993. – С. 22-29.
6. Дмитриевская М. А. Противопоставление кругового и прямолинейного движения у А. Платонова // Логический анализ языка. Языки динамического мира / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. – Дубна : Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. – С. 423-430.
7. Долгова И. А. Метафорическая модель перемещения в пространстве как средство характеристики жизни и деятельности человека: дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2008. – 243 с.
8. Егорова В. Г. Когнитивно-дискурсивные особенности английских фразовых глаголов концептуальной области «умственная деятельность»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 27 с.
9. Кобозева И. М. Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка. Ментальные действия / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. РАН. Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1993. – С. 95-104.
10. Падучева Е. В. Глаголы создания образа: лексическое значение и семантическая деривация // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 30-46.

11. Пашикова И. В. Геометрическая метафора в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2013. – 163 с.
12. Рахилин Е. В., Кругляков В. А. Глаголы вращения: лексическая типология // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – 2010. – Вып. 9 (16). – С. 241-247.
13. Резникова, Е. В. Концепт «круг»: аспект замкнутости и его семантическое воплощение в русском языке // Вестник СамГУ. – 2013. – № 5 (106). – С. 85-90.
14. Резникова Е. В. Образ-схема как модель осмысления денотата и модель семантического развития слов, репрезентирующих его образ (на примере образ-схемы «конфигурация круга») // Вестник СамГУ. – 2015. – № 1 (123). – С. 49-57.
15. Резникова Е. В. Образ-схема «центр – периферия» в аспекте регулярной многозначности // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. – Т. 7. – № 1. – С. 158-168.
16. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. – Ин-т языкознания РАН. – М. : Academia, 2005. – 640 с.
17. Соколова О. А. Метафора контейнера в концептуализации ментальной сферы человека [Электронный ресурс] // Magister Dixit: сб. науч. ст. магистрантов. – 2011. – URL : <http://md.islu.ru/ru/journal/1>.
18. Соколова О. А. К вопросу о метафорической концептуализации ментальной деятельности в английской языковой картине мира [Электронный ресурс] // Magister Dixit: научно-педагогический журнал Восточной Сибири № 2 (14). – Иркутск: ЕАЛИ МГЛУ, 2014. – С. 41 – 51. URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-metaforicheskoy-kontseptualizatsii-mentalnoy-deyatelnosti-v-angliyskoy-yazykovoy-kartine-mira>.
19. Соколова О. А. Метафора физического действия в репрезентации ментальных состояний // Проблемы устойчивого развития гуманитарных и естественных наук: аспирантские чтения 2015 (г. Иркутск, 14-15 мая 2015 г.): сб. науч. ст. [Электронный ресурс]. – Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – 325 с. URL : http://www.islu.ru/files/rar/annotation/problemny_ustoychivogo_razvitiya_gumanitarnyh_i_estestvennyh_nauk_0.pdf.
20. Соловьева Е. А. Концепты Heart / Mind / Soul в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2005. – 24 с.
21. *50 Great Short Stories* / Ed. by Milton Crane. – Toronto, New York : Bantam Books, 1983. – 470 с.
22. *Gavalda A. I Wish Someone Were Waiting For Me Somewhere and Someone I loved* / translated from the French by Karen L. Marker and Catherine Evans. – Vintage Books : London. – 343 p.
23. *Hailey Arthur. In High Places.* – New York: Barkley Books, 2001. – 534 p.

24. *Patterson J. and Charbonnet G.* Sundays at Tiffany's. – Arrow Books: London. – 309 p.
25. *Kinsella Sophie.* Remember me? – Black Swan: London, 2008. – 444 p.
26. *Lakoff G.* Metaphors We Live by [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 276 p.
27. *Weather, Beck.* Left for Dead. My Journey Home from Everest. – Memoir. – New York, 2001. – 344 p.

УДК 81.26

А. Г. Хлебодарова

специалист по учебно-методической работе кафедры педагогики и лингводидактики МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: uventa2008@yandex.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ДОМИНАНТ ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ДИСКУРСА МЕЧТЫ В БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРАХ

Настоящая статья посвящена выявлению ценностных доминант личностно-ориентированного дискурса мечты в британской и американской культурах. Использование метода этносемиотрического аксиологического анализа позволило установить, что в указанном дискурсе тематизируются концепты, объективирующие ценности, значимые как для конкретного индивида, так и для всего общества, от лица которого говорящий выражает мечту.

Ключевые слова: концепт; ценности; ценностные доминанты; этносемиотрический аксиологический анализ; дискурс; принцип достаточной репрезентативности; принцип фрактальности; принцип внутридискурсивной аксиологической референции.

A. G. Khlebodarova

Specialist, MSLU ELI; e-mail: uventa2008@yandex.ru

UPDATING OF THE PERSONAL DREAM DISCOURSE VALUABLE DOMINANTS IN BRITISH AND AMERICAN CULTURES

The present article is devoted to identification of valuable dominants in personal dream discourse in British and American cultures. Ethnosemiometrical axiological analysis gives an opportunity to establish that personal dream discourse contains concepts that reflect values, significant for the certain individual and for the society on whose behalf the speaker expresses the dream.

Key words: concept; value; value dominants; ethnosemiometrical axiological analysis; discourse; principle of sufficient representativeness; fractality principle; principle of inner discourse axiological reference.

Каждая культура представляет собой сложную систему ценностей, которая находит проявление в деятельности ее носителей. Благодаря этой системе обеспечивается целостность данной культуры, ее особенный, своеобразный облик, необходимая степень порядка и предсказуемости.

Согласно философскому определению, ценности – это указания на личностное, социальное и культурное значение определенных объек-

тов и явлений, отсылающие к миру должного, целевого, смысловому основанию. Ценностью задают одну из возможных предельных рамок социокультурной активности человека. Ценности трактуются как порождаемые культурой и (или) задаваемые трансцендентно содержания, вплетаемые в изменчивое многообразие социальной жизни как ее инварианты, позволяющие связывать разные временные модусы (прошлое, настоящее, будущее); семиотизировать пространство человеческой жизни, наделяя все элементы в нем аксиологической значимостью; задавать системы приоритетов, способы социального признания, критерии оценок; строить сложные и многоуровневые системы ориентации в мире; обосновывать смыслы [2, с. 998]. Под ценностями понимают также «сложные, определенным образом сгруппированные принципы, придающие стройность и направленность разнообразным мотивам человеческого мышления и деятельности в ходе решения общих человеческих проблем» [7, р. 157].

Поскольку ценности существуют не хаотично, они определенным образом упорядочены по отношению друг к другу [4, с. 45], то в каждой культуре складывается своя система ценностей, отражающая ее специфическое положение в мире, находящая реализацию в дискурсе в виде ценностных концептов. Необходимо отметить, что ценностные концепты актуализируются как в лично-ориентированном дискурсе, так и в публичном, социально-ориентированном, дискурсе, имеющем общественную значимость. И в том, и в другом случае, ценностные концепты находят свое выражение. Постигая ценностные концепты, человек опирается на сложившиеся в его культуре традиции, нормы, обычаи и формирует систему основополагающих и общепринятых ценностных смыслов, характеризующих его как принадлежащего к той или иной культуре и служащих ему подспорьем, руководством в жизни.

Бесспорный интерес играют те концепты, которые представляют собой своеобразные «ключи» для понимания той или иной культуры, ее условий жизни, стереотипов и норм. А. Вежбицкая считает ключевыми концепты «*Ordnung*», «*Befehl*», «*Angst*» для немецкой культуры; «*Freedom*», «*Privacy*», «*Enterprise*» для американской культуры [1, с. 22]. С. Г. Тер-Минасова приводит результаты лингвокультурологического эксперимента, согласно которому современная жизнь в США характеризуется следующими концептами: «*Freedom*»,

«Wealth», «Money», «Business», «Power», «Independence», «Justice», «Car», «Dollar», «Job», «Houses» и др. [6, с. 112-114]. Подобные исследования подтверждают, что ценностные концепты выступают основой существования идеологии, обычаев, нравов, стереотипов поведения, ведущих к объединению социокультурного общества.

В рассматриваемом нами дискурсе мечты в британской и американской культурах также находят отражение присущие этим культурам ценностные концепты, которые раскрывают смысл дискурса с точки зрения самого содержания процесса мечтания. В личностно-ориентированном дискурсе мечты, в котором участники общения стремятся раскрыть свой внутренний мир адресату и показать себя адресату как личность во всем многообразии своих личностных характеристик [3, с. 239], актуализируются ценностные концепты, имеющие отношение к индивидуальному опыту представителей британской и американской культур, их личностным смыслам и ориентирам. Данные концепты выявляются нами на основе метода этносемиотрического аксиологического анализа, предложенного Е. Ф. Серебренниковой.

Согласно данному подходу, всякий дискурс представляет собой не только определенный способ содержательного выражения образующего его дискурсивного концепта, но данный дискурсивный концепт рассматривается как аксиологически нагруженный [5, с. 41]. Е. Ф. Серебренникова выделяет следующие принципы: Принцип явно или не явно декларируемого ценностного отношения; Принцип внутридискурсивной аксиологической референции; Принцип герменевтичности в выведении значимых смыслов; Принцип достаточной репрезентативности; Принцип фрактальности. Исходя из этих принципов выделяются три возможных направления анализа. Первое направление заключается в анализе языковой (системной) идиоматики отдельных слов и выражений как потенциальных имен концептов, конвенционально относящихся к средствам номинации оценочного отношения, оценки и образующей аксиологическое лексико-семантическое поле языка. Второе направление анализа сосредоточено на текстах-источниках, в которых в явной форме либо выражено собственно оценочное суждение, либо смыслообразование интенционально, тематически (маркировано оценочной лексикой) и аргументативно (логически и имплицитно) выстроено как структурирование оценочного отношения. Суть третьего направления заключается в анализе неяв-

ных оценочных текстов-источников; выведение глубинного ценностного обоснования текста-источника как дискурсивного пространства валоризации возможно, если рассматривать высказывание через призму смыслообразования и составляющих его речемыслительных операций субъективации, в том числе персонализации, предикации и т. д. [5, с. 41-45]. Таким образом, подобный анализ может использоваться для выведения ценностных концептов дискурса, в том числе и дискурса мечты, что позволяет составить определенное представление о культуре и ее носителях. Для того, чтобы проследить, как перечисленные выше принципы находят свое проявление в дискурсе мечты, рассмотрим следующий пример:

I dream I wake up living in New York. I'd like to live in a beautiful white mansion with huge windows, a piano, lots of mirrors and stairs, candlelight and pillows, waterfalls and pools, flowers and palm trees. I also have a big dream. I dream to sing and perform on Broadway as a full time career and give people pleasure. After listening to one specific famous singer who sang so beautifully, I dream to sing just like him and make people's hearts feel moved, just like how he did for me. And then, one day, I dream to sing with this singer, even if it's only one time, just once, together on stage. This is why I dream to become a singer. My next dream is to find my true love and get married one day in a romantic and beautiful ceremony, to be able to share wonderful moments with my husband and to live happily with him for a long time. And I want to have a gorgeous, dark and beautiful, soulful and spiritual, gentle and kind person who really finds his way to my soul, every day. Also I dream to become healthy, fit and happy. I dream of being recognized as a classy, sophisticated, self-confident, and intelligent woman who is a strong leader, visionary and decision maker. I dream of being in the top management (perhaps CEO) levels of a Fortune 500 company. I dream of being a woman who breaks into the top ranks of businesses (which are predominately boys only). I dream of success [11].

В данном примере наблюдается реализация принципа явной интрадискурсивной аксиологической референции. Дискурс мечтающей строится вокруг референтов, соответствующих желаемым ею объектам. Референты, на которые направлено сознание мечтающей, выдвигаются на первый план, указывая на ее ценности, и выражаются оценочной лексикой. Референты, относящиеся к домашнему уюту, указывают, что сознание девушки направлено на концепт «Comfort» – она, как и большинство представителей британской и американской

культур, мечтает о комфортной жизни. Мечтающая акцентирует внимание на объектах описываемого ею будущего места жительства: *white mansion, huge windows, piano, lots of mirrors and stairs, candle-light and pillows, waterfalls and pools, flowers and palm trees*. Не менее важным в дискурсе пишущей выступает обращение к одному из главных референтов – молодому человеку, с которым пишущая намерена связать оставшуюся жизнь («Husband»), что проявляется в характеристике, находящей выражение в эмоционально окрашенной лексике (*gorgeous, dark and beautiful, soulful, spiritual, gentle, kind person, finds his way to my soul*).

Реализация принципа явно декларируемого ценностного отношения прослеживается в выдвижении в дискурсе пишущей на передний план концептов «Love», «Marriage», как лично-значимых для нее. Их ценностная значимость проявляется в описании церемонии свадьбы, выраженной оценочной лексикой (*true love, romantic and beautiful ceremony, wonderful moments, live happily for a long time*).

Пишущая мечтает о возможности самореализации, обращаясь к ценностному для американской культуры концепту «Career», выявлению которого способствует принцип герменевтичности в выведении значимых смыслов. Девушка отмечает, что хотела бы посвятить жизнь любимому делу – в ее случае это карьера эстрадной певицы, и приводит при этом следующие аргументы: *I dream to sing, perform on Broadway as a full time career, give people pleasure, make people's hearts feel moved, I dream to sing with a famous singer*. Мечта практически каждого представителя британской и американской культур – обрести хорошую профессию, сделать карьеру.

Обращение в анализе к принципу достаточной репрезентативности вскрывает, что в дискурсе актуализируются, в их различных конкретных репрезентациях, такие концепты, как «Success», «Recognition», «Intelligence», «Self-confidence», которые указывают на желание мечтающей достичь успеха в карьере и личной жизни и выражаются репрезентативным описанием (*being recognized as a classy, sophisticated, self-confident, and intelligent woman who is a strong leader, visionary and decision maker; being in the top management levels of a Fortune 500 company, etc.*). Таким образом, мечтающая позиционирует себя как настоящую американскую женщину, которая хотела бы быть независимой и самодостаточной, выдвигая в лично-ориентированном

дискурсе мечты ценностные концепты, характерные для представителей британского и американского общества.

В следующем примере мечта явным образом зарождается по принципу достаточной репрезентативности:

I am currently a graduate student in Computer Science at University of Maryland at College Park. I am interested in travelling, dancing, cooking, and reading. I want to be talented enough to simultaneously pursue various fields in the natural and social sciences. Pursuing knowledge is one of my three quests in life. I dream to experience the world, its nature, and its people. I dream to travel all over the earth, to see all the natural wonders, taste all the food, meet all kinds of people. To fulfill this quest I dream for time, health, energy, and good physical condition. I dream for health and strength for my partner, friends, family, and myself as healthy people enjoy the positive aesthetic side effects of health, such as attractive skin, hair and teeth, because they are giving their bodies antioxidants and nutrients such as vitamins A, C and E and biotin, which it needs to support these physical features. My biggest dream is to become cultured. I want to know all the customs, the ceremonies, the rites of passage, the people, the history, the mythology, the religion, the curses, the gods, the goddesses, the demons, the various hells, heavens, purgatories, the music, the pastimes, and everything in between right down to the local geography. I want to understand everything that makes a culture a culture, no matter where or when that culture may or may not have existed. I desire there is a universal language that everyone could understand. My dream is to be at peace with myself and to accept myself as a pretty person. To know who / what I am and to be independent. To discover my life's purpose. The world would be a much better place to live when those living in it are happy [11].

Принцип достаточной репрезентативности позволяет нам выделить такой ценностный концепт, как «Travelling», который подтверждается следующими высказываниями: I dream to travel all over the earth, see all the natural wonders, taste all the food, meet all kinds of people. Выдвижение данного концепта как ценностного соответствует, прежде всего, субъективным предпочтениям и желаниям пишущей – девушке очень нравится путешествовать; это находит свое выражение в коммуникативном модусе (I am interested in travelling, dancing, cooking and reading). Таким образом, мечта девушки соответствует установке следовать своим предпочтениям. Не менее важным моментом для пишущей является ощущать себя полной сил, чтобы осуществить заветную мечту, в связи с чем за счет указанного прин-

ципа актуализируется концепт «Health», за которым следует подробное описание здорового состояния девушки: I dream for health and strength, support physical features, enjoy the positive aesthetic side effects of health, attractive skin, hair, teeth. Для представителей британской и американской культур такой фактор, как хорошее здоровье, является большой ценностью [9, p. 211], одним из главных условий для осуществления человеком его социальных функций, направленных на самореализацию личности.

Учитывая, что в британской и американской культурах образование обладает большой значимостью, в дискурсе мечты пишущей осведомляется также тема культурной осведомленности (My biggest dream is to become cultured), что выступает прямым показателем заявленных в дискурсе концептов «Education», «Knowledge». Принцип внутридискурсивной аксиологической референции позволяет нам выявить референты, на которые направлено сознание пишущей, с помощью которых девушка высказывает желание изучить традиции, обычаи, историю других культур (customs, ceremonies, rites of passage, people, history, mythology, religion, curses, gods, goddesses, demons, various hells, heavens, purgatories, music, pastimes, universal language). Выдвижение концептов «Education», «Knowledge» в дискурсе человека мечтающего как ценностных можно объяснить тем, что данные концепты выступают необходимым элементом для сознательного и эффективного участия индивида в своей жизни и способствуют возможностям становления личности.

Принцип явно декларируемого ценностного отношения позволяет выделить в дискурсе пишущей концепт «Independence», выражающийся оценочной лексикой: be at peace with myself, be independent, discover my life's purpose. Вся совокупность перечисленных концептов возводится к концепту «Happiness», счастье понимается мечтающей как достижение всех данных аспектов (The world would be a much better place to live when those living in it are happy).

В следующем дискурсе в качестве аксиологически ценностного концепта выступает концепт «Wealth».

My dream is to be a millionaire so I can give some of the money to charity, I can provide beggars with necessary things and then I would be able to help the homeless people. It would mean that I could have a nice home for me and my family. The most important thing is that both – I and my family are happy

and healthy. I would like to be able to provide a comfortable retirement for my mother and to build a nice home for her which would be close by. I dream to have a nice home for my family and a lot of land with trees for my mum so I could keep the trees. I wish I had an income without having to spend so much time to get it. Also I'd like to buy a new car for my dad. My dream for my parents is that they stay happily together and live a full life. I wish for knowledge for my children, and myself, to be able to learn and understand without the struggle. I wish for my children to be safe, happy, and to find the perfect companion for their journey through this world. I wish to be able to paint beautiful pictures. And lastly I pray that my children will always remain true to God [12].

Использование принципа герменевтичности в выведении значимых смыслов позволяет вывести из дискурса пишущего концепты «Wealth», «Prosperity», в частности, в ассертиве (my dream is to be a millionaire), при этом ассертив употребляется как речевой акт аргументатив (I can give some of the money to charity, I can provide beggars with necessary things, I would be able to help the homeless people). Приводимые аргументы подтверждают, что мужчина желает стать богатым, чтобы помочь бездомным и нуждающимся людям. Тем самым богатство (концепты «Wealth», «Prosperity» как ценностные концепты) являет собой для него не только материальный достаток, но и средство помощи бедствующим [10, p. 135]. Не менее значимыми для мечтающего являются семейные ценности (успех и процветание родных). Лексикализация заданного в дискурсе концепта «Happy family», отражающего желание пишущего иметь благополучную семью, находит свое выражение по принципу явно декларируемого ценностного отношения, что проявляется в экспрессивной лексике (stay happily together, happy and healthy family, live a full life, provide a comfortable retirement for my mother, build a nice home, a lot of land with trees for my mum). Актуализируются также концепты «Care», «Respect», «Trust», «Esteem», «Faith», подтверждающие, что данный мечтающий обладает чувством ответственности за свою семью.

Принцип достаточной репрезентативности позволяет нам выделить следующий ценностный концепт – «Children», демонстрирующий, что значимым фактором выступает будущее детей. Пишущий в дискурсе мечты подробно описывает и выражает заботу о счастливом будущем своих детей, формулируя желание обеспечить их всем нужным (knowledge for my children, be able to learn and understand without

the struggle, be safe, find the perfect companion for their journey through this world).

Таким образом, особенность лично-ориентированного дискурса мечты заключается в том, что в подобном дискурсе актуализируются те концепты, которые имеют личностное значение для представителей британской и американской культур. Ценностные концепты дискурса мечты составляют основу его содержательной структуры. Ценностные концепты лично-ориентированного дискурса мечты являются собой совокупность принятых ценностей, стереотипов, традиций, которые характерны для представителей британского и американского общества, что сосредоточивает внимание на значении принятых в обществе взглядов и норм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1997. – 416 с.
2. *Всемирная энциклопедия: Философия* / гл. ред. А. А. Грицанова. – М. : АСТ, Мн. : Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.
3. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
4. *Попков В. Д., Грушевицкая, Т. Г., Садохин, А. П.* Основы межкультурной коммуникации. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
5. *Серебренникова Е. Ф.* Этносемиотрия как способ лингвистического аксиологического анализа // *Лингвистика и аксиология: этносемиотрия личностных смыслов: коллективная монография.* – М. : Тезаурус, 2011. – С. 7-49.
6. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. – М. : Слово, 2000. – 624 с.
7. *Klukhon, F., Strodtbeck F.* Variation in Value Orientation – N. Y. : Evanston, Illinois, 1999. – 358 p.
8. *Lerner, M.* America as a Civilization. The Basic Frame. – V. 1. – N.Y. : Simon and Schuster, 1992. – 531 p.
9. *Mitchell, S.* Hope and Dream in Psychoanalysis. – N. Y.: Basic Books, 1998. – 399 p.
10. *Williamson, A. S.* Hopes, Dreams and Wishes. – N.Y. : Springer, 2000. – 285 p.
11. *Claim your dream!* [Electronic resource]. – URL : <http://www.claimyourdream.com/dreamersdreams.html>.
12. *Psychology today* [Electronic resource]. – URL : <http://www.psychologytoday.com/blog/the-power-day-dreaming/201206/whats-your-attitude-toward-day-dreaming/comments.html>.

УДК 81

О. А. Хо

магистр, старший преподаватель кафедры восточных языков (отделение
китаеведения) МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: khoodga@gmail.com

霍·奥莉娅（伊尔库茨克市）

莫斯科国立语言大学欧亚语言学院

中俄动物象征意义的同异比较

摘要. 本文所要研究的是中俄动物象征意义的对比。动物的种类有很多，本文只选择了中俄两国极具代表性的动物并对这些动物的象征意义进行对比研究，从而考察它们在两国文化中的同异点。

关键词： 中俄文化；动物；象征意义；比较

Kho O. A.

Master Student, Senior Lecturer, MSLU EALI; e-mail: khoodga@gmail.com

A COMPARISON STUDY OF THE ANIMALISTIC SYMBOLS OF CHINESE AND RUSSIAN CULTRE

The article discusses a comparison study of the meaning of the animalistic symbols in Russian and Chinese culture. There are so many different species of animals in the world, so we chose the most representative, similar animal symbols that exist in both cultures. Through this study, we will learn more about the similarities and differences between the two cultures, and the principals and reasons behind these similarities and differences.

Key words: Chinese and Russian culture; animal symbolism; compare.

引言

从古至今，人类与动物就有着十分密切的联系。不同民族的人们对同种动物会持有不一样的观点态度。在中俄文化中，不同的风俗传统、文化、民族心理、自然环境、宗教信仰、历史背景等诸多因素都对动物象征意义有深刻影响。

很多动物象征意义保存至今，成为我们日常生活以及人类各领域的不可分割的一部分。为了能够更好地了解两国的文化，同时避免人际交往的障碍以及国际关系中产生的矛盾和纠纷我们要多方面地研究中俄两国的文化。其中动物象征意义的研究是一项很重要的研究命题。

1. 中俄动物象征意义对比研究现状

王雍琰 (2013) 在《对俄汉语词汇象征意义教学及教案设计》中通过选取有代表性的动物等词汇，着重分析其象征意义，并将研究成果用于教学中 [1].

张岚 (2010) 在《汉俄文化中某些动物的象征意义对比》中，魏征 (2011) 在《汉俄文化中动物象征意义的差异对比》中分析了自然环境、文化背景、宗教信仰等因素，比较了中俄两国语言中动物象征意义的差异 [2].

刘省非 (2007) 在《几种常见动物在俄汉语言文化习俗中象征意义的对比》中，罗曼荣 (2011) 在《中俄民族文化习俗中动物象征意义的差异与融合对比分析》中通过对汉俄民族文化中几种常见动物象征意义的异同进行对比与分析，阐释了两个民族在传统文化习俗方面存在的差异与融合 [3].

刘艳娟 (2010) 在《中俄社会中鸡的文化意义》中对比了中俄两国童话、寓言中“鸡”的形象，总结了鸡在两国的文化中的代表意义 [4].

万青松 (2011) 在《中俄“兔”文化趣谈》中对兔子在中俄两国的文化象征意义进行了浅析 [5].

杨玉明 (2010) 在《俄汉文化中动物的象征意义》中剖析了俄汉文化中常见动物的象征意义，阐述了中俄两国在动物的文化伴随意义上的异同，反映了不同民族的文化特色。对异国文化的了解能在交际实践中避免产生一些不应有的误会 [6].

吴文红 (2005) 在《汉俄文化中动物的象征意义》中提出了解两种语言的动物象征意义对语言交际起到重要的作用 [7].

杨慧 (2000) 在《俄汉动物形象的社会文化色彩》中举出大量动物语汇的实例，详细分析阐明了中俄在动物语汇方面对社会文化的影响。通过这些动物在民族色彩（即褒贬文化和传统文化）及修辞方法（即比喻意义和象征意义），两个大方面来进行中俄文化的比较，从语言国情学角度揭示其社会文化内容 [8].

2. 同种动物象征意义有同有异

从世界层面来看，社会生活中的一些基本知识是共通的。因此，关于中俄文化中动物象征意义也存在相同的情况。比如笔者经过大

量的分析、筛选、对比，找到了中俄具有相同象征意义的动物，比如：虎在中国和俄罗斯文化中都以强大、勇敢、善良、智慧、灵巧、高尚、优雅而得名。它象征着权威、保护者、王者、猎杀者。老虎威武霸气，中国人十分喜爱。因为老虎额头上的花纹，人们喜欢称其为“万兽之王”。所以，它是勇猛，霸气的象征。

不过受不同因素的影响，中俄动物象征意义还存在很大的差别。这些差别源自于各民族对动物形象认识的不同，有些甚至含有相反的意义。在中俄动物中，象征意义完全不同，比如俄罗斯人把猫视为家庭保护者、优雅、美丽、可爱、干净的象征。猫与人类密切相处约有五千多年。猫的性格比较复杂。虽然它自己很骄傲，喜欢独立，但是又很灵敏聪慧，富有同情心。正因为这样，猫在俄罗斯有着比较重要的地位。猫在俄罗斯传统的神话中是一个比较神秘的形象。从文学作品角度来看，俄罗斯最有名的猫是伟大的大诗人普斯金在童话中描写的。童话中的猫叫聪明的猫。在每个俄罗斯人心里它就是智慧、善良的象征。而在中国，中国人认为猫是奸臣的象征，因为它只要解决自己温饱很少理会主人。其天性贪玩，昼伏夜出，比较神秘，性情难以猜测。迷信者也认为猫具有灵性，可以看到人类看不见的事物。不仅如此，猫比较慵懒，白天喜欢依偎在温暖处休息，也比较会谄媚主人以得到照顾。由此，人们也给猫赋予了阿谀奉迎的形象。

在中俄文化的交叉处，会有部分动物的象征意义是相同或相似的，但他们外体相同，内里又有着细微的差别。笔者将十种代表性的动物词作为本文的研究对象。

（一）熊

* 相同之处

在中国和俄罗斯，由于熊的外形体积庞大，走路缓慢，所以都有笨拙的象征意义。在俄罗斯有这样的话：Ну, ты как медведь прям 意味着胖胖的，笨手笨脚的人；неуклюжий, неповоротливый, как медведь 笨得象熊；косолапый медведь 笨拙如熊的人。

在中国，由于熊的头大，尾巴短，四肢短而粗等外部特征，显得笨拙，行动不便。所以，人们也常常赋予它“蠢笨”之意。故有“熊瞎子掰玉米，掰一穗扔一穗”（意味头脑简单，顾前不顾后）之语。

不过，在两国人的心目中，熊也被人认为是心地善良的，可爱的。认为它“憨态可掬”“惹人爱怜”。

* 不同之处

在俄罗斯，熊就是国家的象征和化身。其象征强力、勇敢、智慧、善良、耐心、公平、帮助、保护。也象征父亲、老师、哥哥、朋友、祖国保护者。

首先，解释一下熊的概念。熊最喜欢吃的东西是蜂蜜。熊用俄语来说是 «Медведь» (medved)。这个词有两个词根组成。第一个是 «мед» 或者 «мёд» (med)，意味着“蜂蜜”，第二个词根是 «в е д» (ved)。后者是 «Ведать» (vedat)，其含义是“知道”。于是，熊 «Медведь» (medved) 是“知道在哪里能找到蜂蜜”的动物，所以具有“甜食家”“美食家”的美称。

(二) 牛

* 相同之处

公牛 (бык) 在中国和俄罗斯文化中都是强壮和顽强的象征，喻指健壮的人，倔犟的人，这与汉文化中的喻义相同，汉语中也有“牛脾气”。例如，«здоров, как бык». 像公牛那样健壮，«упрям, как бык», 像公牛一样犟。还可以用公牛形象喻指极为困难的事，例如«взять быка за рога», “抓公牛犄角”，意味着强调做事要善于抓住关键所在。

* 不同之处

在俄罗斯，牛象征可以划分为母牛 (корова) 象征和公牛 (бык) 象征。在多神教时期和俄罗斯接受东正教之后，牛始一直奉为保护神。它们有不一样的象征意义。在俄罗斯，母牛一直是深受俄罗斯民族厚爱。其象征母性、富裕、母亲、乳母、奶妈、女供养人、家人、免饥死（家里总是有吃的喝的）、财富。它被认为是珍贵的动物，家里有牛就是幸福。牛不可以被打或吓唬，俄罗斯的奶品如此有丰富。有牛奶、奶渣、酸奶、酸奶油、奶酪、黄油等等。俄语当中有几个俗语。比如 «Черная корова, да белое молочко», 翻译成汉语意思是“牛黑，然而奶白”，«Корова на дворе, харчи на столе», 意味着“家中有母牛，餐桌上就有食物”。这个表示俄罗斯人对牛敬佩的态度。

如果从外表看，母牛身体肥大，其象征因肥胖而笨手笨脚的女生，所以口语中有骂人的意思，一般对女生说 «как корова», “像牛一样大一样胖”。在一些俄罗斯方言母牛也含意新娘的意思。

公牛还象征好色、象征新郎（公牛）的繁殖力、能授精而不能培养照顾孩子的男生、不好的父亲，有贬义。

* (三) 狗

相同之处

在中国和俄罗斯，狗都象征朋友、家人；象征忠诚、勇敢、善良。狗是与我们生活息息相关的动物，自古以来在人们的心中他们都是忠诚的，是人类的好朋友。狗不仅是宠物而且是忠贞不渝的伴侣、朋友。田里、家里、打猎时、生活等各个领域中都很难代替的忠心耿耿的助手。它们的功能在于救英雄、并帮助支持他而且预示未来。

* 不同之处

在中国，与狗有关的语言大部分都是负面的、贬义的、讽刺的。狗有也品行恶劣的，欺软怕硬的象征意义。很多中国人吃狗肉，俄罗斯人不吃狗肉。

(四) 猪

相同之处

在中国和俄罗斯猪都象征着泥泞、肮脏、贪色、变节、贪食、背叛。也象征肥胖的人、不讲卫生的人、无礼的人、食言的人、智商很低很笨的人。

不同之处

在中国，猪还有积极的象征意义。它象征着富贵、福气和安逸。在俄罗斯没有这样的意义。

(五) 兔子

相同之处

兔子在中国和俄罗斯都象征着：繁殖力和智慧。从外表看是无害的、可爱的、洁白的。像小孩那样天真。父母用小兔子的称号温柔的叫孩子。

中国人为了表达对兔子的喜爱之情，经常将兔子的形象变成儿歌供小朋友们传颂。

兔子是俄罗斯文化中有着与“熊”一样的地位。小时候我们就开始了解有关兔子的形象。兔子被安排成为大多数俄罗斯传统童话中的主角。他总是受委屈。其他动物，比如狼，一直想吃掉他。兔子被逐出家门，受到各种各样的欺侮。兔子被认为是胆怯的，弱小的，只能靠别的动物的帮助。

几辈俄罗斯小孩子每天晚上睡觉之前都会看著名的儿童电视节目叫 «Спокойной ночи, малыши!» “小孩子们，晚安！”，并伴随着这个节目长大。节目最重要的主角兔子斯捷帕什卡成为了俄罗斯民族最喜爱的形象。它象征善良、智慧、乐于助人。在俄罗斯人心里斯捷帕什卡是好朋友、哥哥、老师。每次节目他给俄罗斯孩子们解释世界，培养品质。

不同之处

在俄罗斯兔子唯一的贬义就是象征无票乘客，所以包含着胆怯、狡猾、害怕被发现的意思，就是类似无票乘客的短处。从迷信传说角度来看兔子有比较复杂的图腾意义。古俄罗斯人把兔子的象征意义用于算命活动，比如如果女生梦里看到兔子，这意味着她快要怀孕并应该生儿子。同时梦里看到兔子能预兆结婚。兔脚被认为是幸运的象征，许多文化都认为兔脚可以为人们带来好运。

在中国人们认为兔子温顺、机警、敏捷。虽然腿短但却是当之无愧的短跑冠军，因此人们常常形容一个人“跑得像兔子一样快”；孕妇在怀孕期间绝对不会吃兔肉，因为中国人认为“兔子”和“吐子”发音相似，听起来不吉利；人们还用“兔子尾巴长不了”来形容邪恶的人邪恶的势力长不了；此外，兔子在中国常常和月亮联系起来。相传嫦娥奔月后，在月宫里有一只兔子与之作伴，所以兔子也被赋上了一层神秘的色彩。

（六）鹰

相同之处

在中国和俄罗斯文化中都象征着：强大、天空之王、智慧、优雅、保护者、朋友、灵巧、道德的纯洁、勇敢、皇权。

在中国和俄罗斯文化中，鹰的象征意义比较完整。这种鸟一直有褒义。因为他被认为是天空之王。象征太阳、风、闪电。在俄罗斯人眼里鹰也象征强壮、敏锐，智慧、自豪、迅速、道德。所以俄罗斯人用鹰来比喻勇敢者、父亲、保护者、勇士、爱国者、英雄。同时鹰还象征生命、永生、复活，是胜利的报信者和预言家的化身。它还象征皇权和政权。

根据基督教记载，鹰象征着约翰。他是耶稣十二门徒之一。一般认为，约翰是《圣经新约》中《约翰福音》、三封书信和《启示录》的执笔者，被认为是耶稣所爱的门徒。天主教和东正教的教徒公认约翰为圣人。他被认为是基督教的传播者。鹰也象征基督复活之后的升天；基督教教徒相信，他们做礼拜的时候读的祷文将会变成鹰飞到上帝那里，会得到上帝的祝福。

在中国文化中，鹰被视作天空的王者，是勇敢与智慧的化身。鹰形象的出现可以追溯到原始社会的图腾崇拜。后来，鹰崇拜转化为了古代皇权的象征。那时，鹰是神的化身。在历经了数千年的宗教意识变化中，鹰也被蒙上了一层神秘的色彩，不同地区的民族对鹰有着不一样的喜爱程度。总的来说，中国人愿意把鹰奉为神鸟、天鸟。

不同之处

鹰的象征对俄罗斯文化、日常生活、语言生产了很大的影响。一提到鹰，他们就会自然地联想到双头鹰。双头鹰是存在于神话中的鸟。自古至今双头鹰象征权力和国家组织。因此，俄罗斯人把双头鹰放在了国徽上。

从16世纪开始双头鹰就成为了俄国象征。鹰戴着两个皇冠。原本代表沙皇权利，但目前的含义是国家主权。双头鹰爪抓着象征皇权的权杖和金球，是政府权力和统一国家的标志。双头鹰也被视为是俄罗斯的国家守护者。

(七) 鸡

相同之处

在中国和俄罗斯常常用公鸡来比喻某人生气的样子、恼怒、好斗的样子。俄语当中词语«п е т у ш и т ь с я»意为公鸡生气的样子（生气得跳着跑）比喻喜欢打架的男生。在中国也有“斗鸡”一词，比喻像公鸡一样好斗。

公鸡象征太阳升起，醒来，积极性和警惕性。通常，鸡鸣被认为能够驱逐邪恶的灵魂。因此古时候俄罗斯人在木房的烟囱和窗户、院子的大门上雕刻着公鸡。衣服，毛巾上的母鸡公鸡的绣花也比较普遍，这很显然是受到了多神教的崇拜图腾的影响。而在中国，鸡对人类的贡献很大，公鸡每天早上报晓，象征着勤劳、平静、祥和。比如“金鸡报晓”“鸡犬桑麻”（通常用来指家家户户桑麻茂盛，形容百姓安居乐业，丰衣足食的生活）。

不同之处

在俄罗斯母鸡和公鸡分别有不同的象征意义。母鸡象征财富、丰收。也象征着一一直站在丈夫背后的妻子，不能自己解决问题、只能有限、盲目地保护自己孩子的母亲。

在俄罗斯，人们乔迁新居时让母鸡和公鸡先进房子里去。如果公鸡打鸣的话，未来家里就会有好运。有不少跟鸡鸣有关的风俗习惯，夏天如果公鸡不按时打鸣意为快要发生灾祸。冬天不按时的打鸣意为快要融雪开冻。公鸡白天窗户下边打鸣意味着客人快要来等。此外，“鸡”在中国还有贬称，因为“鸡”与“妓”是谐音，所以，私下里，人们也用“鸡”称呼妓女。

(八) 鸽子

相同之处

在中国和俄罗斯文化中鸽子都是“和平”和“友谊”的化身。众所周知，《圣经》上就有关于鸽子的记载：诺亚从方舟上放出一只鸽子，让它去探明洪水是否已经退尽。上帝让鸽子衔着一条橄榄枝回来，表示人间尚存希望。鸽子在世界各国都受到广泛的喜爱。

不同之处

在俄罗斯人心里鸽子象征生命、心灵、太阳、纯净、天真。鸽子也象征母性和美丽。基督教徒认为鸽子是圣灵的化身。教徒去世之后他的心灵变成鸽子并上升到天堂。据《旧约圣经创世纪》记载，大洪水发生之后诺亚站在方舟上看到了鸽子。鸽子飞过来给诺亚衔来了橄榄枝，意味着上帝的原谅。基督耶稣受洗时他的头上飞着白色的鸽子。白鸽子就是圣灵。他从天堂飞下来保佑耶稣。所以，俄罗斯人不吃鸽子的肉，而在中国鸽子的肉被认为一种传统美味。

(九) 喜鹊

相同之处

在中国和俄罗斯文化中喜鹊都有“有好消息”的象征意义，如果喜鹊飞过来随身摆动它的尾巴，意味着要有好消息到来。

不同之处

俄罗斯人的观念中，喜鹊主要象征着偷窃，因为她喜欢紫金。为了得到金子，喜鹊可以不顾一切地欺骗别人，所以也有狡猾的象征意义。俄罗斯人用喜鹊象征来比喻爱多嘴多舌的人。也比喻那种戴着各种各样的装饰品却依然不美丽的女生。

在中国喜鹊叫声悦耳，又因其名字中含有“喜”字，中国人把它当作是报喜的鸟，具有吉祥好运的形象，深受中国人的喜爱。传说中，隔于银河两岸的牛郎织女每年只能见一次面，成群的喜鹊汇聚成桥搭于银河之上。由此看来，喜鹊也被古代中国人赋予了见证爱情的象征。所以，现在中国人在结婚的时候会在窗户上贴剪纸，剪纸的图案中肯定会有喜鹊。

(十) 蝴蝶

相同之处

在中国和俄罗斯文化中，蝴蝶都象征着女性、美丽。

俄罗斯人根据蝴蝶的外表赋予了蝴蝶具体的象征意义。因此在俄罗斯人眼里蝴蝶象征美丽。蝴蝶在俄罗斯的语言文化中代表女性，所以一直有妇女的特性。蝴蝶是温柔的化身。从她存在的时间来看，蝴蝶能象征春天和夏天。

在中国，人们也常用“打扮得像个花蝴蝶一样”来形容打扮得花枝招展美丽妖娆的女子。

不同之处

蝴蝶在俄罗斯还象征着轻快的妓女。蝴蝶在俄罗斯传统思想中有贬义。俄语当中“夜里的蝴蝶”这个词语用来比喻妓女。

古代的时候俄罗斯人认为人去世之后成为蝴蝶，所以蝴蝶也象征祖先的心灵。

蝴蝶在中国象征着男女之间美好而自由圆满的爱情故事。梁山伯与祝英台的故事中，二人为爱化蝶，凄美婉转。

3. 结语

无论在俄罗斯还是在中国，动物早已不单单是一种生物，在人类社会的发展过程中，它们与人类一同生存，融入到了人类的生活和文化中。有一些动物在中俄两国代表的意义大致相同。例如狐狸在中俄两国中都是狡猾的代名词，狼则给人一种凶狠，孤独的感觉；鸽子不管在俄罗斯还是在中国都是和平的象征；再如兔子，中俄两国都认为它温顺、可爱。但是更多情况下，不同的国家由于地理、历史、宗教习俗等的差异，对同一种动物或者是不同的动物都持有各自的态度。以熊为例，俄罗斯人认为它是强壮和聪明的象征，但是中国人常常形容一个人笨拙时将其比作熊；喜鹊在俄罗斯是贬义的代表，俄罗斯人认为喜鹊不但爱偷窃，热衷于打扮自己而且长相丑陋；而在中国喜鹊是喜事的象征，如果出门看到喜鹊，意味着会有好事来到。

如果在学习外语过程中，只埋头学习语言知识，忽略了动物象征意义的文化常识，在与本地人门交往的过程中极易引起误会，闹出笑话。笔者在搜集整理前人有关动物象征意义的文献、材料的基础上，通过访谈了解十种动物在俄罗斯和中国人的印象中以及在两国文化中各有何种代表意义，通过比较的方式总结处理这些象征之间的差异与相同。

参考文献

1. 王雍琰，《对俄汉语词汇象征意义教学及教案设计》，苏州：苏州大学，2013年
2. 张岚，《汉俄文化中某些动物的象征意义对比》，俄语学习，2010年
3. 刘省非，《几种常见动物在俄汉语言文化习俗中象征意义的对比》，成功（教育），2007年
4. 刘艳娟，《中俄社会中鸡的文化意义》，重庆市：四川外语学院，2010年
5. 万青松，《中俄“兔”文化趣谈》，俄罗斯中亚东欧市场，2011年
6. 杨玉明；张建英，《俄汉文化中动物的象征意义》，沈阳建筑大学学报（社会科学版），2010年
7. 吴文红，《汉俄文化中动物的象征意义》，河北软件职业技术学院学报，2005年
8. 杨慧，《俄汉动物形象的社会文化色彩》，松辽学刊（哲学社会科学版），2000年

Т. Е. Шишмарева, О. М. Готлиб, Е. В. Кремнёв

Шишмарева Т. Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: gotlib@islu.ru

Готлиб О. М., кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: gotlib@islu.ru

Кремнёв Е. В., кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных языков МГЛУ ЕАЛИ; e-mail: kremnyov2005@mail.ru

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКИХ ВИДАХ ЗНАКОВ И ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ СЛОВАРЕ «ЭРЪЯ»

В статье исследуется языковая картина мира, представленная в древне-китайском словаре «Эръя» (примерно I в. до н. э.). Основная цель работы – вскрыть и описать принцип организации лексических единиц, а также установить и охарактеризовать семантическую природу знаков словаря. Анализ проводится на лексическом массиве первой главы словаря «Шигу» («Древние имена»).

Ключевые слова: словарь «Эръя»; гипер-гипонимические отношения; линейные эквонимические связи; концептуально-перцептуальная естественная таксономия; имена-отношения; имена-вещи.

Shishmareva T. E., Gotlib O. M., Kremnyov E. V.

Shishmareva T. E., Candidate of Philology, Associate Professor, MSLU EALI;

Gotlib O. M., Candidate of Philology, Associate Professor, Professor, MSLU EALI; e-mail: gotlib@islu.ru

Kremnyov E. V., Candidate of Philology, Associate Professor, MSLU EALI; e-mail: kremnyov2005@mail.ru

SEMANTIC NATURE OF THE UNITS OF THE ANCIENT CHINESE DICTIONARY “ER’YA” AND THE PRINCIPLES OF BUILDING UP OF ITS LEXICAL UNITS

The following article presents a research of the ancient Chinese dictionary “Er’Ya” (approx. the I century BC) as an example of the language picture. There are two main questions which are solved in the article: the principle of building up of lexical units and what is the semantic nature of the dictionary’s units. The analysis is based on the lexical expanse combined in the first chapter of the dictionary entitled “Ancient Names”.

Keywords: dictionary “Er’Ya”; hyper-hyponymic relations; linear ecvonymic relations; natural, conceptual, perceptual taxonomy; names-relations; names-things.

Исследователи, ставящие своей задачей установление закономерностей языковой концептуализации и категоризации, прежде всего, основываются на данных изучения лексикона, опираясь при этом на структуру представления знаний в семантике слова. На это в свое время обращал внимание Джекендофф, отмечая, что «изучая семантику естественного языка, мы по необходимости изучаем структуру мышления» [2, с. 102].

Лексическая система языка, являясь своеобразной языковой интерпретацией экстраязыковой действительности, наиболее ярко показывает, как членится эта действительность, какие ее фрагменты выделены языковым сознанием и как репрезентированы в языке благодаря процессам номинации.

Идея распределения лексики того или иного языка по предметным группам уходит далеко вглубь веков и находит свое выражение в создании различного рода словарей. Идеографическое описание лексики, как известно, связано с представлением словаря в виде смысловых пространств, лакун, каждое из которых имеет специфическое строение и включает семантически близкие классы номинативных единиц. «Идеографические словари, – как отмечает В.В. Морковкин, – это словари, которые исходят систематизацией идей, понятий... позволяющих построить своего рода синопсис, моделирующий в определенном смысле объективную действительность в рамках языковой картины мира» [5, с. 48]. Понятия, обозначаемые лексическими единицами, в свою очередь обладают определенной структурой и упорядочиваются в словаре на основании какого-либо принципа.

В данной статье авторами делается попытка найти ответы, по крайней мере, на два вопроса: каков принцип организации лексических единиц словаря «Эръя» и какова семантическая природа знаков словаря.

Для ответа на данные вопросы мы обратились к лексическому массиву первой главы словаря «释诂» «Ши гу» «Древние имена».

В данной главе собраны имена-гlossы, описывающие мир вещей, которыми пользовались древние китайцы в процессе его освоения. Лексические единицы данной главы толкуется способом «тун сюнь» (同训), при котором выстраивается одна цепочка лексических единиц, значения которых толкуются через конечный знак, выражающий общее родовое значение знаков данного ряда.

Семантические отношения между лексическими единицами каждого ряда мы понимаем как родово-видовые или гипер-гипонимические. Семантически однородные единицы, включенные в соответственный класс наименований, выступают как гипонимы по отношению к лексической единице, выражающей родовое понятие или гиперониму. Гипонимы между собой соотносятся, как эквонимы «лексические единицы одного уровня обобщения при общем гиперониме, значения которых различаются за счет их гипосем, указывающих дифференциальные признаки каждого вида» [6, с. 450]. Лексические единицы анализируемой главы организуются 173 гипер-гипонимическими рядами. Эквонимы рядов способны к односторонней замене на гиперсему их интенционалов.

Что касается семантических видов знаков, то, вероятно, их природа кроется в том, что они выражают. «Наиболее общими категориям сущностей отражаемого и выражаемого миров являются вещи и признаки. Это первичное деление сущностей относительно, т.к. вещь и признак находятся в безусловном органичном единстве: вещь – то, что имеет признаки; признак – то, чем различаются и сходны вещи» [6, с. 422].

Начало данным постулатам можно найти еще в аристотелевских категориях. Десять категорий – сущность, количество, качество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, страдание – интерпретируются ученым в связи со средствами их выражения в языке. Философ как бы подсказывает лексикологам и лексикографам каким образом философские категории могут быть вписаны в лингвистическую картину мира, либо опирается на их материалы для своих построений.

Средства языка, служащие для обозначения онтологических категорий, не ограничиваются у него именами существительными (типа «сущность», «качество»), в их состав включается и другие языковые показатели – вопросительные местоимения, глаголы и т.д. «...каждое, означает или «сущность», или «сколько», или «какое», или «по отношению к чему-то», или «где», или «когда», или «находиться в каком-то положении», или «обладать», или «действовать», или «претерпевать» [1, с. 55].

Центральное место в аристотелевской гносеологии занимает формальная логика. Как и в онтологии, мы находим в ней стремление рассматривать логические категории в связи с их выражением в язы-

ке. Рассмотрение Аристотелем логических категорий в связи с лингвистическими способствовало развитию идей членения понятийного мира на «имена» и «предикаты». Где под «именами» понимались все слова и словосочетания, выступающие в суждениях как обозначения каких-либо объектов, а под «предикатами» - все слова и словосочетания, называющие в суждениях то, что высказывается о субъекте (предмете) суждений.

Древнекитайский язык (вэньянь) во всех своих исторических состояниях характеризуется последовательной аморфностью, его лексические единицы практически лишены морфологических показателей и, в зависимости от места в предложении, могут быть как «именами», так и «предикатами». Это понуждает нас отказаться от терминов «имена» и «предикаты» в пользу более широкого термина «имя». Рассматривая лексику, как знаковую систему, мы, вслед за Г. Фреге, будем называть лингвистические знаки «именами».

Отношение, существующее между знаком, названием, именем, именуемым предметом и смыслом имени, Фреге описывает как: «знак, имя обозначает (называет) предмет – значение знака; предмет обозначается знаком; последний несет в себе – выражает – некий смысл, который задает предмет – значение знака» [7, с. 489]. К этой концептуально-терминологической конструкции восходит семантический треугольник Фреге, в которой «имя выражает свой смысл и обозначает свое предметное содержание» [Там же].

С Фреге, следовательно, берет начало категория отношения именованности – со всеми свойствами ее элементов: что знак должен обозначать только один предмет, что смысл должен однозначно указывать на предмет – значение знака как носителя данного смысла; что смысл данного имени должен быть единственным; что предмет может обозначаться разными знаками и что поэтому его можно задавать, используя разные смыслы. При этом под именами подразумеваются как названия отдельных предметов, так и названия функций – свойств, отношений.

Вещи и признаки с точки зрения данного подхода рассматриваются как категории в большей степени относительные, способные к взаимопереходу, так что одна и та же сущность может представлять как вещь и как признак, если она рассматривается как характеристика, как свойство или отношение другой вещи. Суть любой сущности – «имя», независимо, от того, имя ли это вещи или признака.

Полагаем что, следуя данной традиции, семантические типы знаков данного словаря можно определить как имена–вещи и имена–отношения. Где отношение рассматривается как «имманентная составляющая вещи, которая реализуется в состоянии и действии». [3, с. 258]. Любое имя–отношение, таким образом, будет обозначать определенный признак (качество, свойство, действие и т. д.), имена–вещи могут включать в свой класс как конкретные, так и абстрактные сущности. Ввиду того, что мы ограничены рамками статьи, приводим анализ, включающий в себя 37 гипер–гипонимических ряда.

1. Понятие «начало» с родовым гиперонимом «始». Гиперсема обозначает имя–отношение. Значения эквонимов данного ряда имеет общую семантическую часть «начало», но дифференцируются за счет гипосем, репрезентирующих разные денотаты: [初 – начало, связанное с кройкой одежды, 首, 元 – голова (как начало тела), 俶 – начало движения, 基 – основа разного рода построек, 祖 – начало человеческого рода, 胎 – начало жизни в утробе матери, 落 – начало как процесс падения листьев с деревьев, 杈輿 – начало жизни растений].

2. Понятие «благородный муж, господин» с родовым гиперонимом «君» – форма обращения, принятая в древнем Китае к человеку, стоящему на вершине иерархической лестницы государственного управления Поднебесной. Эквонимы данного ряда содержательно выражают значение «господин» и дифференцируются в зависимости от социального положения, возраста, пола, исторического периода данные знаки рассматриваются как имена–вещей: [林 – к любому «благородному мужу», 烝, 皇 – к императору, 天 – к самому высшему чину на иерархической лестнице, 帝 – к коронованной особе, 王 – князь, 后 – к потомку «благородного мужа», 侯 – к жене императора, 公 – принц (эпоха Весны Осени)].

3. Понятие «большой» с гиперонимом «大». Эквонимы данного ряда обозначают признак «большой» и являются именами–отношениями качества. Гипосема признака задается именем вещей, которым он приписывается: [弘 – широкий (о взглядах), 廓 – широкий по размеру, большой формы (о теле), 纯 – толстый (о предмете), 宏 – огромный (о земельном участке), 赳 – великий (об императоре), 基 – колоссальный (о постройках и росте), 骏 – большой (о животном), 濯 – торжественный (о приеме), 坟 – обширный (о земельном участке), 壬, 诞 – пышный (о речи), 路 – широкий (о дороге), 淫 – превы-

шающий по размеру (о предмете), 冢 – громадный (о захоронениях), 京 – высокий (о горах) 稚, великий (о делах), 业 – широкий (о досечках для письма), 洪, 溥 – многоводный, 席 – великодушный (о человеке), 将 – большой (диалектное), 假 – громадный (диалектное), 废 – просторный (диалектное), 甫 – большой, великий, позже данный знак стал добавляться к мужским именам].

4. Понятие «перемещаться» с гиперонимом «往». Гипосемы данного ряда эквонимов задаются направлением движения в пространстве и являются именами-отношениями действия: [如 – двигаться от куда-либо, 适 – по направлению туда, 嫁 – выйти замуж с последующим перемещением в семью мужа, 徂 – ехать по направлению туда (диалектное)].

5. Понятие «жаловать» с гиперонимом «赐». Значения эквонимов данной цепочки задаются характеристиками «даруемой» вещи и являются именами – отношениями действия: [赉 – жаловать титул, 贡 – преподносить подарок, 予 – воздавать должное (по заслугам), 畀 – удостоить ответом, предоставить особые права].

6. Понятие «добрый, доброта» с гиперонимом «善». Значения эквонимов данного ряда задается по-видимому философским осмыслением понятия «добрый» в древнекитайской культуре и рассматриваются как имена-отношения свойства: [仪 – поступать в соответствии с порядком, 若 – добрый душой, 祥 – благополучие, 淑 – прекрасный лицом, 省 – с добрыми намерениями, 令 – отдавать приказы (во благо), 辍 прекратить (какое-либо злодеяние), 毅 – искусный в бою, умелый, 谷 – много зерновых культур (добрый знак), 嘉 – доброе предзнаменование, 徽, 介 – красота].

7. Понятие «упорядоченность» с гиперонимом «绪». Гипосемы дифференцируют значения эквонимов в зависимости от сферы установления порядка и являются именами-отношениями действия: [业 – последовательно излагать, не хаотично (старое уходит, уступая место новому), 顺, 舒 – порядок в государстве, упорядочить (выполнить что-либо в последовательном порядке)].

8. Понятие «норма» с гиперонимом «常». Гипосемы данного ряда эквонимов маркируют сферу употребления разного рода правил, норм, причем ни одно из них традиционно не подвергается сомнению и являются именами-вещей: [典, 范 – образец, канон (о древних образцовых книгах), 彝 – в эпоху Цинь название бронзового ритуально-

го чана (ритуал – норма повседневной жизни), 法, 则, 刑 – закон, критерий (для чиновников в управлении государством), 矩, 恒 – правило, закон (для простолудинов), 戛 – этикет (норма поведения для всех приближенных императору), 职 – правило, порядок, которых должен придерживаться «благородный муж», 秩 – обычные правила, общепринятые нормы (для всех), 庸 – быть неизменным на протяжении долгого времени (следовать традициям, как предписано еще в древности), 律 – закон, изданный императором].

9. Понятие «закон» с гиперонимом «法». При общей содержательной части «закон», гипосемы вносят значения соблюдения определенных законов, отклонение от которых, приводит к хаосу, рассматриваются как имена-вещей: [柯 – закон (поступать в соответствии с традициями), 宪 – свод правил, неукоснительного соблюдения, 刑 – порядок (только то, что предписывается государем может считаться законным, 范 – закон (поступать в соответствии с образцом), 辟 – защищать закон, 矩 – моральное сознание (то, что идет от сердца не нарушит порядка)].

10. Понятие «злодеяние» с гиперонимом «罪». Эквонимы данного ряда маркируют разную степень злодеяний и рассматриваются как имена-вещей: [辜 – преступление, 戾 – первоначально, употреблялся в значении «кривой», позже – серьезный проступок, 引申 – глупость (если философ глуп – это тоже зло), 辟 – кара (за грехи)].

11. Понятие «старость» с гиперонимом «寿». Гипосемы данного ряда эквонимов дифференцируются разными признаками проявления старости и являются именами-отношениями состояния: [黄发 – седые волосы, как признак человека преклонных лет, 鬣, 齿, 老 – старец (возраст), 鲐背 – кожа на спине стала как рыба чешуя, 耆 – когда на лице появились пигментные пятна].

12. Понятие «верить, вера» с гиперонимом «信». Значения эквонимов данного ряда задаются признаками, проявление которых вызывает доверие, также имеется ряд диалектных значений и рассматриваются как имена-отношения качества: [允 – искренний (диалектное), 孚 – пользоваться доверием (не обманывать), 亶 – достоверный, правдивый, 展 – достоверный (диалектное), 谏 – верить (диалектное), 亮 – искренне, честно (диалектное), 诚 – честный, чистое сердце, 慎 – серьезный, 询 – достоверный (диалектное)].

13. Понятие «балагурить» с гиперонимом «戏谑». Гипосемы данного ряда эквонимов маркируют степень проявления признака «ба-

лагурировать» и выражают как положительные, так и отрицательные коннотации. Данные знаки являются именами-отношениями действия: [謔 – насмехаться, 浪 – развязный, 笑 – смеяться, 戏謔 – шутить, 敖 – приставать, допускать вольности (по отношению к женщине)].

14. Понятие «соединяться» с гиперонимом «合». Значения эквонимов дифференцируются объектами объединения могут рассматриваться как имена-отношения состояния: [会 – собираться в группу (о людях), 叢, 郃 – вместе (о людях), 盍 – совместно (о людях), 翕 – собираться в стаю (о птицах), 仇, 偶, 妃 – супруги].

15. Понятие «одинаковый, равный» с гиперонимом «匹». Значения эквонимов при общей содержательной части «быть равным» задаются именами, которым приписывается данный признак и рассматриваются как имена-отношения качества: [仇, 妃, 媿 – пара (соответствовать друг другу, подходить друг другу), 敌 – равный по силам (диалектное,) 讎 – равный, паритетный, 知 – одинаково известный всем, 仪 – соответствующий (о ритуале)].

16. Понятие «продолжать» с гиперонимом «继». Гипосемы данного ряда эквонимов маркируют признаки, при которых реализуется то или иное «продолжение» и являются именами-отношениями действия: [绍 – наследовать (из канонических книг), 胤 – продолжать род, 嗣 – потомки, 纂 – продолжать дела, 綏 – наследники (императора), 绩 – первоначально «сучить конопляные нити», позже – наследовать (ремесло), 武 – первоначально «оставить след», позже оставить в наследство потомкам, 系 – постоянно, без перерыва].

17. Понятие «тихий» с гиперонимом «静». Значения эквонимов дифференцируются степенью реализации признака «тихий» и рассматриваются как имена-отношения свойств: [壑 – отдых, 谧 – тихо говорить, 溢 – покой, 蜃 – зимняя спячка, 慎 – воздержанный (на язык), 貉 – мир, 谧 – размышлять (в тишине), 溢, 頌 – умиротворение, 密 – молчание, 宁 – безмятежность].

18. Понятие «далекий» с гиперонимом «远». Значения эквонимов коррелируют с пространством или временем и рассматриваются как имена-отношения: [永 – вечность, 悠 – давным-давно, 迥 – тому назад, 违 – давность, 邈, 遐 – из далека, 阔 – отдаление, отчуждение].

19. Понятие «разрушать» с гиперонимом «毁». Гипосемы данного ряда эквонимов дифференцируются способом «разрушения» и являются именами-отношениями действия: [亏 – причинить вред, 怀 –

портить, сломать, 圮 – разрушить, 嵬 – развалиться (о стене, о берегах реки и т. д.)].

20. Понятие «повествовать» с гиперонимом «陈». Гипосемы маркируют способ повествования и рассматриваются как имена-отношения действия: [矢 – клясться, 稚 – приводить примеры, 延 – излагать (подробно), 顺 – первоначально управлять, позднее приводить примеры по порядку, 荐 – рекомендовать, 刈 – излагать по существу, 绎 – первоначально спустить петли, позднее излагать (без подробностей), 尸 – приводить примеры, 旅 – упорядочить, грамотно излагать].

21. Понятие «управлять» с гиперонимом «主». В основе дифференциации гипосем лежит социально-иерархический принцип и являются именами-отношениями действия: [尸 – управлять, распоряжаться (так как делали предки), 职 – заниматься делами (о чиновниках), 主 – вершить, владеть (об императоре)].

22. Понятие «чин, ранг» с гиперонимом «官». Гипосемы маркируют имена-вещи. Значения эквонимов задаются системой ценностей: (трепетного отношения к предкам и приматом иерархических отношений в древнекитайском обществе): [尸 – первоначально, святая табличка предков (если человек не знает своих предков, в его жизни теряется порядок), позднее – чиновник (человек призванный служить, так, как завещали предки), 采 – первоначально участок земли, пожалованный императором и передаваемый потомкам, вторичная номинация – исполнять служебный долг, 寮 – чиновник (хранитель традиций)].

23. Понятие «дела, заниматься делами» с гиперонимом «事». Значения эквонимов данного ряда при общей семантической части «дела, занятия» дифференцируются по степени обобщенности данного значения и отношением субъекта к делам и рассматриваются как имена-вещи: [绩 – заслуги, 绪 – заветы предков, деяния, 业, 采 – обязанности, 宜 – заниматься делами (в повседневной жизни), 服, 贯 – посвятить себя делам (государственным, во благо народа), 公 – служебные дела].

24. Понятие «длинный» с гиперонимом «长». Эквонимы данного ряда обозначают признак и рассматриваются как имена-отношения свойств. Гипосемы признака «длинный» задаются вещами, которым он приписывается: [永 – длинный (длящийся вечно, получивший продолжение в веках), 漾 – полноводный, разливаться (о водах), 引 – растянуться, течь (о реках), 延 – продлить, удлинить (срок), 融 – давно,

такое-то время тому назад (диалектное), 骏 – расти, вырасти (о человеке или животном)].

25. Понятие «высокий» с гиперонимом «高». Гипосемы признака «высокий» задаются именами вещей, которым приписывается данный признак и рассматриваются как имена-отношения качества: [乔 – высокие деревья, 嵩 – высокая гора, 崇 – высокая и большая гора; второе значение полный, наполненный (относительно жидкости, заполняющей различного рода емкости)].

26. Понятие «победить» с гиперонимом «胜». Родовая гиперсема называет признак действия «победить», гипосемы эквонимического ряда задаются денотатами вещей при этом, некоторые из них описывают способ достижения различного рода «побед». Данные знаки рассматриваются как имена-отношения действия: [犯 – нападать, вторгаться, добиваться победы путем захвата и порабощения, 奢 – первоначально натягивать лук, вторичная номинация как, превзойти умением (умело обращаться с оружием), 果 – добиться победы, убив врага, 毅 - эволюционировать (о письменных знаках), 克 – победить в бою, 捷 – одержать уверенную победу, 肩 – победить путем преодоления различного рода препятствий или трудностей, 堪 – вынести, вытерпеть, 功 – достичь успехов, стать мастером].

27. Понятие «торжествовать победу» с гиперонимом «克». Данный ряд составляют семантически однородные лексические единицы с общей содержательной частью «победить посредством применения силы» и рассматриваются как имена-отношения действия. Значения эквонимов дифференцируются в зависимости от способа проявления силы: [戡 – усмирять, подавлять (мятеж, бунт), 肩 – победить путем преодоления различного рода препятствий или трудностей, 刈 – покорить, завоевать, 杀 – убить].

28. Понятие «убить, смерть» с гиперонимом «杀». Гиперсема маркирует признак действия или признак состояния «убить, лишиться жизни, смерть». При общей содержательной части со значением «смерть», гипосемы эквонимического ряда дифференцируются в зависимости от способа совершения убийства и объекта по отношению к которому совершается данное действие: [猕 – смертельно ранить (о животных), 刈 – убить, истреблять (народ), 斩 – отрубить (голову), 刺 – заколоть].

29. Понятие «воодушевлять» с гиперонимом «勉». Гиперсема описывает признак действия «воодушевлять, воодушевленный». Гипосе-

мы эквонимов дифференцируются степенью проявления признака и способом воздействия на объект: [𪔐𪔐 – с энтузиазмом, с воодушевлением, 𪔐沒 – единодушно, 孟 – побуждать к чему-либо (уговорами, речами), 敦 – поощрять кого-либо за заслуги перед Поднебесной, 勸 – поощрять, хвалить, 剗 – поощрять (диалектное), 茂 – оказывать милость (об императоре по отношению к подданным), 劬 – побуждать к действию собственным примером, 勗 – воодушевлять (обещая щедрую награду)].

30. Понятие «действовать посредством силы» с гиперонимом «強». Общая гиперсема содержательно выражает признак какого-либо действия, которое реализуется посредством усилий. Гипосемы маркируют степень проявления усилий как моральных так и физических: [𪔐 – принуждать, требовать прилагая физическую силу, 务 – выполнять служебные обязанности прилагая все силы, изо всех сил, 昏 – делать что-либо через силу, с трудом справляться с чем-либо].

31. Понятие «Я» с гиперонимом «我». Гиперсема содержательно выражает значение «Я», как форму самоназвания. При общей содержательной части «Я», гипосемы дифференцируются исходя из социально-иерархической организации древнекитайского общества и по гендерному признаку. Данные знаки рассматриваются как имена-отношения замещения: [印 – «Я» (женщина), 甫, 阳 – «Я» (мужчина), 吾, 余, 予, 身 – «Я» (нейтральная форма самоназвания), 朕 – «Я», «Мы» (император), 台 – «Я» (уничижительно, «маленький человек», 言 – «Я» (говорящий)].

32. Понятие «дарить» с гиперонимом «予». Лексическая единица «予» полисемантическая, в данном гипер-гипонимическом ряду являясь гиперонимом обозначает признак действия «дарить». Гипосемы задаются именем вещи, которой приписывается данный признак действия и социальным статусом субъекта: [畀 – дарить (жизнь) высший чин по отношению к низшему, 卜 – жаловать (землю, титул и т.д.), 賚 – удостоить (ответом), вторичная номинация – удостоить подарков].

33. Понятие «управлять» с гиперонимом «慮». Гиперсема называется статический признак действия. При общей содержательной части «управлять», значения эквонимов дифференцируются в зависимости от способа проявления данного признака: [詔 – управлять посредством обучения, 亮 – управлять посредством разъяснения, 左右 – указывать, 相, 左 – руководить, наставлять, 助, 介, 尚, 右 – помогать].

34. Понятие «свет, светлый» с гиперонимом «光». Гиперсема репрезентирует и описывает имя-отношение свойства, гипосемы дифференцируются интенсивностью проявления признака «светлый»: [緝熙 – светлый, свет, 烈 – зарево, гореть красным, 显 – ясный, очевидный, 昭 – яркий (о солнце или луне), 皓 – рассвет, рассветный, 炯 – полыхающий (о пламени), яркий (о луне)].

35. Понятие «крепкий, прочный» с гиперонимом «固». Гиперсема описывает имя-отношение свойства. Значения эквонимов задаются именами вещей, которым приписывается данный признак: [劫 – прочный как камень, 巩 – прочное (государство), 笃 – основательный, прочный (договор), 擊 – укрепить, сделать крепким (союз, государство), 虔 – почтительный, человек на которого можно положиться (нравственная основа человека), 胶 – первоначально прочный как невыделанная шкура, вторичная номинация: вести себя как «благородный муж», соответствовать моральным принципам – вот прочный фундамент для государства].

36. Понятие «красивый, красота» с гиперонимом «美». Гиперсема обозначает имя-отношения качества. Значения эквонимов задаются традиционным представлением древних китайцев о красоте: [唯唯 – красивый как луна, месяц, 皇皇 – величественный, как император, 藐藐 – пышный, торжественный (о приеме), 穆穆 – спокойный, 休 – умиротворенный, 嘉 – добрый (знак), 珍 – драгоценный, 懿 – чистый помыслами, нравственный, 祗 – соблюдающий этикет, 铄 – пышный].

37. Понятие «кто»? с гиперонимом «誰». Данный знак указывает на какое-либо лицо и формально служит для выражения вопроса со значением «кто, что за человек»? С точки зрения китайской языковедческой традиции группа вопросительных местоимений относится к словам-заместителям, которые сами по себе ничего обозначать не могут, но могут выполнять заместительную функцию. В данном случае гипероним? указывая на некое лицо, «誰» замещает имя лица и наделяет предложение вопросительной коннотацией. Данные знаки рассматриваются как имена-отношения дейксиса: [畴 – кто?, 孰 – кто, который?] [8; 9; 10; 11].

Изложение выше дает основание для следующих выводов:

1. Принцип организации словаря «Эръя» основан на гипер-гипонимических связях лексических единиц, которые упорядочивают словарь в общую систему, по вертикали от родового понятия, явля-

ющего общей содержательной частью для соответственного ряда видовых гипонимов.

2. В словаре реализуются линейные эквонимические связи, которые образуют горизонтальные микроструктуры. Эквонимы каждого ряда содержательно дифференцируются гипосемами и способны к односторонней замене на гиперсему своих интенционалов.

3. Данная таксономия может рассматриваться как преимущественно естественная, концептуально-перцептуальная. Первая характеристика вытекает из того факта, что классы словаря выводятся на каком-то априорно введенном логическом или ином метапризнаке [4, с. 180]. Концептуально-перцептуальный характер проявляется в том, что в «Ши гу» описывается мир вещей преимущественно через импликацию имен-отношений.

4. Семантические типы знаков, представленные в первой главе, делятся на два типа: имена-отношения и имена-вещи. В количественном соотношении преобладают имена-отношений. Отношения задаются именами-вещей и реализуются через разные признаки (качество, состояние, действие, замещение и т.д.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Полное собрание сочинений. Т. 2. [Текст] / Аристотель. – М.: Мысль, 1976. – 687 с.
2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
3. *Готлиб О. М.* Таксономия имен в китайской языковедческой традиции / О.М. Готлиб // Китайское языкознание. Изолирующие языки: Материалы 11 межд. науч. конф. Москва, 25-26 июня 2002 г. – М.: Институт языкознания РАН, 2003. – С. 256-263.
4. *Готлиб О. М., Шишмарева Т. Е.* Китайская сюньгусюе как наука // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки, 2006. – № 3. – С. 177-181.
5. *Морковкин В. В.* Опыт идеографического описания лексики. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1977. – 168 с.
6. *Никитин М. В.* Курс лингвистической семантики: учеб. пособие. 2-е изд., доп. и испр. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2007. – 819 с.
7. *Фреге Г.* Логика и логическая семантика: сб. тр. / пер. с нем. Б. В. Бирюкова под ред. З. А. Кузичевой: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.
8. «尔雅译注». 胡奇光、方环海 上海古籍出版社1999年9月版.

9. 《尔雅注疏·郭璞注，邢昺疏》 中华书局1983年10月版.
10. 《诗经词典》. 向熹撰 四川人民出版社1997年7月版.
11. 《十三经注疏·尔雅注疏》. 中华书局1980年15月版.

Сетевое электронное научное издание

Вестник МГЛУ ЕАЛИ
Выпуск 21 (732)
Серия Языкознание и литературоведение

Редактор *И. Л. Андриевич*
Компьютерная верстка *И. Л. Андриевич*
Дизайн обложки *А. Г. Проскуракова*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 30.11.2015 г.
Усл. печ. л. 11,55. Формат 60х90/16

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

Перепечатка материалов
возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна